

Бил Каурман

**ВВЕРХ
ПО ЛЕСТНИЦЕ,
ВЕДУЩЕЙ
ВНИЗ**

ЭССЕ

84.7CMA

K 12

13488

Кауценате Бер
Вверк волетт Вегву
1989, 549 =

Поздравте ме войте из класа!..

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

Бел Каурман

Фото Сиднея Глюка

Б.О.

Бел Каурман

**ВВЕРХ
ПО ЛЕСТНИЦЕ,
ВЕДУЩЕЙ
ВНИЗ**

РОМАН

ЭССЕ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ББК 84.7США
К12

~~Состав~~ эссе Ф. Лурье
Редактор И. Архангельская

Кауфман Б. Вверх по лестнице, ведущей вниз:
К12 Сборник. Пер с англ./Составл. эссе Ф. Лурье.— М.:
Радуга, 1989.—288 с.

В сборник вошли широко известный роман писательницы, переведенный на многие языки,— о жизни средней школы в одном из окраинных районов Нью-Йорка, а также эссе, в которых Бел Кауфман затрагивает злободневные вопросы воспитания детей и взаимоотношения поколений, размышляет о писательском труде.

К $\frac{470300000-587}{030(01)-89}$ 65-88

ISBN 5-05-002274-6

© Составление и перевод на русский язык,
кроме отмеченного в содержании зна-
ком *, издательство «Радуга», 1989

От автора

Дорогой читатель, ты держишь в руках книгу, открывающуюся романом «Вверх по лестнице, ведущей вниз», с которым советские люди познакомились еще в 1967 году, когда он был напечатан в июньском номере журнала «Иностранная литература». Мне говорили, что в вашей огромной стране мой роман прочли более восьми миллионов человек, передавая друг другу, записываясь в очередь и месяцами ждали, когда зачитанный до дыр журнал наконец дойдет до них. Прошло более двадцати лет, мою книгу будет читать уже другое поколение, и я хочу сказать несколько слов моим новым читателям. Однажды на курорте, когда я, раздевшись, спустилась в большой бассейн с горячей водой, где плескались две или три женщины, тоже без купальных костюмов, одна из них закричала, указывая на меня пальцем: «А вы моя бывшая учительница по английскому! Никогда не видела голую учительницу!» Вот так и я сейчас предстану перед вами во всей моей наготе, не прячась за звучащие на бумаге голоса моих героев.

Когда я в 1968 году приехала в вашу страну по приглашению Союза советских писателей, чтобы познакомиться с вашими школами, у меня сложилось впечатление, что мой роман читали все. Потом я рассказала в бюллетене американского ПЕН-центра, как московский таксист, узнав, кого он везет, пришел на следующее утро ко мне в гостиницу с обтрепанным номером журнала и попросил автограф. В Киеве официантка обняла меня, поцеловала и начала рассказывать, какое удовольствие ей доставила моя книга. Директор школы № 752 подарила мне банку домашнего варенья. В Ленинграде один двенадцатилетний мальчик сказал мне: «Все как у нас» — но, конечно же, у вас совсем не так, как у нас.

Многое изменилось в мире за последние двадцать лет, но, судя по всему, эта книга в ее новенькой обложке не устарела. Она столь животрепещуще остра, что мои нью-йоркские издатели готовятся отметить ее двадцатипятилетний юбилей. Проблемы в наших школах все те же, только еще углубились; они уже

касаются не только содержания и методов обучения, но приобрели социальный характер. Мой вымысел предвосхитил мрачную действительность сегодняшнего дня.

Я никогда в жизни не собиралась писать роман, и уж тем более роман, который будут называть «классическим романом о школе». Думала ли я, что произвожу переворот в школьном образовании,— мне просто казалось, что я пишу о любви.

Роман вырос из рассказа на трех страницах, который состоял из обрывков записок, якобы найденных в мусорной корзине в одном из классов нью-йоркской средней школы,— смешно смонтированные вперемешку, они показали, какой хаос и неразбериха царят в этой школе, как упорно бюрократическое равнодушие прикрывается косноязычной риторикой, как отчаянно звучат немые крики о помощи и как самоотверженно одна-единственная учительница пытается изменить судьбу хотя бы одного-единственного подростка.

Два журнала отвергли рассказ, сочтя его слишком специфичным и решив, что он отпугнет читателя необычным типографским оформлением. Но я не пала духом и послала рассказ в «Сатердей ревью оф литерачер», которое и напечатало его 17 ноября 1962 года. Помню, как ошарашили меня рисунки-карикатуры, которыми журнал иллюстрировал рассказ. Ну вот, подумала я, увидит их читатель и решит, что это раздел юмора. Однако я ошиблась.

В первый же день, как журнал появился в киосках, один предприимчивый издатель предложил мне сделать из него роман. Я сначала отказалась: я пишу только рассказы, романы сочинять не умею; к тому же, как мне казалось, в этом крошечном рассказе я сказала все, что можно было сказать. Но он соблазнил меня авансом, и я этот аванс истратила. Чувство вины и подвигло меня написать книгу.

Началось самое трудное: надо было вылепить характеры, пользуясь тем же приемом, который я применила в рассказе: сочинить великое множество писем, объяснительных записок, циркуляров и распоряжений, которые обрисуют учеников, учителей, родителей и дирекцию ярче и живее, чем мои собственные слова. Пришлось ввести в роман молодую учительницу-идеалистку, которая бунтует против всего мертвящего и уничтожающего человеческого достоинство, что есть в школьной системе, и хотя бы штрихами обозначить жизнь ребят вне школы. «Его мать не может прийти будучи умершей. Пожалуйста извините»,— сообщалось в одной из родительских записок.

Все забывается. Книга смешная, и потому мне вскоре стало казаться, что писала я ее легко и весело. Помню, как я смеялась,

когда придумывала нелепости вроде: «Опоздание по отсутствию» или «Нижеследующим пренебречь». А однажды ночью и проснулась и стала хохотать — я придумала фразу, которую мальчишка мог сказать об «Одиссее»: «Такую муру я бы и собаке не дал читать!»

Говорят, что книга читается легко, но на нее ушло полтора года тяжелейшего, каторжного труда. Когда я заглядываю в исчириканную вдоль и поперек рукопись романа, я вижу, как мучительно искала точного слова, верной интонации, как безжалостно вымарывала я текст, добивалась выразительности — например, глава о расовых предрассудках сократилась в конце концов до одного-единственного параграфа, а от параграфа в последнем варианте остался лишь вопрос: «А вы можете угадать по моему почерку белый я или нет?»

Мои герои выкристаллизовывались, обретали плоть и кровь: остряк, потешающий весь класс; карьерист; рано созревшая девушка, терзаемая сексом; черный паренек-задира; пуэртори-канец, которому в конце концов удастся преодолеть свою застенчивость; некрасивая девочка, которая понемногу начинает обретать себя. Чтобы дать им возможность высказывать свои мысли, я придумала «Ящик пожеланий»; одинокий мальчик положил в него письмо, в котором поздравил себя с днем рождения.

Я знала, что роман будет начинаться словами «Привет, училка!» и кончатся «Привет, зубрилка!», а все остальное между этими двумя репликами будет развитием, разработкой темы, и финал замкнет круг. И еще я знала, что в первой главе мои герои будут говорить: в какофонии голосов намечаются конфликты, а потом письма, письма, письма — крики людей, надеющихся, что их услышат.

Название подсказала докладная записка начальника административного отдела: «Задержан мною за нарушение правил: шел вверх по лестнице, ведущей вниз, и на замечание ответил дерзостью». Эта формулировка выразила не только всю меру тупости школьного начальства, но и показалась мне метафорой — человек идет против движения, бунтует против системы. Одно меня смущало — название очень уж длинное и не слишком понятное. Кто его запомнит?

Однако его запомнили. Оно стало крылатой фразой. Замелькнуло в газетных заголовках. Даже в вашей «Правде» появилась карикатура, под которой было написано: «Вверх по лестнице, ведущей вниз».

Когда я писала роман, я надеялась, что его прочтут разве что десяток-другой учителей и, может быть, они посмеются,

узнав свою школу. Однако книга моя несколько месяцев занимала первое место в списке бестселлеров; она получила множество премий, была переведена на многие языки и оказала влияние на жизнь многих людей. Но когда она готовилась к печати, я больше всего на свете боялась, что меня уволят из колледжа, куда я недавно поступила на работу. «Я написала книгу, она выходит на следующей неделе,— призналась я одной из своих коллег.— В ней я свела счеты кое с кем из начальства. Боюсь, как бы меня не прогнали». Приятельница стала меня успокаивать: «Ну что вы, не волнуйтесь, кому придет в голову писать на нее рецензию? Никто не узнает, что вы ее автор».

Рецензии были одна восторженной другой. Мне даже неловко их цитировать. Скажу только, что во всех них говорилось о гуманности и доброте, к которым призывает книга. Один из критиков так подытожил свои впечатления: «Здесь много страниц, над которыми смеешься. Иные вызывают слезы. Но сквозь смех и слезы мы ясно понимаем, как трудно ученикам и учителям понять друг друга при нынешней системе массового обучения».

Посыпались письма — от друзей и совершенно незнакомых людей, причем один молодой человек — судя по вложенной фотографии, очень красивый — даже сделал мне предложение. Учителя писали: «Откуда вы все это узнали? Ведь вы рассказываете о моей школе, о моем классе, о моих трудностях». А директор одной из школ заверил: «Мы бы вам позволили ходить по всем лестницам и вверх, и вниз, как вам вздумается».

Итак, меня простили!

Я думала, что просто рассказала о том, что я знаю и что мне близко, у меня и в мыслях не было обращать кого-либо в свою веру. Могла ли я предполагать, что эта «забавная» книга произведет столь сильное впечатление — один критик написал, что она победно шествует по стране, точно армия с развевающимися знаменами.

Известность пришла ко мне неожиданно-негаданно — так лорд Байрон в одно прекрасное утро проснулся знаменитым. Я стала высшим авторитетом по всем вопросам без исключения. Меня приглашали выступать по радио и телевидению, обсуждать самые разнообразные проблемы. Я получала призы и награды. Мне вручали адреса и грамоты. Меня фотографировали на всех лестницах страны, где только я ни появлялась. В ресторанах меня просили оставить автограф на меню. Редакторы, издатели, продюсеры, директора лекционных бюро роем вились вокруг меня. Но самую большую радость я испытала, когда вынула из

почтового ящика письмо, на котором было написано всего лишь: «Мисс Сильвии Баррет, учительнице».

По роману была написана пьеса для любительских групп, и все школы бросились ее ставить. Ребята, которые в ней играли, сообщали мне:

«Если бы не Ваша пьеса, никто не устроил бы мне такую овацию».

«Во время первого представления все очень смеялись, когда я должна была совершить самоубийство и выброситься из окна, но Вы в этом не виноваты».

По книге поставили фильм. Мне, как техническому консультанту, разрешалось присутствовать на съемках, и я страшно гордилась, что все эти люди: актеры, осветители, операторы, помощники монтажера, режиссер, продюсер, ассистенты, гримеры, художники, девчонки и мальчишки, которых отыскивали в школах, в городских трущобах, в огромных многоквартирных домах и поручили им роли героев и героинь,— что все они собрались здесь, на съемочной площадке, только потому, что я однажды села за машинку и вставила в нее чистый лист бумаги.

Один из журналов готовил статью о том, как снимается фильм. Мы пошли домой к мальчику, который играл роль Хосе Родригеса и которого, кстати, тоже звали Хосе Родригес. Он не учился в школе — бросил. Его мать горячо пожала мне руку и сказала со слезами на глазах: «Очень вас прошу, напишите еще одну книгу о моем сыне!»

Премьера состоялась в Нью-Йорке, в концертном зале «Радио-Сити», и в 1967 году фильм послали на Московский кинофестиваль. Его показывали в огромном зале Кремлевского Дворца съездов, где собралось 5000 зрителей, и, когда фильм кончился, они долго и бурно аплодировали.

В мой следующий приезд в Советский Союз — весной 1977 года — меня ожидал замечательный сюрприз. Недавно созданная режиссером Александром Кравцовым «Студия сценических искусств» поставила музыкальную инсценировку по моему роману «Вверх по лестнице, ведущей вниз», и она шла с большим успехом. И режиссер, и все актеры уехали отдыхать, но, узнав, что я приехала, вернулись в Москву и дали в мою честь представление. Когда пьеса кончилась, меня попросили подняться на сцену и сказать несколько слов. И я выразила восхищение, что созданные мной герои так великолепно выучили русский язык, а в заключение сказала, что если что-то и способно сблизить наши страны, так это не политические дискуссии, а смех, который я слышала сейчас в зале, и слезы, которые видела в глазах зрителей. Меня засыпали цветами, вся труппа по-

ставила свои автографы на моей программке, актеры вышли со мной на улицу и, окружив машину, стояли и пели песню, которая проходит через всю пьесу. Незабываемое впечатление!

А какой чудесный подарок мне подарили, когда я приехала в Москву в июне 1986 года! Кравцов собрал всех актеров, которые играли в моей пьесе девять лет назад, и устроил для меня настоящий праздник.

Мое детство прошло в Одессе и в Москве, и потому русский язык мне очень дорог. Я благодарна Е. Ивановой и С. Шайкевич, которые перевели «Вверх по лестнице, ведущей вниз» на этот прекрасный язык. О переводах на другие языки мне судить трудно. Были очень забавные названия:

На шведском: HEJ, FRÖKEN!¹

На финском: OPIN SAUNA².

На итальянском: SU PER LA DISCESA³.

На чешском: NAHORU POSCHODISTI⁴.

На японском: не могла ничего понять.

А кто-то из друзей пополнил эту коллекцию названий, рассказав, что какое-то издательство пиратски нарушило авторские права и выпустило мою книгу, на обложке которой значилось: «Вверх ногами по лестнице» — это выявило в романе совершенно новый смысл.

Когда в Соединенных Штатах книга вышла дешевым изданием в мягкой обложке и ее смогли покупать подростки, я начала получать от них письма — письма, адресованные мисс Баррет:

«Дорогая мисс Баррет, вы помогли мне окончить школу».

«В понедельник я делаю доклад о прочитанной книге, пришлите мне, пожалуйста, вашу биографию».

«Без нас не может быть будущего».

Это правда. Наше будущее сидит сейчас за партами в школе. В каком-то классе, в одной из школ — нет, в каждой школе — ребят по-прежнему учит мисс Баррет. И несмотря на трудности, которые переживают школы всего мира, образование идет вперед — благодаря тысячам преданных своему делу учителей, которые упорно поднимаются вверх по нескончаемой лестнице. Им я и посвящаю эту книгу.

Бел Кауфман

¹ Привет, девушка!

² Вверх по банной лестнице.

³ Вверх по спуску.

⁴ Вверх по лестнице.

ВВЕРХ

ПО

ЛЕСТ-

НИ-

ЦЕ,

ВЕ-

ДУ-

ЩЕЙ

ВНИЗ

РОМАН

Up the Down Staircase
1964

Перевод *Е. Ивановой* и *С. Шайкевич*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Привет, училка!

Привет, училка!

Погляди на нее! Она учительница?

Кто она?

Это 304-я? Вы мистер Барринджер?

Нет, я мисс Баррет.

А у меня должен быть мистер Барринджер.

И мисс Баррет.

Вы учительница? Такая молодая?

А она красотка. Эй, училка, можно мне остаться в вашем классе?

Пожалуйста, не толпитесь в дверях. Входите, пожалуйста.

Добрый вечер, мисс Барнет.

Мисс Баррет. Моя фамилия написана на доске. Доброе утро.

Не может быть! У нас классный наставник — дама!

Надрать ему уши?

Это классный час?

Да, сидите, пожалуйста.

Я не из этого класса.

Вы будете у нас весь семестр? Вы постоянная или временная?

Парт не хватает.

Успокойтесь как-нибудь.

А где нам сесть?

Это 309-я?

Кто-то стянул у меня пропуск. Дайте мне пропуск!

Как ваша фамилия?

Моя фамилия на доске.

Я не разбираю ваш почерк.

Мне нужно к медсестре, я умираю.

Не верьте ему, он не умирает.

Можно мне наточить карандаш в канцелярии?

Да оставьте ее в покое, вы, идиоты!

Можно нам сесть на радиатор? Мы тут сидели в прошлом году.

Привет, училка! Вы наш классный наставник?
Да заткнитесь вы, идиоты! Вы же видите, что учительница хочет что-то сказать.
Пожалуйста, садитесь! Я бы хотела...
Эй, кажется, был звонок.
Почему нет миссис Синджер? В прошлом году в этой комнате была она.
Когда нас отпустят домой?
Первый школьный день, а он уже собрался домой.
Звонок. Начинаем занятия. Успокойтесь, пожалуйста...
Можно мне пропуск, я хочу попить.
Хотите, я разложу карточки по алфавиту?
Это какая комната?
Это 304-я комната. Моя фамилия на доске: мисс Баррет. Я буду вашей классной наставницей весь семестр и надеюсь встретить некоторых из вас на своих уроках языка и литературы. Говорят, что первые впечатления...
Литература!
Кому она нужна?
На дом вы много задаете?
Говорят, что первые впечатления запоминаются надолго. Именно с них начинается... Да? Вы из этого класса?
Нет. Макхаби требует Фероне, немедленно.
Кто?
Макхаби.
Кого он требует?
Джо Фероне.
Джо Фероне здесь?
Джо? Вы смеетесь!
Он приходит, когда ему вздумается!
Оставь оконный крюк в покое. Итак, наши первые впечатления...
Это 304-я?
Да. Ты опоздал.
Я не опоздал, я отсутствующий.
Вот как!
Да, я отсутствовал весь прошлый год.
Ну хорошо, садись.
Я не могу. Меня исключают, подпишите мой «бегунок».
У тебя не осталось книг?
У которых остались, они в черном списке, у них желтый листок, а у меня зеленый.
Эй, пропуск еще не вернулся?
Не толкайся!
Он первый начал!

Пожалуйста, успокойтесь, иначе мы не успеем побеседовать о первых впечатлениях. Я просто задыхаюсь здесь...

Эй, она задыхается!

Дайте ей воздуху.

Вы должны заполнить личные карточки, и тогда я заполню журнал. Кому не хватило парт, прислоните карточки к стене. Пишите печатными буквами, чернилами. Сначала свое имя, фамилию, потом имя и фамилию отца, дату рождения, адрес, мою фамилию — она на доске — и то же самое в обратном порядке. Потом я вас всех расскажу. Вопросы есть?

Чернилами или карандашом?

У меня нет ручки, можно писать карандашом? Эй, кто мне даст карандаш?

Я не помню, когда я родился.

Не обращайтесь на него внимания, он острит!

Печатными буквами?

Когда у нас завтрак?

Я не умею писать задом наперед.

Ха-ха! Я помру со смеху!

Зачем вам мой адрес? Мой отец все равно не может прийти.

Кто-то стянул у меня ручку!

Я не могу писать, я потерял очки.

Я весь год буду сидеть на радиаторе?

А я не знаю своего адреса, мы переезжаем.

А куда вы переезжаете?

Не знаю.

Где ты живешь?

Я живу нигде.

«И НИГДЕ не живу». А вы, молодой человек, почему опоздали?

Я не у вас, а у мистера Лумиса. В этом классе мой дядя, он забыл свой завтрак. Эй, Тони, лови!

Пожалуйста, не бросай!.. Да, в чем дело?

Это класс миссис Синджер?

Да. Нет. Уже нет.

Я в прошлом году потерял резинку, никто не находил?

Эй, можно писать карандашом?

Это сейчас заполнять?

Кто-то выплюнул жевательную резинку на мою парту.

Сначала имя или сначала фамилию?

Мне нужен пропуск в туалет. Я свои права знаю. Разве у нас нет демократии?

«У нас нет демократии». А у тебя что случилось?

У меня вся парта засыпана стеклом.

Оставь, не трогай разбитое окно. Надо сказать кому следует. Кто...

Я пойду.

Нет, я. Это Грэйсон. Я знаю, где его найти. Он в подвале. Хорошо, скажи ему, чтобы он срочно пришел. А ты кто?

Простите, я опоздал. Меня задержали.

Где?

В опоздалке. Я уже свое отсидел.

Ну хорошо, садись. То есть, вернее, становись у стены.

Вместо папы можно записать тетю?

Запиши маму.

У меня нет мамы.

Ну, напиши, как знаешь. А вам что угодно, милая девушка?

Меня прислали из канцелярии. Зачитайте это своему классу и подпишите.

Прошу внимания! Пожалуйста, тише. Сегодняшнее расписание изменено. Слушайте внимательно:

«СЧИТАТЬ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ЦИРКУЛЯР
НОМЕР ТРИ, ПАРАГРАФЫ ПЯТЬ И ШЕСТЬ,
И ВЫПОЛНЯТЬ НИЖЕСЛЕДУЮЩЕЕ:

УТРЕННИЙ КЛАССНЫЙ ЧАС ПРОДЛИТЬ ДО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ВТОРОГО УРОКА. ВСЕМ КЛАССАМ ИКС-2 ВЫЙТИ В ЗАЛ НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ВТОРОГО УРОКА. ПЕРВЫЙ УРОК ПЕРЕНОСИТСЯ НА ЧЕТВЕРТЫЙ УРОК, ВТОРОЙ — НА ПЯТЫЙ, ТРЕТИЙ — НА ШЕСТОЙ И Т. Д. ТАКИМ ОБРАЗОМ, ВСЕ УРОКИ СОКРАТИТЬ НА 23 МИНУТЫ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ЗАВТРАКА».

Я ничего не слышу. Что вы сказали?

На улице сверлят асфальт.

Закройте окно.

Не могу. Я задохнусь!

Какое сегодня число?

Сентябрь, болван!

Прошу внимания, пожалуйста. Я еще не кончила:

«ВВИДУ НЕХВАТКИ МЕСТ В ЗАЛЕ, УЧЕНИКАМ, ОСТАВШИМСЯ БЕЗ МЕСТ, СТОЯТЬ МЕЖДУ РЯДАМИ, ПОКА НЕ ОКОНЧИТСЯ ЦЕРЕМОНИЯ ПРИВЕТСТВИЯ ФЛАГА, ПОСЛЕ ЧЕГО ИМ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ОСТАВАТЬСЯ МЕЖДУ РЯДАМИ. ЭТО ПРОТИВОПОЖАРНОЕ ПРАВИЛО. ДОКТОР КЛАРК ОБРАТИТСЯ С ПРИВЕТСТВИЕМ КО ВСЕМ НОВЫМ УЧЕНИКАМ НА

ТЕМУ: «НАШЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ». ОБ УЧЕНИКАХ, КОТОРЫЕ В ЭТО ВРЕМЯ БУДУТ РАЗГОВАРИВАТЬ ИЛИ ЕСТЬ ЗАВТРАК, НЕМЕДЛЕННО ДОЛОЖИТЬ МИСТЕРУ МАКХАБИ».

Воды, дайте мне воды! У меня пересохло в горле.

Он думает, что это остроумно!

Можно немного внимания?

Нет!

«ЗАВТРА ВСЕ КЛАССЫ ИГРЕК-2 БУДУТ ЗАНИМАТЬСЯ ПО СЕГОДНЯШНЕМУ РАСПИСАНИЮ ДЛЯ КЛАССОВ ИКС-2, А ВСЕ КЛАССЫ ИКС-2 БУДУТ ЗАНИМАТЬСЯ ПО СЕГОДНЯШНЕМУ РАСПИСАНИЮ КЛАССОВ ИГРЕК-2».

А нам что делать?

Какой у нас сейчас урок?

Мальчик на задней парте, оставь тряпку в покое! Слушайте меня, я еще не все прочитала.

У нас сегодня торжественное собрание?

«ЗАНИМАЙТЕ ТОЛЬКО ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ ВАМ РЯДЫ. ВСЯКИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ЗАПРЕЩАЮТСЯ».

Простите, я от советника по воспитанию. Мисс Фриденберг просит немедленно Джо Фероне.

Его здесь нет. Пожалуйста, сдайте свои карточки, чтобы я...

Я еще не начал писать. Жду ручку.

Как писать вашу фамилию?

Эй, он выбросил тряпку в окно!

Пожалуйста, прошу вас...

Вот мой пропуск, а он сказал, что я болтаюсь без дела.

Кто он?

Макхаби.

Мистер Макхаби.

Можно и так.

Прошу вас, заполняйте карточки, и я проведу переключку.

Я не кончил.

Мне карточки не попало!

Не досталось. Да?

Мистер Мангейм из соседнего класса просит одолжить тряпку для доски.

Мы сами остались без тряпки. Прошу вас..

А что мне будет, если я разложу карточки по алфавиту? Сегодня торжественное собрание?

Хотите, я пойду вниз и притащу вам все из вашего ящика для писем, мисс Баррет?

Хорошо. А сейчас...

Я не могу писать, у меня рука не действует.

Вы будете нашей учительницей?

Прошу тишины, пока я проведу перекличку, и поправляйте меня, если я буду неправильно произносить ваши фамилии. Понимаю, что это неприятно, но скоро я вас всех буду знать. Абрахамс Гарри?

Здесь!

Аллен Фрэнк?

Нет.

Нет?

Его нет.

Амдур Джанет?

Здесь.

Мистер Грэйсон сказал, что там никого нет.

Как же он мог это сказать, если он там?

А он так сказал. Что ему передать?

Ничего. Амдур Джанет?

Я здесь уже была.

Арбуцци Винцент?.. Да, что мне еще подписать?

Ничего, я вернулся из туалета.

Дайте пропуск мне!

Мне, моя очередь!

А я первый попросил!

Блэйк Алиса?

Я здесь, мисс Баррет.

Бланка Кармелита?

Кэрол. Я изменила свое имя.

Бланка Кэрол?

Здесь.

Браун... Да?

Мисс Финч сказала, чтобы вы заполнили это немедленно. Я провожу перекличку. Браун...

Ей нужно немедленно.

Простите...

«В ГРАФАХ «МУЖСКОЙ ПОЛ» И «ЖЕНСКИЙ ПОЛ» УКАЖИТЕ ЧИСЛО УЧЕНИКОВ ВАШЕГО КЛАССА, РОДИВШИХСЯ В СЛЕДУЮЩИЕ ПЕРИОДЫ...»

Мальчик на задней парте, перестань стучать крышкой, я к тебе обращаюсь!

Ну, я упал, и что тут смешного? Заткнитесь, болваны, а то я вытряхну из вас мозги!

Тебе больно?

Нет, только голову немножко ушиб.

Вам нужно заполнить рапортичку о несчастном случае, мисс Баррет. В трех экземплярах, и послать его к медсестре. А ей ничего не разрешают выдавать, даже аспирин.

Только чай.

Сними с меня ноги!

И это называется парта?

Он может подать в суд на Совет по образованию!

Иди-ка к медсестре и попроси у нее бланки рапортичек... Вам что угодно?

Мисс Фриденберг просит прошлогодние карточки.

В прошлом году я здесь не работала... А у вас что?

Мисс Финч ждет отчета о посещаемости и список отсутствующих.

Я как раз проверяю... Да?

Вы должны прочесть это классу. Это из библиотеки.

Прошу внимания, пожалуйста:

«ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА — ВАША БИБЛИОТЕКА. ВСЕ УЧЕНИКИ МОГУТ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЕЮ В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ.

УЧЕНИКИ, ВКЛЮЧЕННЫЕ В ЧЕРНЫЙ СПИСОК, НЕ ПОЛУЧАТ ФОРМУЛЯРОВ, ПОКА НЕ ЗАПЛАТЯТ ЗА УТЕРЯННЫЕ ИЛИ ИЗОРВАННЫЕ КНИГИ.

БИБЛИОТЕКА ВПРЕДЬ ДО НОВОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ БУДЕТ ЗАКРЫТА ДЛЯ УЧЕНИКОВ, С ТЕМ ЧТОБЫ УЧИТЕЛЯ МОГЛИ ВРЕМЕННО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЕЮ В КАЧЕСТВЕ РАБОЧЕГО КАБИНЕТА ДЛЯ ЗАПОЛНЕНИЯ ЖУРНАЛОВ».

А тебя кто прислал?

Вы. Это из вашего ящика для писем. Куда свалить?

Но все мне?

Простите, медсестра сказала, что рапортички о несчастных случаях кончились, но ей нужны зубные.

Зубные — что?

Зубные рапортички.

Ишимаю... А вам что?

Новые изменения в сегодняшнем расписании.

Ишимаю. А вам?

Мистер Макхаби спрашивает, нужны ли вам плакаты для украшения класса.

Передайте мистеру Макхаби, что больше всего мне нужно... Да? Это срочно. Вы должны прочесть и подписать.

«ВСЕМ УЧИТЕЛЯМ: КТО-ТО ИЗ УЧЕНИКОВ ПЕРЕВЕРНУЛ ГОЛУБОЙ «ПОНТИАК», СТОЯВШИЙ НАПРОТИВ ШКОЛЫ. ЕСЛИ НИЖЕСЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР МАШИНЫ ВАШ...»

Передайте мистеру Макхаби, что я не вожу машины. А теперь... Ура! Звонок! Мы спасены!

Одну минуту! Звонок дали на пятнадцать минут раньше, это, вероятно, ошибка. Нам еще надо... Пожалуйста, оставайтесь на своих...

Был звонок, все слышали!

Все учителя отпускают своих учеников!

Но мы должны закончить...

Звонок, значит, можно выходить!

Теперь нам куда — на торжественное собрание?

Пожалуйста, сядьте... Я бы хотела... Мы не успели... Ну хорошо! Выходит, мы остались вдвоем. Как ваша фамилия?

Алиса Блэйк, мисс Баррет. Я осталась, чтобы сказать вам, что мне очень понравился ваш урок.

Спасибо, хотя назвать это уроком... Да, слушаю вас?

Я из канцелярии. Вас просили немедленно довести это до сведения вашего класса.

«ПРОШУ НЕ ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЯ НА ЗВОНКИ. УЧЕНИКАМ ОСТАВАТЬСЯ В КЛАССАХ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ПРОЗВОНИТ ПОЖАРНЫЙ КОЛОКОЛ».

Боюсь, что все уже ушли.

Мне тоже надо идти, мисс Баррет. Я бы очень хотела, чтобы вы были моей учительницей по языку и литературе, но в моем расписании значится мистер Барринджер.

Я уверена, что он прекрасный учитель, Алиса, и что тебе будет интересно на его уроках.

Вы — Баррет?

Что это у тебя?

Пропуск, я опоздал.

Но так нельзя. Почему ты кидаешь его мне на стол?..

Я невоспитанный.

И грубить незачем. Пожалуйста, вынь зубочистку изо рта, когда ты со мной разговариваешь, и вынь руки из карманов.

Что сначала?

Как твоя фамилия?

Вы хотите донести на меня?

Как твоя фамилия?

Вы мне поставите ноль по поведению?

Ты меня вынуждаешь... Как же тебя звать?

Джо.

Джо, а дальше?

Фероне. Вы пошлете письмо родителям? Отберете у меня конфетку? Пожалуетесь? Побьете меня?

И только спросила...

Вот именно — только спросили!

И никому не разрешаю так со мной разговаривать.

Вам легко — вы учительница.

2. Пусть это вдохновит вас на подвиг

ВНУТРИШКОЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

От миссис Беатрисы Шехтер, комната 508.

Мисс Сильвии Баррет, комната 304.

Дорогая Сил!

Добро пожаловать в нашу компанию. Надеюсь, Ваш первый день проходит благополучно. Если понадобится помощь, кликните, я в 508-й.

Какое у Вас расписание уроков? Совпадают ли наши большие перемены, чтобы нам обедать вместе?

С приветом

Беа.

* * *

От мисс Сильвии Баррет, комната 304.

Миссис Беатрисе Шехтер, комната 508.

Дорогая Беа!

Помогите! Тону в потоке бумаг, не понимаю здешнего языка и не знаю, что делать с учеником, который обращается ко мне «Привет, училка!».

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Ничего. Может быть, он говорит «Привет, училка» потому, что Вы ему нравитесь. Ответьте ему «Привет, зубрилка».

От канцелярщины никуда не денешься. Вы вскоре освоите наш язык. «Хранить в деле под порядковым номером» — значит бросить в корзинку. «Пусть это вдохновит вас на подвиг» значит, что Вы увязли по горло. «Личные взаимоотношения» — драка ребят. «Вспомогательное укрепление дисциплины» — вызов полиции. «Литература, соответствующая читательскому уровню ученика на основе экспериментальных исследований» — все, что удастся достать в нашей библиотеке. «Не склонный к умственному труду ученик» — ученик с преступными наклонностями. А «До моего сведения дошло» значит, что Вам грозят неприятности.

Успели ли Вы что-нибудь сделать на сегодняшнем классном часе?

Беа.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

Два с половиной пункта из двадцати по плану — вот все, что я успела.

Мальчик свалился с парты.

Ни курсы английской литературы и педагогики, ни дипломная работа по Чосеру к такому меня не подготовили. Мне хотелось создать в классе атмосферу теплоты и взаимного уважения. Начну, думалось мне, с разговора о внешнем виде человека, его манерах, его речи — о том, что бросается в глаза сразу, потом перейду к хорошей дикции, правильному употреблению слов, умению выражать свои мысли. Отсюда ведь только шаг к бесконечным просторам творчества.

Так я думала.

Оказалось же, что я не смогла даже проверить, все ли в классе, дошла лишь до «Б» по журналу... Забыла о равнении на флаг. Это серьезное нарушение?

Сил.

ИЗ 508-й В 304-ю.

Не беспокойтесь. Флаг чествуют только в торжественных случаях. Нарушением считается чтение Библии.

Беа.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

Что означает на школьном языке «ОО»? Особая охрана? Общественное обеспечение? Общее образование? Очень отстающие?

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Вы близки к истине: «особо отстающие». Новеньким учителям навязывают самых трудных учеников. Не отчаивайтесь. Достигнув моего возраста, Вы заслужите «СС» — «способных старшеклассников».

Я вижу по Вашему расписанию, что Вы «кочевник», то есть странствуете из комнаты в комнату. Добейтесь собственного ящика в столах всех комнат, где Вам предстоит заниматься. Если не сумеете, поручите ученику, что покрепче, таскать Ваши вещи.

Вам поручено коридорное патрулирование. Это означает ходить взад и вперед по коридорам и задерживать учеников без пропуска. Это более высокая миссия, чем «дежурный по столовой», но менее почетная, чем «дежурный по библиотеке» или «квестничный патруль». У каждого из нас одно такое «творческое поручение» в день, не считая пяти уроков, одного классного часа и одного внеклассного часа (не вздумайте называть его «свободным»). Ловкачам удастся избавиться от классного часа или даже от одного урока, устроившись «координаторами опозданий», «составителями расписаний», «советниками по призываниям» или чем-нибудь в этом роде. Есть у нас и обеденный перерыв. Ваш, как я вижу, после третьего урока — значит, мы можем обедать вместе по средам. Заставьте свой аппетит разыграться ровно в 10.17, и пусть это вдохновит Вас на подвиги.

Беа.

3. Из ящика для писем мисс Баррет

ПРОГРАММА СЕГОДНЯШНЕГО КЛАССНОГО ЧАСА
(Перед уходом из класса
проверить выполнение всех пунктов)

- ЗАПИСАТЬ ВСЕХ В ЖУРНАЛ И НАМЕТИТЬ, КОГО КАК РАС-САДИТЬ.
- ПРОВЕРИТЬ, КТО ПРИСУТСТВУЕТ.
- ЗАПОЛНИТЬ ЛИСТКИ ПОСЕЩАЕМОСТИ.
- СДАТЬ КАРТОЧКИ ОТСУТСТВУЮЩИХ.
- СОСТАВИТЬ СПИСКИ ПЕРЕВЕДЕННЫХ УЧЕНИКОВ.
- СОСТАВИТЬ В ТРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ УЧЕНИЧЕСКИЕ РАСПИ-САНИЯ (ЖЕЛТОГО ЦВЕТА) НА ОСНОВЕ УЧИТЕЛЬСКОГО РАСПИСАНИЯ (СИНЕГО ЦВЕТА), РАЗЛОЖИТЬ В АЛФА-ВИТНОМ ПОРЯДКЕ И СДАТЬ В 201-Ю КОМНАТУ.
- СОСТАВИТЬ В ПЯТИ ЭКЗЕМПЛЯРАХ УЧИТЕЛЬСКУЮ ПРО-ГРАММУ (БЕЛОГО ЦВЕТА) И СДАТЬ В 211-Ю КОМНАТУ.
- НАПИСАТЬ ТРЕБОВАНИЯ НА ИНВЕНТАРЬ.
- РАСПРЕДЕЛИТЬ ШКАФЧИКИ И ПЕРЕДАТЬ В 201-Ю КОМНА-ТУ ИМЕНА УЧЕНИКОВ С НОМЕРАМИ ШКАФЧИКОВ.
- ЗАПОЛНИТЬ РАПОРТИЧКИ О ВОЗРАСТНОЙ ШКАЛЕ.
- ОБЪЯВИТЬ И ВЫВЕСИТЬ РАСПИСАНИЕ СОБРАНИЙ И ВЫДЕ-ЛИТЬ МЕСТА В АКТОВОМ ЗАЛЕ.
- ОБЪЯВИТЬ ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ПОЖАРЕ И ДРУГИХ ЭКСТРЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ.
- ПРОВЕРИТЬ ПРОШЛОГОДНИЕ БИБЛИОТЕЧНЫЕ И ЗУБОВРА-ЧЕБНЫЕ ЧЕРНЫЕ СПИСКИ.
- ЗАПОЛНИТЬ РАПОРТИЧКУ О ТЕХНИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ ПОМЕЩЕНИЯ.
- ВЫБРАТЬ КЛАССНЫХ ДЕЖУРНЫХ.
- НАСТОЯТЬ НА ВСТУПЛЕНИИ ВСЕХ В «ВО»¹ И НАЧАТЬ СБОР ДЕНЕГ.
- НАЗНАЧИТЬ ДЕЖУРНОГО ПО УКРАШЕНИЮ КЛАССА И ПРИ-СТУПИТЬ К ЭТОЙ РАБОТЕ.
- ПРИВЕТСТВИЕ ФЛАГА (ТОЛЬКО ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ БЫЛ НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ, И ВТОРОГОДНИКОВ).

¹ «ВО» — Всеобщая организация учеников.— Здесь и далее Примеча-ния переводчиков.

ОБЪЯСНИТЬ РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬСКОГО ЧАСА — ЧАСА, ВО ВРЕМЯ КОТОРОГО УЧЕНИКИ МОГУТ ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ В ДРУЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ И ПОЛУЧИТЬ ПОЛЕЗНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ.

УЧИТЕЛЯМ, У КОТОРЫХ ОСТАНЕТСЯ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ, ЯВИТЬСЯ В КАНЦЕЛЯРИЮ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ НОВЫХ ПОРУЧЕНИЙ.

* * *

ШКОЛА ИМ. КАЛВИНА КУЛИДЖА

Директор Максвелл Э. Кларк

Начальник административного отдела и отдела снабжения
Джеймс Дж. Макхаби

ЦИРКУЛЯР 1-А.

ТЕМА: ОРГАНИЗАЦИЯ.

ХРАНИТЬ ВСЕ ЦИРКУЛЯРЫ В ДЕЛЕ ПОД ПОРЯДКОВЫМИ НОМЕРАМИ.

СТАРАТЕЛЬНОСТЬ, АККУРАТНОСТЬ И ИСПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ НЕОБХОДИМЫ ВСЕМ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ПОРЯДКА.

ПРОГРАММА НА ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 СЕНТЯБРЯ

Продленный классный час (см. циркуляр № 16)

Короткие предметные классы (см. циркуляр № 7С, часть 4)

Звонок на общее собрание (см. циркуляр № ЗД § 5 и 6)

Ученики должны вернуться в свои классы, чтобы отметить перед уходом в 2.56. Звонок на уход прозвонит ровно в 3.05. Последнее, однако, не гарантируется.

* * *

КОМУ: Всем учителям языка и литературы.

ПРОШУ СДАТЬ СЕГОДНЯ ДО ТРЕХ ЧАСОВ В КАБИНЕТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ЖУРНАЛ ВСЕХ ВАШИХ ПРЕДМЕТНЫХ КЛАССОВ, С ТЕМ ЧТОБЫ МЫ МОГЛИ РАВНОМЕРНО РАСПРЕ-

ДЕЛИТЬ НАГРУЗКУ И ДОБИТЬСЯ, ЧТОБЫ В КАЖДОМ КЛАС-
СЕ БЫЛО В СРЕДНЕМ 33 УЧЕНИКА.

Сэмюел Бестер,
заведующий учебной частью по языку и литературе.

* * *

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби, нач. адм. о. с.

КОМУ: Всем учителям.

ТЕМА: ЗАКАЗ ИНВЕНТАРЯ.

ПРЕДУСМАТРИВАТЬ СВОИ НУЖДЫ И ВЫПИСЫВАТЬ НЕОБ-
ХОДИМЫЙ ИНВЕНТАРЬ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО. НЕ ЗАПРАШИ-
ВАТЬ ЛИШНЕГО. ВО ИЗБЕЖАНИЕ ПОДДЕЛКИ ПОДПИСЕЙ
ПОДПИСЫВАТЬ ТРЕБОВАНИЯ ПОЛНЫМ ИМЕНЕМ И ФАМИ-
ЛИЕЙ, ЧЕРНИЛАМИ.

ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ УКРАСИТЬ КЛАСС ПЛАКАТАМИ В НАЛИ-
ЧИИ ИМЕЮТСЯ: СИНИМИ БУКВАМИ НА БЕЛОМ ФОНЕ
«ЗНАНИЕ — СИЛА», ЖЕЛТЫМИ БУКВАМИ НА ЗЕЛЕНОМ
ФОНЕ «ПРАВДА КРАСИТ ЧЕЛОВЕКА». А ТАКЖЕ ИМЕЮТСЯ
РЕКЛАМНЫЕ ПЛАКАТЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ШВЕЙЦАРСКИХ
АЛЬП, СЛЕГКА НАДОРВАННЫЕ, НО ЕЩЕ ПРИГОДНЫЕ.

Нач. адм. о. с.

* * *

КОМУ: Всем учителям.

НЕПРИСПОСОБЛЕННОСТЬ УЧЕНИКОВ К ЖИЗНИ ПОРОЙ ПРОЯВ-
ЛЯЕТСЯ В НЕПРИЕМЛЕМОМ ПОВЕДЕНИИ В КЛАССЕ. ЭТО —
РЕШАЮЩИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ПОДРОСТКА В ШКОЛЬНОЙ
АТМОСФЕРЕ, ПОГЛОЩАЮЩЕЙ ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ ДОЛЮ ЕГО
ВРЕМЕНИ. В ЦЕЛЯХ ВОСПИТАНИЯ ПРАВИЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ
К ОБЯЗАННОСТЯМ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА В ДЕМОКРАТИ-
ЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПРОШУ НАПРАВЛЯТЬ КО МНЕ ВСЕХ НО-
ВЫХ УЧЕНИКОВ ПО ВТОРНИКАМ РАЗ В ДВЕ НЕДЕЛИ ДЛЯ
ВНЕСЕНИЯ В КАРТОЧКИ ЛИЧНЫХ ИНТЕРВЬЮ И ПОДРОБНЫХ
АНАЛИТИЧЕСКИХ ДАННЫХ. В ЭТИ ДНИ ОСВОБОЖДАТЬ ИХ ОТ
ЗАНЯТИЙ. ОДНОВРЕМЕННО УЧИТЕЛЯМ ОЗНАКОМИТЬСЯ С
«ПУП» КАЖДОГО УЧЕНИКА И НАПРАВЛЯТЬ СКЛОННЫХ К
ПРАВОНАРУШЕНИЯМ К ГОСПОДИНУ МАКХАБИ.

Элла Фриденберг,
советник по воспитанию.

* * *

КОМУ: Всем учителям.

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ НАБЛЮДАЕТСЯ ЭПИДЕМИЯ ХИЩЕНИЙ ИЗ КЛАДОВОК И ШКАФОВ. ВНУШИТЬ УЧЕНИКАМ НЕОБХОДИМОСТЬ ДЕРЖАТЬ ВЫШЕУКАЗАННЫЕ ЗАПЕРТЫМИ ВСЕ ВРЕМЯ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ МОМЕНТОВ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ.

Нач. адм. о. с.

* * *

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби, нач. административного отдела и отдела снабжения.

КОМУ: Всем учителям.

ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НАЗНАЧЕНА НА ПОНЕДЕЛЬНИК 28 СЕНТЯБРЯ В ПОМЕЩЕНИИ ШКОЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ РОВНО НА 3.05.

ЯВКА ОБЯЗАТЕЛЬНА. НИ ОДИН УЧИТЕЛЬ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОСВОБОЖДЕН ОТ УЧАСТИЯ В КОНФЕРЕНЦИИ, КРОМЕ КАК ПО ПИСЬМЕННОМУ РАЗРЕШЕНИЮ, ПОДПИСАННОМУ ДИРЕКТОРОМ ШКОЛЫ ИЛИ Н. АДМ. О. С. НЕ ПОЗДНЕЕ, ЧЕМ ЗА ДВА ДНЯ ДО КОНФЕРЕНЦИИ. ТЕМА ПРЕДСТОЯЩЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ: «ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИИ».

ПОДГОТОВИТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ВОПРОСУ: СЛЕДУЕТ ЛИ ВНОСИТЬ «УХ» СПРАВА ИЛИ СЛЕВА ОТ СИНЕЙ ЧЕРТЫ В «УКУ».

Нач. адм. о. с.

КОМУ: Всем учителям.

УЧЕНИКОВ, НЕ ПОЛУЧИВШИХ СПОРТИВНЫЕ КОСТЮМЫ, ПЕРЕПИСАТЬ ПО АЛФАВИТУ И НАПРАВИТЬ КО МНЕ.

ДЕВОЧЕК, ЖЕЛАЮЩИХ ПОЛУЧИТЬ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ФИЗКУЛЬТУРЫ, НАПРАВЛЯТЬ КО МНЕ СО ВСЕМИ НЕОБХОДИМЫМИ СПРАВКАМИ. ПРОСЬБА ПРОВЕСТИ НА КЛАССНОМ ЧАСЕ БЕСЕДУ С ДЕВУШКАМИ О ВРЕДЕ ИЗНУРИТЕЛЬНЫХ ДИЕТ.

Фрэнсис Игэн,
школьная медсестра.

* * *

ЦИРКУЛЯР 5-В.

ТЕМА: БЛАГОПОЛУЧИЕ УЧИТЕЛЕЙ.

ХРАНИТЬ ВСЕ ЦИРКУЛЯРЫ В ДЕЛЕ ПОД ПОРЯДКОВЫМИ НОМЕ-

РАМИ. УЧИТЕЛЯМ ДОКЛАДЫВАТЬ ДИРЕКТОРУ ШКОЛЫ О ВСЕХ СЛУЧАЯХ НАПАДЕНИЯ НА НИХ ВО ВРЕМЯ ИСПОЛНЕНИЯ ИМИ СВОИХ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ.

* * *

КОМУ: Всем учителям.

ШКОЛА ПРОВОДИТ КАМПАНИЮ ПО ИСКОРЕНЕНИЮ ОПОЗДАНИЙ И КУРЕНИЯ В УБОРНЫХ. НАПРАВЛЯТЬ ОПОЗДАВШИХ ПО УВАЖИТЕЛЬНЫМ ПРИЧИНАМ К КООРДИНАТОРУ ПО ОПОЗДАНИЯМ, КОМН. 201. ЕСЛИ ПРИЧИНЫ ОТСУТСТВУЮТ ИЛИ ВЫЗЫВАЮТ СОМНЕНИЕ, НАПРАВЛЯТЬ НАРУШИТЕЛЕЙ КО МНЕ — КОМНАТА 211.

ПРОЧЕСТЬ ВСЛУХ ВСЕМ УЧЕНИКАМ ПЕРЕЧЕНЬ НАРУШЕНИЙ И НАКАЗАНИЙ С ЦЕЛЮ ВНУШЕНИЯ ИМ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПУНКТУАЛЬНОСТИ.

ПОМЕСТИТЬ НА ВИДНОМ МЕСТЕ В КЛАССЕ:
«ОПОЗДАНИЯ ЗАДЕРЖАТ ШКОЛЫ ОКОНЧАНИЕ».

Джеймс Дж. Макхаби,
нач. адм. о. с.

* * *

КОМУ: Всем учителям.

ПОКА БИБЛИОТЕКА ЗАНЯТА УЧИТЕЛЯМИ, РАБОТАЮЩИМИ ЗДЕСЬ НАД ЗАПОЛНЕНИЕМ СВОИХ ЖУРНАЛОВ, НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕ ПОСЫЛАТЬ ТУДА УЧЕНИКОВ.

УЧИТЕЛЯМ И УЧЕНИКАМ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПОЛЬЗОВАНИЕ БИБЛИОТЕЧНЫМИ КНИГАМИ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ БУДЕТ ПОЛНОСТЬЮ ЗАКОНЧЕНО ОБНОВЛЕНИЕ КАТАЛОГА.

Шарлотта Вулф,
школьный библиотекарь.

* * *

КОМУ: Всем учителям языка и литературы.

ПОЖАЛУЙСТА, ЗАТРЕБУЙТЕ В ШКОЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ОТОБРАННЫЕ ДЛЯ ВАШИХ КЛАССОВ КОМИТЕТОМ ПО ШКОЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ.

3-й семестр изучения языка и литературы:
«СКАЗАНИЯ СТАРЫЕ И НОВЫЕ»

или

«МИФЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ»

5-й семестр:

«МЕЛЬНИЦА НА ФЛОССЕ»

или

«ПОВЕСТЬ О ДВУХ ГОРОДАХ»

НЕ РАЗРЕШАЙТЕ УЧЕНИКАМ ПОКУПАТЬ ДЕШЕВЫЕ ИЗДАНИЯ ШЕКСПИРА И ДРУГИХ ПИСАТЕЛЕЙ: ОБЕРЕГАЯ ИХ ОТ НЕНУЖНЫХ ВЛИЯНИЙ, МЫ НЕ ДОЛЖНЫ ДОПУСКАТЬ, ЧТОБЫ ОНИ ПОЛЬЗОВАЛИСЬ АДАПТИРОВАННЫМИ НЕСООТВЕТСТВУЮЩИМ ОБРАЗОМ ТЕКСТАМИ.

Сэмюел Бестер,
заведующий учебной частью по языку и литературе.

* * *

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби

КОМУ: Всем учителям.

ПО ПОВОДУ: Выдачи книг.

КНИГИ — ЭТО ВОЛШЕБНЫЕ ВРАТА К ПРИКЛЮЧЕНИЯМ И ЗНАНИЯМ; КНИГИ НАДО БЕРЕЧЬ. ДЕРЖАТЬ В ДЕЛЕ РАСПИСКИ НА КАЖДУЮ ВЫДАННУЮ КНИГУ. КНИГИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОВЕРНУТЫ В БУМАГУ, УЧЕНИКОВ СЛЕДУЕТ ПРЕДУПРЕДИТЬ, ЧТОБЫ ОНИ НЕ РАЗВЕРТЫВАЛИ И НЕ ПОРТИЛИ ИХ. УЧЕНИКИ ДОЛЖНЫ ПОДПИСАТЬ ФОРМУЛЯРЫ, УДОСТОВЕРЯЯ ТЕМ САМЫМ, ЧТО ФОРМУЛЯРЫ ЗАПОЛНЕНЫ ПРАВИЛЬНО, УБЕДИТЬСЯ В ТОМ, ЧТО НОМЕР КАЖДОЙ КНИГИ ПРОСТАВЛЕН НА ВНУТРЕННЕЙ СТОРОНЕ ОБЛОЖКИ И НА СТРАНИЦЕ 43, ЕСЛИ ТАКОВАЯ ИМЕЕТСЯ. НЕ ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЯ НА НОМЕРА, ПРОСТАВЛЕННЫЕ НА ФОРЗАЦЕ. ЛЮБОВЬ К ЧТЕНИЮ — ЭТО НА ВСЮ ЖИЗНЬ.

Н. адм. о. с.

* * *

ДОРОГОЙ КОЛЛЕГА!

КАК СЛОЖИТСЯ ДЛЯ ВАС НОВЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД? КРЕДИТНАЯ КОМПАНИЯ «БЕСКОРЫСТИЕ», КОТОРУЮ Я ПРЕДСТАВЛЯЮ, ПОМОЖЕТ ВАМ НА ЛЬГОТНЫХ УСЛОВИЯХ РАЗРЕШИТЬ ВАШИ ФИНАНСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ С ГАРАНТИЕЙ СОБЛЮДЕНИЯ ТАЙНЫ.

* * *

Уважаемая мисс Барретти!

Мне нужно свидетельство про уход из школы, чтобы поступить на работу, поскольку мне уже много лет и мой заработок нужен дома. В большинстве школа все равно напрасная потеря времени, каждый семестр другой предмет, алгебра, французский, не считая английского, одно за другим. Кому это надо? Все мешается в голове, в одном классе учитель говорит одно, в другом — совсем другое, не знаешь, кому верить. Лучше уйти.

Ваш ученик

Винче Арбуцци.

(Я не был на классном часе, потому что в канцелярии все утро не могли найти мое дело.)

* * *

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби, нач. адм. о. с.

КОМУ: Всем учителям.

В СВЯЗИ С ВЫСОКИМ ПРОЦЕНТОМ ОТСЕВА ДЕЛАТЬ ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ, ЧТОБЫ УДЕРЖАТЬ УЧЕНИКОВ В ШКОЛЕ ПУТЕМ ОБЪЯСНЕНИЯ ИМ ЗНАЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ.

Н. адм. о. с.

* * *

ЦИРКУЛЯР № 4.

ТЕМА: ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ.

ХРАНИТЬ ВСЕ ЦИРКУЛЯРЫ В ДЕЛЕ ПОД ПОРЯДКОВЫМИ НОМЕРАМИ.

В ЦЕЛЯХ ОГРАЖДЕНИЯ УЧЕНИКОВ ОТ СОБЛАЗНА СЖУЛЬНИЧАТЬ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДЛИННОСТИ ВСЕХ ДОКУМЕНТОВ ПРИНЯТЬ НИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ:

1. УЧИТЕЛЯМ-ПРЕДМЕТНИКАМ ПОДПИСЫВАТЬ УЧЕНИЧЕСКИЕ КАРТОЧКИ ЧЕРНИЛАМИ, ПОЛНЫМИ ИМЕНЕМ И ФАМИЛИЕЙ В ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРИСУТСТВИЯ УЧЕНИКА НА УРОКЕ. ИНИЦИАЛЫ И КАРАНДАШНЫЕ ПОДПИСИ НЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫ.
2. ВЫШЕУПОМЯНУТОЕ КАСАЕТСЯ ТАКЖЕ ВСЕХ ПРОПУСКОВ, ПОДПИСЫВАЕМЫХ УЧИТЕЛЯМИ.

1. ПРОВЕРИТЬ ПО СПИСКУ УЧЕНИКОВ НАЛИЧИЕ НЕСУЩЕСТВУЮЩИХ АДРЕСОВ И ВЫДУМАННЫХ РОДИТЕЛЕЙ ИЛИ ОПЕКУНОВ: ЭТО ОБЛЕГЧИТ РАБОТУ ОТВЕТСТВЕННОГО ЗА БОРЬБУ С ПРОГУЛЬЩИКАМИ.
4. ПРИ ВНЕСЕНИИ ЗАПИСЕЙ НЕ СТИРАТЬ РЕЗИНКОЙ И НЕ ВЫСКРЕБАТЬ НОЖОМ. ПОПРАВКИ ВНОСЯТСЯ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ ДИРЕКТОРА ИЛИ Н. АДМ. О. С., УТВЕРЖДАЮЩИХ ВЫШЕУПОМЯНУТУЮ ПОПРАВКУ.
5. В СЛУЧАЕ ПОЖАРА ИЛИ ДРУГОГО НЕПРЕДВИДЕННОГО БЕДСТВИЯ УЧЕНИКАМ ОСТАВЛЯТЬ В КЛАССЕ ТОЛЬКО КНИГИ И ТЕТРАДИ, А ЦЕННЫЕ ВЕЩИ — СУМОЧКИ И БУМАЖНИКИ — ВРАТЬ С СОБОЙ. В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ НАБЛЮДАЛАСЬ ЭПИДЕМИЯ ОГОРЧИТЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ.

ВЫШЕУКАЗАННЫЕ МЕРЫ ДОЛЖНЫ СПОСОБСТВОВАТЬ ВЫРАБОТКЕ У ШКОЛЬНИКОВ НЕОБХОДИМЫХ ВЫСОКИХ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ.

Нач. адм. о. с.

* * *

ПОЛЬЗУЯСЬ СЛУЧАЕМ, СЕРДЕЧНО ПРИВЕТСТВУЮ ВСЮ ШКОЛУ И ВСЕХ ПЕДАГОГОВ И ВЫРАЖАЮ ИСКРЕННЮЮ НАДЕЖДУ, ЧТО ВЫ ВЕРНУЛИСЬ С НОВЫМИ СИЛАМИ И ЭНЕРГИЕЙ ПОСЛЕ ХОРОШО ПРОВЕДЕННЫХ ЛЕТНИХ КАНИКУЛ И ГОТОВЫ ЗАСУЧИВ РУКАВА ВЗЯТЬСЯ ЗА РЕШЕНИЕ САМЫХ ГЛАВНЫХ И САМЫХ СУЩЕСТВЕННЫХ ЗАДАЧ, СТОЯЩИХ ПЕРЕД ВАМИ. БЛАГОДАРИЮ ВАС ЗА ПОМОЩЬ И СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРОШЛОМ И В БУДУЩЕМ.

Максуэлл Э. Кларк,
директор.

4. Внутришкольная переписка

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая 304-я! Только что получила Ваш SOS. Не давайте им водить себя за нос. Они вас испытывают. Сначала заставьте их почувствовать, что хозяйка — Вы, а свою доброту успеете показать потом. «Пропуска на досрочный уход домой» и «Постоянного пропуска к питьевому фонтанчику» не существует.

Беа.

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил! Так вам и надо. Пишите на доске, не поворачиваясь спиной к классу. Никогда не повышайте голоса. Пусть они замолчат, чтобы лучше слышать Вас. Никогда не сдавайтесь. Как сказал Бэкон: будь верен себе.

(Личного общения тут не существует.)

Беа.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа! Что такое УКУ?

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил!

Извините, что не могла ответить раньше — занималась извлечением ученика из перепутанного расписания.

УКУ — учетная карточка ученика. В ней Вы найдете УХ, или ученическую характеристику, которая должна состоять из одной всеобъемлющей фразы, вписываемой классным наставником в конце семестра. В УКУ входит еще ПУП — персональный ученический профиль, изобретение советника по воспитанию Эллы Фриденберг. Она вообразила себя Фрейдом, а на самом деле просто страдает болезненным любопытством. Она основывает свои ПУПы на таких вопросах к ученикам, как «почему вы ненавидите своих родителей» или «какие у вас сексуальные проблемы». Избегайте ее. Избегайте также Макхаби. Он ведает дисциплиной и инвентарем. Расстаться со скрепкой — для него трагедия. Попросите у него красный карандаш, и он позеленеет. Доктор Кларк будет избегать Вас. У него нет ученого звания, но ради престижа он хочет, чтобы его называли доктором. Сделайте ему это одолжение. Существует он главным образом для подписи на циркулярах; иногда он материализуется на конференции и произносит речь о «значении просвещения в жизни» или проводит по школе почетных посетителей. Многие ученики считают главным Грэйсона. Этот почтенный джентльмен в белом переднике — «хранитель здания». Если у Вас обвалится

потолок, пошлите ему записку в подвал. Он, скорее всего, ответит, что его там нет. Но Вы свое сделаете.

Сверните это письмо в шарик и проглотите.

Беа.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа! Письмо проглотила. Кто такой Пол Барринджер?

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Местный сердцеед. Наш коллега по преподаванию языка и литературы. Писатель, которого не печатают. Выпивает. Берегитесь — станет искушать Вас рифмами. Вы предупреждены, остальное зависит от Вас.

Беа.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа! Нельзя ли нам в перемену выкурить по сигаретке в учительской? Очень уж надо мне поговорить со взрослым человеком.

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Святая моя наивность! Так называемая «учительская» — кладовка в подвале. Там есть подаренный кем-то разбитый диван, рюкзачок и стул. Кроме того, курить там «воспрещается противопожарными правилами». Единственное место, где можно курить, — женская уборная на площадке третьего этажа. Встретимся там сразу после шестого урока. Возьмите ключ от уборной у Суды Финч. У нас будет целых четыре минуты, если нам повезет и коридорное течение будет нам благоприятствовать.

Жаль, что я не могу спуститься сейчас: пытаюсь отговорить способного парня от ухода из школы.

Беа.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

Как ответить на запрос, сколько мне нужно баскетбольных мячей?

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Никак. Запрос положили Вам по ошибке. Под Вами находится кабинет учителя физкультуры.

Беа.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа! Собираюсь послать Бестеру списки своих классов. Среди моих учеников оказались исключенные, незачисленные, пропущенные, блуждающие и отсутствующие — и все-таки набралось 223 человека в предметных классах и 46 в том, где я классная наставница. Отсеется ли кто-нибудь завтра? Может быть, я?

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Не смейте и думать об этом! Вы нам нужны. Сегодня всего лишь первый день. Вы привыкнете. Радости появятся позже — от самих учеников, причем от тех, от кого меньше всего ожидаешь.

Беа.

5. и с радостью учил...¹ (№ 1)

7 сентября

Дорогая Эллен!

Как далеко все, что я встретила в школе, от нашей комнатки в общежитии Лайонс-Холл (неужели это было всего четыре

¹ Джефри Чосер. Кентерберийские рассказы. Пролог.

года назад?). Как далеко все это от нашей университетской библиотеки, от Чосера! Как безнадежно далеко от учебника педагогики и от лекций профессора Уинтерса о психологии юношества. Я встретила с юношеством лицом к лицу. Профессор Уинтерс наверняка никогда учеников в глаза не видел.

Мне кажется, что ты нашла лучшее применение своим знаниям. В то время как ты с малышом в коляске объезжаешь пригородный рынок или принимаешь душ в середине моего третьего урока, я автоматически стираю с доски «Учительница — дерьмо».

А ведь я собиралась заняться настоящим преподаванием. «Он с радостью учился и с радостью учил», — как говорит оксфордский студент у Чосера. Мне хотелось поделиться с учениками всем, что я знаю и чувствую, внушить молодежи любовь к родному языку и литературе, учить и вдохновлять. Но в жизни получилось не так. (Когда я спросила, для чего они изучают язык, один мальчик ответил: «Чтобы это помогало нам в жизни».) И если бы я могла описать тебе, как оно получилось в жизни, ты решила бы, что я преувеличиваю. Но я не преувеличиваю.

Во время классного часа (это когда ученики собираются в классе сразу же после прихода и потом перед самым уходом для переключки и прочей жизненно важной статистики) они выдали мне все, на что способны: свистели, кричали, барабанили по партам, перебрасывались чернильными шариками и тряпкой, пересаживались с места на место — и все это с невинным видом, в то время как я стояла настороженная, как дрессировщик львов, тщетно требуя внимания и стараясь охватить взглядом всех сорок шесть.

К началу урока литературы я уже тонула в потоке всяких бумаг — циркуляров, директив, памятных записок, форм, заметок, писем, бланков, рапортчиков. Мне особенно трудно потому, что я так называемый «кочевник» — кочую из комнаты в комнату.

Пришлось заняться изучением здешнего языка. Ученики у меня 3-го семестра — «особо отстающие» (ОО), 5-го — «средне отстающие» и «средне нормальные». Пока мне трудно определить, кто из них какой и к какой категории мне отнести себя.

Я уже успела завести одного друга — Беатрису Шехтер и одного врага — Адмирала Осла, мистера Макхаби, который подписывается Нач. адм. о. с. И я прочла ненависть и презрение к себе на лице одного мальчика, потому что я — учительница.

Здание школы неприветливо: облупившаяся штукатурка,

выбитые стекла, перекошенные двери и изрезанные парты, мрачные коридоры, металлические лестницы, тесная столовая (ученики могут есть сидя только посменно, по 20 минут каждая смена), зал без окон. Правда, на стенах вылинявшие плакаты, изображающие мускулистых хлебопашцев под солнцем горчичного цвета.

Там у нас сегодня утром состоялось торжественное собрание.

Представь себе картину: воздух сгустился от испарений тысячи тел, широкое, похожее на бледный шар лицо директора над кафедрой, скрипучий голос из микрофона «...новая страница, ибо здесь, в школе Калвина Кулиджа, мы все свободны и равны и все обладаем великими и равными возможностями...»

Ученики сидят молча. Это молчание не имеет ничего общего с вниманием, оно может взорваться в любую минуту. Девочка рядом со мной разглядывает в карманном зеркальце свои зубы. Я сижу на деревянном сиденье, отполированном вечно ерзающими задами стольких учеников, теперь уже взрослых, или умерших, или неизвестно где прозябающих. На спинке стула передо мной аккуратно вырезано чем-то острым заборное ругательство.

«...которыми нельзя пренебрегать, и все зависит от вашего отношения...» — «шения» вдруг оглушительно затрещало (неисправный микрофон) — «...к вашей работе и к вашим учителям, которые так самоотверженно...»

Я смотрю на учителей: похожая на петушка маленькая женщина с грустным профилем; высокий молодой человек с неизменно поднятыми бровями; кругленькая дамочка с поседевшим коком — мои коллеги, пока незнакомые.

«...дороже всяких драгоценностей. Просвещение...— он явно ведет к заключительному аккорду,— это не только подготовка к гражданской деятельности и к жизни, но еще и академический базис. Не забудьте дать вашим учителям подписать ваши программы и, если у вас возникнут какие-нибудь вопросы и проблемы, помните, что мои двери всегда открыты». Красноречивая пауза. «Я надеюсь, что с этой мыслью в сознании вы проявите высокое состояние духа, все, как один...»

«Я надеюсь, что окрыленные этой мыслью, вы все, как один, возьметесь за дело в приподнятом состоянии духа».

Освободившись наконец, ребята вскакивают с мест, хлопая складными сиденьями, шумным потоком высыпают в коридор, и я вместе с ними.

— Ваш пропуск? — обращается ко мне угрюмый лифтер.— У вас есть пропуск на лифт?

— Я учительница,— говорю я смущенно, как будто меня уличили во лжи.

Оказывается, пользоваться лифтом разрешается только учителям, а кроме того, ученикам, имеющим справку о каком-нибудь физическом недостатке. Выглядеть здесь молодо — значит осложнить свою жизнь. Если бы я была мужчиной, я бы отрасли усы.

Нынешним утром ученики, столпившиеся перед входом, риступились, чтобы дать мне пройти — девушки, бледнолицые или накрашенные, словно маски, парни, съедавшие меня глазами: «Эй, красотка! Вот это да!» — так, в сопровождении наглого восторженного свиста проследовала я в школу.

(А еще лучше — бороду.)

Мне кажется, когда я училась, ребята были другие. Но запах в раздевалке, этот безошибочный школьный запах все тот же. Что это? Меловая пыль, старая бумага, ржавый металл, трухлявое дерево?

Я присоединилась к другим учителям, стоявшим в очереди у табеля, и быстро нашла свою карточку. Кто-то уже написал на ней мой номер — 91. Я пробила время и вложила карточку в ящик входящих. Я вошла.

Но когда я написала свою фамилию на доске в классе, у меня вдруг появилось странное ощущение, что я написала ее неправильно. Она показалась мне незнакомой — белой, утопающей в этом неприветливом черном море.

Я пишу это во время большой перемены, потому что мне так необходимо ощутить, что за стенами этой школы существует здравый мир, потому что я задыхаюсь под грузом писанины, которую еще предстоит осилить, и потому, что в этот утренний час нормальные женщины еще спят.

А мы должны пробивать свои карточки...

6. *Здесь никого нет*

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби, н. адм. о. с.

КОМУ: Мисс Баррет, 304.

Зачем вам столько скрепок? В данный момент их запасы на исходе. Промокательной бумаги нет в наличии. Резинок нет в наличии. Тряпок для классных досок нет в наличии. Красных карандашей нет в наличии — только синие. Могу дать половинку мела — коробки кончились.

Относиться к меду бережно, ученикам не пользоваться им без особого на то разрешения.

Н. адм. о. с.

* * *

КОМУ: Всем учителям.

Прошу не обращать внимания на звонки.

Сэди Финч,
школьный секретарь.

* * *

ОТ: Сильвии Баррет.

Доктору Сэмюелу Бестеру.

Уважаемый доктор Бестер!

Направляю Вам списки моих пяти классов. Оказалось, что нагрузка у меня — 223 ученика в день, то есть в среднем не по 33 человека, а по $44\frac{3}{5}$ на класс.

И еще. В читальном зале нет «Мельницы на Флоссе» — только «Юлий Цезарь», да и то не на весь класс.

С. Баррет.

* * *

ОТ: Доктора Сэмюела Бестера, заведующего учебной частью по языку и литературе.

КОМУ: Мисс Баррет.

Уважаемая мисс Баррет!

Пусть это вдохновит Вас на подвиг.

С. Бестер.

* * *

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЭТИЧЕСКИМ НОРМАМ:

НЕ ПОДПИСЫВАТЬ ПРОЕЗДНЫЕ БИЛЕТЫ УЧЕНИКАМ, КОТОРЫМ НЕ ПОЛОЖЕНО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПРОЕЗДОМ. У НАС БЫЛА ЭПИДЕМИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ПРОЕЗДНЫМИ БИЛЕТАМИ.

НЕОБХОДИМО ПРИВИТЬ УЧЕНИКАМ НАВЫКИ ПРАВИЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ГОРОДСКОМ ТРАНСПОРТЕ. НАРУШЕНИЕ ОБЩЕПРИНЯТОЙ ВЕЖЛИВОСТИ ПАГУБНО ОТРАЖАЕТСЯ НА РЕПУТАЦИИ ШКОЛЫ ИМЕНИ КАЛВИНА КУЛИДЖА.

НЕ ВЫДАВАТЬ ПРОПУСКОВ В УБОРНУЮ, НАПИСАННЫХ ОТ РУКИ, ТАК КАК УЧЕНИКИ МОГУТ ТАКОВЫЕ ЛЕГКО ПОДДЕЛАТЬ. СЧИТАТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ ТОЛЬКО ДЕРЕВЯННЫЕ ЖЕТОНЫ.

Джеймс Дж. Макхаби.

* * *

Мисс Баррет!

Джозеф Фероне сорвал мой урок математики, безобразничая в коридоре. Он ушел с Вашего урока без письменного разрешения. Эдуард Уильямс из Вашего класса все время болтал во время собрания. Прошу принять соответствующие меры.

Фредерик Лумис.

* * *

Уважаемая миссис Барнет! Он сказал: извинись в письменной форме, а я сегодня совсем не разговаривал, это просто учителя против меня, потому что я негр. Лумис срезал меня по математике в прошлом семестре, а это несправедливо, потому что я все время посещал. Из-за него все ненавидят математику. Он срешил меня и на истор., хотя это совсем не его предмет. Он сказал, что доложит про меня, и все это из-за дискриминации.

Эдуард Уильямс.

* * *

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби.

КОМУ: Всем учителям.

ПОСЛЕ КЛАССНОГО ЧАСА НАПРАВЛЯТЬ КО МНЕ ВСЕХ УЧЕНИКОВ, ПОКИНУВШИХ ШКОЛУ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ.

Н. адм. о. с.

Беа! Что касается последнего указания, с радостью выполнила бы его, но как же послать ребят, которых нет?

Потрясенная.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Потрясенная!

Пусть это вдохновит Вас на подвиг.

Беа.

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби.

КОМУ: Всем учителям.

СДАТЬ ДО ТРЕХ ЧАСОВ ДНЯ!

Заполнить и сдать в 211-ю комнату сегодня до трех часов прилагаемые рапортчики о техническом состоянии класса. Установить все имеющиеся дефекты и особо отметить все отклонения от нормы и неисправности аварийного характера.

Н. адм. о. с.

* * *

О СОСТОЯНИИ КОМНАТЫ 304.

УЧИТЕЛЬ — С. Баррет.

9 сентября

Дверь соскакивает с петель — аварийное состояние. Не закрывается створка шкафа, укрепленной на ней боковой доской нельзя пользоваться — отклонение от нормы. У книжного шкафа нет половины двери, не закрывается. Сломаны полки — отклонение от нормы, аварийное состояние. В учительском столе не хватает двух ящиков — отклонение от нормы. Одно окно в классе разбито, повсюду валяются осколки — аварийное состояние.

С. Баррет.

* * *

КОМУ: Всем учителям.

Не обращайтесь внимания на звонки.

Сэди Финч,
школьный секретарь.

* * *

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби, н. адм. о. с.

КОМУ: Всем учителям.

НИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ МАТЕРИАЛЫ, И БОЛЬШЕ НИКАКИХ, ДЕРЖАТЬ В СРЕДНЕМ ЯЩИКЕ ВАШЕГО СТОЛА И ЗАПИРАТЬ НА КЛЮЧ, СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ЭТОГО ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ: КАРТОЧКИ ПОСЕЩАЕМОСТИ, РАЗРЕШЕНИЯ НА ОТСУТСТВИЕ, ПРОГРАММНЫЕ КАРТОЧКИ (ПО АЛФАВИТУ), РАЗРЕШЕНИЯ НА ВЫХОД (СИНИЕ), ПИСЬМА РОДИТЕЛЯМ № 1 (ЖЕЛТЫЕ), ПИСЬМА РОДИТЕЛЯМ № 2 (РОЗОВЫЕ), КАРТОЧКИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ, РАЗРЕШЕНИЯ НА ОБЕД. ЭТИ МАТЕРИАЛЫ

НАДО ВСЕ ВРЕМЯ ДЕРЖАТЬ ЗАПЕРТЫМИ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ТЕХ СЛУЧАЕВ, КОГДА ИМИ ПОЛЬЗУЕТСЯ УЧИТЕЛЬ ИЛИ ДРУГОЕ ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО.

Н. адм. о. с.

* * *

Уважаемый мистер Макхаби!

Проблема в том, что у меня есть все материалы, есть и ключ, но нет среднего ящика. По правде говоря, в моем столе не хватает двух ящичков. Посоветуйте, что делать.

С. Баррет.

* * *

ДОПОЛНЕНИЕ К ЦИРКУЛЯРУ № 108 ПО УЧЕБНОЙ ТРЕВОГЕ:

ПО СИГНАЛУ (ТРИ ЗВОНКА, ПОВТОРЕННЫЕ ТРИ РАЗА) СЛЕДОВАТЬ К ВЫХОДАМ И СПУСКАТЬСЯ МЕЖДУ ПАРАЛЛЕЛЬНЫМИ БРУСЬЯМИ В ЦЕНТР СПОРТИВНОГО ЗАЛА. ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МАКСИМАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭТО ВРЕМЯ НЕОБХОДИМО СОХРАНЯТЬ ПОЛНУЮ ТИШИНУ. НЕ ОБЛОКАЧИВАТЬСЯ НА КОНЕЙ.

Джеймс Дж. Макхаби,
н. адм. о. с.

* * *

ОТ: С. Баррет, комната 304.

Мистеру Грэйсону, хранителю здания, подвал.

Уважаемый мистер Грэйсон!

В комнате № 304 не хватает одиннадцати парт. Пришлите также кого-нибудь вставить стекло и собрать осколки.

С. Баррет.

Здесь никого нет.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

Куда же это я попала? Звонки звонят для того, чтобы на них не обращали внимания, а любая просьба остается гласом вопиющего в пустыне. А «здесь» (в подвале) никогда никого нет?

Сил.

КОПИИ: доктору Кларку, доктору Бестеру, миссис Игэн.
Уважаемая мисс Баррет!

До моего сведения дошло, что Вы вопреки указаниям не заполнили рапортичку «Несчастный случай» (форма Б-221) после падения с парты ученика в вашем классе. Такая небрежность чревата серьезными последствиями. Безопасность вверенных Вам учеников имеет первостепенное значение. Прошу перед уходом из школы сегодня сдать указанную рапортичку в трех экземплярах, засвидетельствованных свидетелями вышеупомянутого несчастного случая.

Джеймс Дж. Макхаби,
н. адм. о. с.

(Бесполезно ссылаться на испорченное оборудование в оправдание нарушения инструкций, требующих запирать секретные документы.)

Дж. Дж. Макх.

* * *

Мисс Баррет!

Мне было доложено о похищении ценного бумажника из незапертого ученического шкафчика сегодня, примерно во время пятого урока. Один из Ваших учеников в это время слонялся по коридору без пропуска и находится под серьезным подозрением. Зайдите ко мне по окончании послеобеденного классного часа.

Н. адм. о. с.

* * *

КОМУ: Всем учителям.

Пожалуйста, проверьте и сообщите мне сегодня до трех часов, сколько ваших учеников не ели утром горячего завтрака. Плохое питание часто является причиной плохих отметок.

Фрэнсис Игэн,
школьная медсестра.

7. и с радостью учил... (№ 2)

7 сентября

Дорогая Эллен!

Начала утром писать тебе письмо, но меня прервали, и теперь я никак не могу найти его в море бумаг, которое меня затопило. Может быть, это даже к лучшему: очевидно, я не могла описать достаточно убедительно все это — классный час, торжественное собрание, хаос канцелярщины, ребят, которых я должна воспитывать и «с радостью учить».

Я здесь меньше одного дня, но я уже закрутилась. Один мальчик «получил травму при падении» в классе, и я не составила рапортчика, как положено. Другой вышел из класса без пропуска, и теперь его подозревают в краже бумажника из шкафчика, который по моей вине не был заперт. Это был неисправимый Джо Фероне — проблема школы Калвина Кулиджа. Он и мне уже успел нагрубить.

Когда я писала тебе то письмо (где оно может быть? Среди циркуляров, директив, бланков? В правом ящике? Левом? Возможно, в корзинке для бумаг), на которое ушел мой перерыв, Адмирал Осел (мистер Макхаби, который подписывается — Нач. адм. о. с.) появился в классе с Джо Фероне.

— Этот парень под особым надзором, — сказал он. — Он был утром на классном часе?

— Да, — сказала я.

— Никаких замечаний?

Фероне, прищурившись, смотрел на меня.

— Нет, никаких замечаний, — сказала я.

Так прошел мой первый учительский день. Пока я ничему не учила, однако научилась многому. А именно:

Мы по часам отбиваем карточки и должны отчитываться за каждую минуту, требуя того же от учеников.

У нас есть ключи, но нет замков (кроме как в уборных), есть доски, но нет мела, есть ученики, но нет мест, есть учителя, но нет времени учить.

Библиотека закрыта для учеников.

Еще мне рассказали, что школа Калвина Кулиджа не единственная в своем роде. Это вполне нормальная большая средняя школа. Есть множество школ хуже нашей (официально это называется: «проблема площади в школах для низших социально-экономических групп населения») и гораздо меньше таких, которые лучше. Дети, имеющие склонность к определенной профессии, могут поступить в профессионально-технические училища; дети с выдающимися способностями к математике, другим

наукам, музыке, танцам, изобразительному искусству могут поступить в специальные школы, куда надо сдавать вступительные экзамены или проходить собеседование; дети с нервными расстройствами или неспособные к обучению направляются в «600 школ». Но большинство — обыкновенные дети — идут в такие школы, как школа имени Калвина Кулиджа. Учителя тоже.

Помнишь Роду, которая ушла из Лайонс-Холл перед выпуском? Она пишет сейчас рекламные проспекты для парфюмерной фирмы и зарабатывает в три раза больше, чем я. Я часто думаю о ней. И о Мэтти. Она кончала со мной и сейчас преподает в колледже Уиллоудэйл, ведет семинары по Джойсу. И еще я думаю о тебе, о твоих безмятежных прогулках по городу — от понедельника до пятницы. И я думаю, что надо быть сумасшедшей, чтобы остаться здесь. И все же... У нас тут часто употребляют одну фразу, такую местную остроту: «Пусть это вдохновит вас на подвиг».

Уже звонок. Или это только предупреждение? Со звонками здесь постоянная путаница. Иду проводить послеобеденный классный час. Адмирал Осел говорит, что это предотвращает бегство с последних уроков.

Твоя Сил.

Р. С. Знаешь ли ты, что, согласно смете Совета по образованию, сокращение числа учеников в классе даже только на одного обошлось бы городу в 8 миллионов долларов и у нас классы так переполнены, потому что не хватает ассигнований?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

8. Из школьной газеты «Фанфары»

Школа им. Калвина Кулиджа

Ф А Н Ф А Р Ы

Сентябрь

ИНТЕРЕСНЫЕ ИНТЕРВЬЮ

Мисс Сильвия Баррет, новая учительница языка и литературы, не только избрана большинством голосов «Одри Хепбёрн» нашей школы, но она, кроме того, очень привлекательная молодая женщина, которой мы все гордимся. Наш корреспондент сообщает: рост у нее — пять футов и четыре дюйма без каблучков, волосы каштановые, глаза — серо-голубые, с ней очень

приятно поговорить. Она окончила колледж с Magna Cum Laude¹ (что это — мы не знаем), и ее М. А. (Мисс Америка?) была с высшим отличием. (Вот это да!)

Она любит поэта Чосера (кто это, мы не знаем), читать, рисовать (не позируйте для нее, ребята), кататься на велосипеде (двухместном?), взбитые сливки (проклятые калории!) и плавание. И еще она любит посещать разные города, как все. Прошлым летом она посетила какие-то города в Мексике (Habla español?²). Она считает, что преподавание у нас вдохновит ее на подвиг.

Рады приветствовать вас в нашей школе, мисс «Одри» Баррет, и надеемся, что вы задержитесь у нас хоть ненадолго.

ПОСЛАНИЕ НАШЕГО ДИРЕКТОРА

Ваше обучение направлено на то, чтобы вооружить вас знаниями и подготовить из вас зрелых и мыслящих граждан, способных вынести на своих плечах тяготы и ответственность, которые возлагает на нас процветающая демократия. Именно с вашей помощью и с помощью таких, как вы, демократия, подкрепленная всесторонним просвещением, будет двигаться вперед к дальнейшим победам и триумфам. Мы не сомневаемся в том, что наши цели и усилия в этом направлении окажутся плодотворными и достигнут намеченных результатов, ибо в той миниатюрной демократической державе, какую представляет собой наша школа, вы показали себя достойными нашего доверия и надежд.

Искренне ваш,
Максуэлл Э. Кларк, директор.

Приветствия от корсетной фирмы «Вэнити».

Посетите кафе на углу «Где друзья встречаются»!

КАК ИЗБЕЖАТЬ:

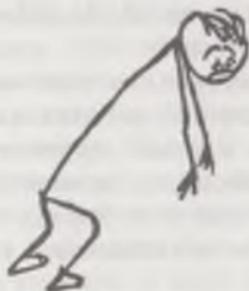
Треволнений
первоклассников

¹ Отличием (лат.).

² Говорит по-испански? (исп.)

Уныния
второклассников

Забот
третьеклассников

Печали
старшеклассников

**ВСТУПАЙТЕ ВО ВСЕОБЩУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ УЧЕНИКОВ,
ПОЛУЧАЙТЕ ЗНАЧКИ «ВО», ПОКА ОНИ ЕЩЕ ЕСТЬ.
«ВО»! «ВО»! «ВО»!**

**КОМУ ДОРОГА ЧЕСТЬ ШКОЛЫ?
ПРИХОДИТЕ БОЛЕТЬ ЗА СВОЮ КОМАНДУ.
ГРАФИК БАСКЕТБОЛЬНЫХ ИГР:**

СЕНТЯБРЬ. КАЛВИН КУЛИДЖ ПРОТИВ МАНХЭТТЕНСКОЙ ГО-
РОДСКОЙ.

ОКТАБРЬ. КАЛВИН КУЛИДЖ ПРОТИВ (?)

НОЯБРЬ. КАЛВИН КУЛИДЖ ПРОТИВ (?)

ДЕКАБРЬ. (?)

ДОКТОР МАКСУЭЛЛ Е КЛАРК
БЕАТРИСА ШЕХТЕР
МЭРИ ЛЬЮИС
СИЛЬВИЯ БАРРЕТ
ЭЛЛА ФРИДЕНБЕРГ
ПОЛ БАРИНДЖЕР

МАРКУС МАНГЕЙМ
ФРЕДЕРИК ЛУМИС
ГЕНРИЭТТА ПАСТОРФИЛД
ФРЭНСИС ИГЭН
СЭДИ ФИНЧ
ДЖЕЙМС МАКХАБИ

КОРОТКО ОБ УЧИТЕЛЯХ

Учитель, с которым девочки хотели бы остаться на необитае-
мом острове: ПОЛ («ПОЭТ») БАРИНДЖЕР.

Учительница, всегда готовая прийти на помощь: БЕАТРИСА
(«МАМАША») ШЕХТЕР.

Учительница, которая превращает урок в игру: ГЕНРИЭТТА
(«ПОДРУЖКА») ПАСТОРФИЛД.

Самый рассеянный учитель: МАРКУС («Н₂О») МАНГЕЙМ.

Самая красивая учительница: СИЛЬВИЯ БАРРЕТ.

«ФАНФАРЫ» ШКОЛЫ КАЛВИНА КУЛИДЖА — голос
нашей школы. Подписывайтесь на нашу газету, не давайте ей
затихнуть.

Мы хотим выразить нашу признательность миссис Льюис —
школьному советнику «Фанфар», самоотверженно отдавшей столь-
ко сил нашей газете.

9. Кто не умеет

Дорогая Эллен!

25 сентября

Сегодня, слава богу, пятница, а это означает, что мне не нужно ставить будильник на 6.30 утра, что можно выстирать блузку, подумать, написать письмо...

Поздравляю тебя с первым зубом дочурки. Скоро прорежется еще один, и еще, и еще, не успеешь оглянуться, как малышка Сюзи пойдет в школу, и вот тогда-то беды ее и начнутся. Правда, я надеюсь, что к тому времени, когда она попадет в систему национального просвещения, там кое-что изменится к лучшему. По крайней мере нам это обещают. Говорят, что мы добились «улучшения условий», с тех пор как возрос общественный интерес к школе и Объединенная федерация учителей пригрозила забастовкой. Но за те две недели, что я здесь работаю, на мой взгляд, условия скорее ухудшились.

Ты спрашиваешь, что я преподаю. Трудно сказать. Профессор Уинтерс рекомендовал не столько преподавать, сколько обучать. Программа курса языка и литературы требует «индивидуального подхода», что означает: каждому ученику необходимо постоянное внимание, это позволит развивать интерес и любовь к чтению. Бестер говорит, что «надо прививать любовь к книге». Все это легко сказать, но трудно, точнее, просто невозможно сделать.

Многие наши ученики совсем взрослые, а читают как пятиклассники. Никто ничего не читал, кроме простейших комиксов и приключенческих романов. Ходят в школу почти десять лет и даже не знают, что такое предложение.

Выбор книг, которые мы «проходим», случайный. Их изучают потому, что так принято, или потому, что в библиотеке их вполне достаточно, а то и потому, что какой-нибудь комитет предложил эти названия.

Например, я раздала шекспировского «Юлия Цезаря» ученикам 5-го семестра, так называемым «отстающим нечитающим». (Спрашивается, а как читают «успевающие нечитающие»?) Это вместо «Мельницы на Флоссе». Мы должны изучать «Ромео и Джульетту» или «Повесть о двух городах» (странное сочетание!) в моем «средненормальном» классе и «Сказания старые и новые» с моими «особо отстающими». До сих пор, однако, я, сколько ни старалась, не могла добыть хоть какие-нибудь книги из библиотеки, по причине неподклеенных формуляров, неточностей в библиотечной инвентаризации и затора на лестнице.

Пусть это вдохновит меня на подвиг, решила я и попробовала учить без книг. И была такая светлая минута, когда мне

удалось пробудить мысль класса. На доске я написала цитату из Браунинга:

**«СВЕРХ СИЛ СВОИХ СТРЕМИТЬСЯ ВВЫСЬ,
НА ТО И НЕБЕСА»**

И у нас разгорелся оживленный спор о стремлениях и действительности. Благоразумно ли, спросила я, пытаться превзойти себя? Не обречено ли это на провал? Нет, нет, ответили одни, честолюбие — залог успеха. Нет, нет, закричали другие, за этим — горечь поражения. А надежда? А отчаяние? Надо быть практичным. Надо мечтать. Ты понимаешь, конечно, что все это они говорили своими словами, как бы открывая самих себя. Для юности и в штампованных фразах таится новизна. Лети, наш корабль, к звездам! Сапожник, делай свое дело! Когда раздался звонок, дети сердито заворчали, и это было мне величайшей наградой. Столпившись в дверях, они расчирикались, как воробьи. И кто вдруг предстал перед нами? Адмирал Осел.

— Что за шум?

— Так звучит мысль, мистер Макхаби,— ответила я.

Потом в своем ящике для писем я нашла его записку, копии которой он направил директору (и, кто знает, может быть, даже в Совет по образованию). Вот она, почитай:

«Я обратил внимание, что класс, входящий в вашу комнату, задерживается из-за того, что ученики, выходящие из вашей комнаты, выходят дезорганизованно, без надобности толпясь в дверях и разговаривая. Учитель, чей класс выходит из комнаты, несет ответственность за упорядоченное движение в коридоре».

Оказывается, как это ни странно, разговоры категорически противопоказаны учебному заведению. Конечно, есть и другие грехи, и мне кажется, я совершила их великое множество. Вчера я поставила пластинку: Гилгуд читает Шекспира. Проигрыватель принесла свой (все равно не добьешься формы-требования «на технические средства обучения» — так здесь называют проигрыватели). В классе создалось особое настроение, ребята сидели тихо, слушали, как вдруг входит Адмирал Осел «при всех регалиях», дрожа от гнева. Щелкнув пальцами, он приказывает мне выключить проигрыватель, ждет, пока остановится диск, и произносит:

— Скоро дадут три звонка — начнется учебная тревога. Проигрывание пластинок не создает условий для организованной эвакуации класса.

Я часто упоминаю о Макхаби, потому что он выкристаллизовался у меня во Врага.

Но мешает работать не только он. То приходят во время

занятий учителя-кочевники и начинают рыться в моем столе, ищут забытый классный журнал.

То в середине урока заставляют заполнять какие-то карточки, отвечать на вопросы: «Есть ли у вас дома испорченные штепселя?»

То нужно собирать деньги на публикации, организации, молоко, баскетбольные билеты и «Добровольные пожертвования в пользу технического персонала». Это скромный дар мистеру Грэйсону, обитающему в подвале, если вообще существует этот таинственный человек в школе Калвина Кулиджа.

То дребезжат окна, потому что сверлят асфальт, то в зале загремел оркестр, то выборщики — сейчас время выборов — врываются в класс и пишут на моей единственной доске несмываемым желтым мелом:

ГАРРИ КАГАН В КАНДИДАТЫ НАМ ДАН.
ВЫБИРАЙТЕ ЕГО В ПРЕЗИДЕНТЫ «ВО»

и

ГЛОРИЯ ЭРЛИХ — ХОРОШАЯ УЧЕНИЦА.
ГОЛОСУЙТЕ ЗА НЕЕ В ПРЕЗИДЕНТЫ-ВИЦЕ!

И еще учебные тревоги, которые, как назло, происходят всегда в самый интересный момент урока! Звонки бешено звонят, мы все втискиваемся в спортивный зал, где стоим в тишине и безопасности между параллельными брусками, стараясь не облокачиваться о коней, спасенные на минуту от уничтожения...

Иногда сама жизнь прерывает урок. Занимаемся грамматикой, и вдруг девочка выскакивает из класса с криком: «Мама убьет меня!» И это может сбыться, потому что девочка потеряла восемь долларов семьдесят центов для уплаты за газ и свет. И теперь бросилась искать их.

Парень объясняет, что не выполнил домашнего задания из-за срочного оформления брака: «Раз уж так получилось, что она по моей вине в таком положении, а я католик. Жаль только, что я ее не люблю».

Хаос, бессмыслица, вопли о помощи — громкие, но никем не услышанные. Может быть, я все драматизирую? Пол так считает. Сам он только пожимает плечами и сочиняет про всех шуточные стихи. Я говорю о Поле Барринджере — нашем писателе, который стоит в классе только одной ногой, в ожидании, когда его опубликуют. Он очень привлекателен — загорелый, тонкие черты лица, одна бровь выше другой, ослепительная улыбка. Все школьницы без ума от него.

Есть у нас несколько хороших, трудолюбивых, выдержан-

ных педагогов, таких, как Беа — бездетная вдова («Мамаша Шехтер и ее дети», — как говорят ребята), которая умудряется учить вопреки невыносимым трудностям. Несколько блестяще одаренных учителей, которые — никому не известные и никем не воспетые — творят чудеса в своих классах. Есть и такие, кто искренне любит молодежь. Остальные, как мне кажется, либо вообще сдались, либо вымещают свое зло на учениках. Как сказал Бернард Шоу, кто умеет, делает сам, кто не умеет, учит других. Как и большинство поговорок, это лишь полуправда. На самом деле кто умеет, тот учит, а кто не умеет, тот, провалившись в другом месте, ищет в школьной системе только выход из положения или прибежище.

Мэри Льюис. Загнанная и запуганная, мчится она по коридорам, нагруженная, как мул; вечно сетует на неудобства и чрезмерную занятость и безотказно выполняет все указания всех начальников. Добровольная мученица системы.

Генриетта Пасторфилд — добродушная старая дева, «замужем за школой», домогается любви детей, всячески развлекает их, твердо убеждена, что уроки должны быть забавными, знания — подслащенными, а учитель — своим в доску.

Затем Фред Лумис, учитель математики. Он ненавидит детей жгучей ненавистью. «В пятнадцать лет, — сказал он мне, — их надо пинком в зад вышвыривать из школы, а девочек — стерилизовать, чтобы не производили себе подобных». Это я слышала своими ушами, а ведь он ежедневно общается с двумястами учениками...

Школьная медсестра Фрэнсис Игэн носит белые тапочки и помещена на пищеварении. Библиотекарша миссис Вулф не может вынести, когда книгу берут с полки. Мисс Элла Фриденберг, честолюбивая преподавательница машинописи, надвинута в советники по воспитанию. Это она изобрела ПУП — персональный ученический профиль, в прокрустово ложе которого вгоняет каждого ученика.

Других своих коллег я знаю только внешне: Деспоты Школьной Парты. Бароны Классной Доски. Цезари Классных Комнат и Лорды — Хранители Тетрадей — так называет их Пол. У него дар — изобретать прозвища. Стихи — его конек, он сочинил забавную песенку о нашем директоре. Обо мне тоже.

Макхаби — это, конечно, типичный мелкий тиран, какие обильно произрастают на школьной ниве и в армии. У нас была стычка с ним по поводу одного из моих учеников — Джо Фероне, которого он совершенно несправедливо, как потом выяснилось, обвинил в воровстве. Адмирал туманно намекнул

мне, что в конце полугодия я могу получить неудовлетворительную оценку за работу.

Не могу понять, почему я так пекусь о Фероне, самом недисциплинированном парне в школе. Может быть, потому, что я чувствую в нем тот же внутренний протест, что гложет меня? Когда он в школе, что бывает нечасто, он груб и нагл: руки в карманах, зубочистка во рту, презрительное покачивание на каблуках... И все время как будто чего-то ждет от меня.

Большую часть времени я борюсь за взаимопонимание. Это трудно, и я не знаю, с кого начать. С доктора Кларка? Не думаю, чтобы он имел хоть малейшее представление о том, что происходит в школе. О нем же известно только то, что у него кабинет с ковром и личная уборная на площадке четвертого этажа. И он вечно прячется то тут, то там, а когда является на свет, то любит объяснять, что обучение происходит от слова «учить». И еще он неравнодушен к парным словосочетаниям, таким, как цели и задачи, вести и вдохновлять, помогать и воодушевлять, новые горизонты и широкие перспективы; они выскакивают из него, как запонки из манжет.

А доктора Бестера, моего непосредственного начальника, заведующего учебной частью по языку и литературе, я и вовсе не могу понять. Это строгий, сухой человек, который держится отчужденно и чопорно. Как большинство заведующих, он ведет только один из старших классов, ученики уважают его, а учителя не любят. Возможно, потому, что он имеет обыкновение совершенно неожиданно возникать на уроках. «Бродит Призрак» — этот сигнал передается из класса в класс при его появлении. Беа рассказывала, что он начинал как прекрасный учитель, но потонул в бумагах, навязанных ему должностью. Надеюсь, он не придет ко мне на урок, пока я здесь не освоюсь. Я все еще кочую, особенно с моим ОО классом — «особо отстающих». (Неуспевающих, недоразвитых, замедленных, бесперспективных, тугодумов, не способных к языкам, интеллектуально неполноценных, неподдающихся, лишенных возможностей и лентяев — пока что я насчитала больше десяти эвфемизмов для учеников попросту тупых.)

Но больше всего времени у меня отнимает вовсе не преподавание. Известна ли тебе хоть одна профессия, где бы высококвалифицированные специалисты раскладывали карточки по алфавиту, разносили извещения, сторожили столовую?

Каким же длинным получилось это письмо! Понимаешь, сию безвыходно в своей 304-й, совсем потеряла связь с миром. Звонки звонят, ученики приходят и уходят, а моя мусорная корзинка все наполняется и наполняется.

Пиши, очень прошу, пиши даже о мелочах! Если здесь станет слишком тяжело, может случиться, я попрошу тебя потесниться.

С любовью,
Сил.

P. S. Знаешь ли ты, что в средних школах Нью-Йорка учителя более 500 000 часов тратят на канцелярскую работу и примерно 100 часов каждый на классные часы? Это только школьного времени, никто не учитывает часы, потраченные на составление поурочных планов, всевозможные записи, проверку домашних тетрадей и т. д. и т. п.

10. Протокол учительской конференции

Состоялась в понедельник,
28 сентября,
в 15.06 в школьной библиотеке.
Присутствовали — 100%.

Д-р Кларк — послеканикулярное приветствие:
иссучить рукава и браться за дело.

Бил Шехтер: серьезные проблемы, не решенные в прошлом семестре, — чрезмерная учебная и канцелярская нагрузка, неудовлетворительные условия.

Рассмотрение временно отложить.

Два конфликтующих кочевника из одной классной комнаты:

1-й: застает в классе исписанную доску с надписью — НЕ СТИРАТЬ — нерациональное использование доски.

2-й: словарь найден на задней парте — дело рук ученика. Место словаря только на учительском столе.

1-й: в левом ящике стола не оставлено места.

2-й: левый ящик стола принадлежит не первому, а второму.

II комитете по распределению учебной площади создать подкомитет по рассмотрению жалоб, которому поручить урегулировать вышеупомянутый конфликт.

Бил Шехтер: об отсеве учеников.

Макхаби: необходимо придерживаться отпечатанной повестки дня.

Главный вопрос обсуждения: записывать ли УХ справа или слева от синей черты на УКУ.

Исказывания ЗА и ПРОТИВ. Как лучше экономить время?

Создан комитет для рассмотрения.

Барринджер: отменить послеобеденный классный час.

Макхаби: отклонить. О курении в уборных. Всем перечитать циркуляр.

Мангейм: не хватает лабораторного оборудования.

Макхаби: провести по инстанциям.

Мисс Игэн (школьная медсестра): о важности горячих завтраков — без топлива печь не греет. Влияние на отметки.

Д-р Кларк: в здоровом теле — здоровый дух.

Учитель? (серый костюм, усы): закрыть конференцию.

Макхаби: рано.

Беа Шехтер: проблемы интеграции.

Д-р Кларк: закономерность развития. Терпение и выдержка. Профессиональное достоинство. Конституция.

Мэри Льюис: с потолка падает штукатурка. От Грэйсона нет помощи.

Макхаби: провести по инстанциям. Борьба с эпидемией опозданий. Выполнять циркуляры. Предупредить родителей формой № 3.

Мисс Финч (школьный секретарь): учителя должны выполнять инструкции. Это значит — все рапортчики сдавать вовремя.

Мисс Фриденберг (советник по воспитанию): нужны более точные УХ и УКУ. Достаточно одной фразы, лишь бы она отражала глубину. Пример: «Потенциальный руководитель», «Нуждается в поощрении». Изучить предыдущие ПУП.

Барринджер: отменить утренний классный час.

Макхаби: отклонить.

Мэри Льюис: теперь, когда чтение Библии в дни собраний объявлено неконституционным, будут ли возражения против минутной молитвы про себя?

Макхаби: нет, не будут, если не упоминать слово «молитва» и не шевелить губами.

Учитель? (серый костюм, усы): предложил закончить обсуждение.

Макхаби: еще не время.

Перемещенные учителя: в связи с тем, что отдел пожарной охраны нашел, что кабинет биологии на 5-м этаже пожароопасен, кабинет перевели в комнату математической книги, оттуда книги перенесли на время в кладовую, а учебные пособия — в главную кладовую на втором этаже, содержимое которой временно находится в канцелярии. В связи с этими перемещениями учителя социологии, которые пользовались кабинетом на 5-м этаже для оформления записей, оказались без места. Куда им идти?

Создан комитет для рассмотрения.

Вывод д-ра Кларка: просвещение — фактор развития демократии. Вопросы учебной нагрузки, канцелярской работы и неудовлетворительного состояния школы отложены из-за недостатка времени.

Учитель? (серый костюм, усы): закрыть конференцию.

Учительская конференция закрывается в 16.06.

(Переписать, отпечатать в трех экземплярах, сдать.)

11. Ученическая нагрузка

2 октября

Дорогая Элен!

Снова пятница, прошла еще неделя. Время сжимается и растягивается, как испорченный аккордеон, и только твои письма напоминают о нашем милом прошлом, вносят порядок и смысл в мою сумбурную жизнь. Завидую твоему досугу, прогулкам всей семьей, играм с дочуркой в твоём тихом пригороде. А у меня, а у меня...

Холодная война между Адмиралом и мной становится все горячее; напряженность между Фероне и мной — все напряженнее; школьный секретарь мисс Финч засыпает меня бумагами из гигантской утробы своего мимеографа. И я совсем не уверена, что удержусь в школьной системе.

Во время классного часа радуюсь, если мне удастся дойти по журналу до буквы Д. Адмирал Осел шныряет по коридору, готовый ворваться при первом же сигнале. Или, может быть, он следит за нами в перископ из своего кабинета?

В моих предметных классах мы все еще жонглируем книгами. «Сказания старые и новые» неизвестными силами заменены на «Одиссею» и «Мифы и их значение». У меня остается только две недели для того, чтобы рассказать моему классу «ОО» о мифологии Греции и великом гомеровском эпосе, потому что другие учителя уже ждут эти книги, так как вопросы по ним войдут в контрольные за полугодие. А контрольные эти должны быть проведены до Дня Благодарения, чтобы учителя могли проверить их во время каникул.

Ответы на свои вопросы я ищу в том, что говорят или пишут ученики. Я установила в своей аудитории ящик для пожеланий в надежде на то, что они начнут делиться своими чувствами и в конце концов научатся доверять мне.

Пока же все они для меня — просто море лиц, и только при сильных порывах ветра возникает то одна, то другая мордашка...

Лу Мартин — первый комедиант класса, его конек — строить рожицы. То он ужасно расстроен из-за невыполненного задания — ладони сжимают лоб, колени трясутся, плечи поникли от стыда; то он просто умирает от жажды, выпрашивая пропуск на выход, — язык вываливается наружу, глаза закатываются... словом, просто не в силах дойти до питьевого фонтанчика. То он потрясен неверным ответом, предательски сорвавшимся с языка, то покорен, то поражен, то негодует... Знаю, что нельзя, но не могу удержаться от смеха.

Начинаю запоминать их имена и разбираться в том, что их волнует. Мне даже кажется, что я могу помочь им, если только они мне это позволят. Но я все еще Чужая и Враг; я еще не прошла испытание. Враг Эдди Уильямса — потому что у меня белая кожа; Джо Фероне — потому что я учительница; Вивиан Пейн — потому что я худая.

Из-за цвета своей кожи Эдди зол на весь мир.

Джо Фероне заваливает все предметы, хотя очень способный. Он стал камнем преткновения между мной и Макхаби, потому что я считала его невиновным в краже бумажника. Я доверяю ему, а он — он пристально наблюдает за мной, готовый к прыжку при первом моем неверном движении.

Кэрри (подписывается «Вивиан») болезненно-некрасивая девушка, всегда мрачная, таящая ненависть под толстым слоем жира.

Гарри Каган — политикан и подхалим. Он баллотируется в президенты Всеобщей организации учеников, и, боюсь, будет избран.

Линда Розен страшно отстает в учебе, но преуспевает у мальчиков.

А хорошенькая Алиса Блэйк, всегда бледная, в трепетном ожидании большой любви, так уязвима и так легкоранима, как бывает только в шестнадцать лет. Я уверена в ее подлинно глубоких чувствах, но выражать их она умеет только дешевыми трафаретными фразами — большому она не научена.

Еще есть Рэсти — женоненавистник.

А потом еще есть тихий, запуганный пуэрториканский мальчик, имя которого я даже запомнить не могу.

Это дети, вскормленные на жалких отбросах, и у них никого нет — ни в школе, ни дома.

Ты знаешь, я только что поняла, что для них нет даже точного слова. «Подростки», «юноши», «ученики», «ребята»,

«подрастающее поколение», «дети» — все эти определения оскорбительны, снисходительны, ходульны или же просто неточны. В документах мы называем их «ученической нагрузкой», с кафедры — «юноши и девушки», а как следует их называть?

Больше всего меня пугает их бездумное восприятие всего, чему их учат. Они не протестуют против авторитетов, хотя вечно протестуют, и притом бурно, а против чего, сами не знают! И им не приходит в голову подумать.

Послушание и молчание — вот что у нас особенно ценится. А вот энтузиазм не вызывает энтузиазма. Он таит в себе опасность излишних треволений. Как-то Адмирал поймал несколько учеников, пришедших в школу до занятий, чтобы попрактиковаться в машинописи. И тотчас же издал манифест, запрещающий пребывание учащихся в школе до 8.20 и после 15.00. Без учителя им не разрешают оставаться в классах. Им не разрешают задерживаться в коридорах. Им не разрешают говорить, не подняв предварительно руку. Им не разрешают переживать слишком остро или смеяться слишком громко.

Вчера, например, мы обсуждали вот эти слова из «Юлия Цезаря»:

**НЕ ЖРЕБИЙ НАШ — МЫ САМИ ВИНОВАТЫ
В СВОЕМ ПОРАБОЩЕНЬЕ.**

Я попыталась связать шекспировскую хронику с жизненным опытом моих учеников. «Правда ли это? — спросила я. — Хозяева ли мы своей судьбы? Бывает ли везение?» Мальчишка в первом ряду так яростно замахал рукой: «Вызовите меня, пожалуйста, вызовите меня!», что свалился с парты. Ребята рассмеялись. Входит Макхаби. И в тот же день в своем ящике для писем я обнаруживаю: **ДО ЕГО СВЕДЕНИЯ ДОШЛО, ЧТО В МОЕМ КОНТРОЛЕ НАД КЛАССОМ ОТСУТСТВОВАЛ КОНТРОЛЬ.**

Но я заставила мальчика думать, я вложила в него что-то, родившее мысль. Я взволновала его новой формулой. А это уже кое-что.

Случаются, конечно, и курьезы, когда я совсем неправильно оцениваю их рвение. Есть у меня девочка, которая не сводит с меня глаз. Нынче утром, когда я вела опрос по «Юлию Цезарю», она прямо-таки выбрасывала вперед руку, умоляя, чтобы ее заметили. А когда я ее вызвала, она спросила: «Вы носите контактные линзы?»

Хорошо, что не было Бестера. Все-таки в этом человеке есть что-то, не заметное с первого взгляда. На меня производит огромное впечатление то, как он мастерски решает так называемую здесь «проблему дисциплины». Как-то он зашел в

раннюю продленку (не спрашивай меня, что это такое и как я ее проводила) и попросил одного из учеников показать свою программную карточку. «Катись ты подальше»,— ответил тот. Класс затаил дыхание. С ледяной вежливостью Бестер попросил ученика повторить то, что он сказал. Мальчик повторил. «Пожалуйста, первые два слова»,— попросил Бестер с утонченной вежливостью. «Катись ты»,— «Будьте любезны, повторите снова»,— «Катись ты»,— «Еще раз, пожалуйста»,— «Катись ты»,— «Будьте любезны повторить следующее слово»,— «Подальше»,— «Еще раз»,— «Подальше»,— «Еще раз». Представь себе, как абсурдно может звучать это «подальше», повторенное со всей серьезностью мальчиком, стоящим среди своих сверстников! Парня высекли, и он это знал; знал это и усмехающийся класс; знал это и Бестер. Уходя, он сказал безупречно вежливо: «Вам, молодой человек, следует заняться исправлением речи». Как бы я хотела научиться у него уверенности в себе. Во время классных часов я чувствую себя такой неумелой. Ученики все еще относятся ко мне с подозрением, все еще испытывают меня...

В понедельник ко мне подошла девушка, застенчивая и чем-то взволнованная. Она хотела бы поговорить со мной после уроков. По-видимому, она боялась идти домой. К сожалению, было это в день учительской конференции, которая священна: явка на нее обязательна. Возможно, я могла бы как-нибудь помочь девушке — с тех пор она не появлялась в школе. Мне сообщили, что она убежала из дому...

На учительской конференции (нам положено отсиживать на ней каждый месяц по часу) я наблюдала за моими братьями и сестрами, на лицах их — равнодушие и покорность. Лишь немногие беспокойные души будоражили стоячее болото. Я сразу же поняла, что новичку выступать не положено. Но зато меня попросили вести протокол. Я записала все выступления и подсчитала время: 60 минут, секунда в секунду.

Все наши часы и минуты подсчитаны и заранее распределены. Уже вовсю идет подготовка ко Дню открытой школы и к рождественскому спектаклю. На доске объявлений появляются таинственные сообщения, которые совсем невозможно понять. Так вчера я прочла:

«Усиленный курс алгебры будет изучаться в следующем семестре до дальнейших указаний». Не знаю, что это значит или что значит «минимальный уровень и максимальные цели» — все это проблемы взаимопонимания.

Взаимопонимание! Если бы я знала, как подобраться к моим ребятам, я, наверно, смогла бы их учить. Как-то я по-

просила их написать, что они изучали по языку и литературе, что надеялись узнать на моих уроках. Их сочинения оказались открытием для меня: я поняла, насколько пусты были проведенные ими в школе годы, поняла, как необходима им я или кто-нибудь вроде меня. Нас так не хватает! И в то же время при всем моем старании обучить их чему-то — это практически невозможно в школе Калвина Кулиджа.

Конечно, посторонним наша работа кажется просто находкой: с девяти до трех, пятидневная неделя, двухмесячный оплаченный отпуск летом, все праздники по календарю, почет и уважение. Моя мама, например, очень радужно представляет себе мой рабочий день: ей видится день, заполненный грациозными поклонами под хор почтительных голосов, желающих мне доброго утра.

Как хорошо, что есть ты!

С любовью,

Сил.

P. S. Знаешь ли ты, что в Нью-Йорке более 800 неполных средних школ, свыше 86 средних школ и около миллиона учащихся? И что из ста детей, начавших учиться, только пятнадцать поступают в колледж? Большинству же удается получить лишь неполное среднее образование — вот и все.

С.

12. Порция языка

В ответ на ваш вопрос, что я получил от изучения языка и литературы, отвечаю, что пока я от них ничего не получил. Учителя были ехидные злюки или нервные психопаты. Половина — временные, преподаватели других предметов. В один семестр у нас было 9 временных по языку и литературе. Однажды доктор Бестер взял наш класс на себя, и тогда я наконец начал немного соображать, что к чему, но, поскольку он главный, ему преподавать не разрешается.

И места нет, где учиться. В прошлое полугодие мы писали на мокрых столах, потому что язык был в физическом кабинете, а раньше у нас не было стульев и нам приходилось сидеть на корточках.

Даже постоянная миссис Льюис разводила такую скуку, что и весь извелся от зевоты, а мистер Лумис (математика) ненавидит и учение, и нас. Учителя стараются дать нам почувствовать, что мы ниже их. Может быть, это потому, что они чувствуют себя ниже других людей.

Один учитель велел мне выйти из класса и больше не возвращаться. Что я и сделал.

Прогульщик.

Я получила литературу и книги. Стихийные тоже. А перед самой контрольной — порцию языка. Много мальчиков в классе сильно от-влекли меня. Может повезет потом.

Линда Розен.

В классе мисс Пасторфелдс мне очень нравилось. У нас были такие современные методы, как Любительский час и разгадательные игры, кто наберет больше очков, и рисование разных героев из разных книг, и расстановка пунктуации по маршрутам, и бейсбол из грамматических предложений с призами. Вот как надо учить язык.

Верный ученик.

Я выучил только одно — «кавычки». Я знаю «кавычки» снизу доверху, и это всё, чему меня учительница научила. Одна — не буду называть имен — была помешана на «грамматических» ошибках, мисс Льюис обожала мучить меня. С мисс Пасторфилд мы «драматизировали» всё подряд, и мой последний провал был про «демократичность». Мы тратили все время на голосование чем заниматься, а на занятия уже не оставалось времени.

Только один раз мне попалась учительница получше. Но она «заболела» и ушла. Я думаю, что этот семестр с вами будет хорошим, потому что вы на вид «живая», хотя еще рано говорить.

Чарльз Роббинс.

Мне противно вспоминать все мои годы языка и литературы, кроме одной учительницы. Ее я никогда не забуду. Потому что, когда у меня случилась неаккуратная тетрадка, больше исписанная карандашом, она не велела все переписать чернилами, а только нажать покрепче там, где трудно разобрать. И всё. На следующий день она спросила, сделал ли я так. Когда я сказал, что да, она даже не стала проверять и сказала, что верит мне на слово. Мне

от этого сразу стало тепло на душе потому, что в первый раз учительница поверила слову ученика и не стала проверять, правду ли он сказал. Большею частью они даже фамилию твою не знают.
Я.

За два года языка и литературы в этой школе я выучил:

1. Как читать газету.
А. Заголовки.
2. Как подчеркивать.
3. Сравнение авторов (Готорн).
4. И. С. Марнер.

Марнера лучше было не выпускать. Нам больше нравятся под-
ристковые книги, как «Лолита».

Подросток.

За многолетнее посещение школы я вполне удовлетворен своим просвещением. Я считаю, что язык и литература крайне важные для меня предметы, и постараюсь в ближайшем будущем увеличить свои знания. У меня уже хорошие отметки, потому что я прилежный и понимаю, что все, что учитель говорит, для меня полезно. Устный разговор, в чем я особенно отличаюсь, сочинения, тоже привлекающие мое внимание, написание отличных предложений с пунктуацией по всем правилам и многое другое, крайне важное, преподаны мне с отличными результатами. Я надеюсь достигнуть новых успехов в избранной программе обучения с такой отличной преподавательницей, как вы.

Гарри С. Каган,
избранник учеников.

Как новенькая, знайте, что я сторговался со всеми учителями: и их не трогаю, а они меня. Так что с сегодняшнего дня я для них больше писать не буду.

Ястреб.

За 16 лет жизни мне достался почти каждый тип учителя, но я никогда не забуду одну из шестого класса начальной школы. И с ней мне пришлось следить за каждой своей буквой. Она была такой деловой, что задавала нам на дом каждый вечер и старалась всё вбить нам в голову. Но вбивала совсем не так, как другие учителя. У нее был интерес к нам и она умела выявить наши хорошие и плохие стороны. Она ежедневно задерживалась в школе, и мы могли всегда подойти и задавать ей вопросы по домашнему заданию. Она муштровала нас и иногда нам здорово попадало, но, несмотря на ее такой характер, странная вещь произошла в конце семестра: мы все окружили и целовали ее.

А в нашей школе хуже — речи, речи, речи. Это все, что мы слышим.

Убывающий.

Язык и литература — мура. Я надеваю темные очки, чтобы спать во время этой муры.

Мура-Вей.

Я не смотрю на учителя, как на вещь, а как на человека, какой я сам. Я вытерпел много учителей с их недостатками, но сосредоточивался на их доктор-Джекильских сторонах¹. Но некоторые просто не скроены, чтобы быть учителями. Слишком старые и нервные. У одной просто нельзя было понять то, чему она учила. Говорила только она. И если она не говорила о своих сестрах или соседках по площадке, то говорила о нынешнем поколении. А толку в этом не было никакого. Она была из тех, что вначале

¹ Стивенсон, Роберт Льюис (1850—1894) — известный английский писатель; имеется в виду его философский роман «Странная история д-ра Джекиля и м-ра Хайда».

составляют большие планы, но никогда до них не доходят. Они ведут себя так, как будто делают нам большое одолжение и не жалеют саркастических замечаний, вроде «ну и нахальные сейчас пошли дети». В результате она наводила такой страх, что мы не могли отвечать даже, когда знали урок. А если кто хорошо ответит, она не похвалит, а скажет «давно пора вам хоть что-нибудь усвоить». А если рассмеешься или случайно, извините, икнешь, она выгонит в самый дальний угол школы.

Застенчивый Никто.

Когда наша постоянная учительница болела, у меня целую неделю был д-р Бестер и он нам нравился, хотя и притворялся не таким, какой он есть. У него было строгое-строгое лицо и он делал нам много замечаний. Но все видели, что на самом деле он просто очень хороший учитель. Он пробудил у нас интерес к языку и мы все выкладывались для него.

Кэрол Бланка.

Одна учительница в другой школе обращалась со мной не только как с учеником, а как с родным сыном. Она отдавала мне одежду, из которой вырос ее сын. И эта одежда была еще вполне приличной.

Фрэнк Аллен.

В одной школе у нас был начинающий учитель. Он был такой молодой, что не умел держать класс, и мы не слушали ни одного его слова, даже когда он кричал. Однажды у него получилась драка с учеником из-за мела, и мы все, один за другим, выбежали из класса. Вместо того чтобы выйти в коридор и проверить здесь ли мы, он надел пальто, схватил свой зонтик и вышел из класса, поспешившая. Вы догадываетесь, что его заменили другим учителем.

Вот единственные язык и литература, застрявшие у меня в голове.

Только одна учительница не унижала нас. Это миссис Шехтер. Она была простой с нами и все нам казалось легко, хотя и не было. Она даже любила нас. С тех пор я буквально молилась, чтобы она опять была у нас, но напрасно. Мне бы хотелось учиться в школе с большими солнечными окнами, с видными в них деревьями и чтобы никто не говорил за твоей спиной. Где учитель был бы другом для всех и не имел любимчиков потому, что кто-то всегда лучше.

Вивиан Пейн.

Раз вы спрашиваете, вот мой список:

Мисс Пасторфилд — пройдем мимо.

Мисс Льюис — пора на пенсию.

М-р Барринджер — большой артист.

Миссис Шехтер — о'кей.

Мисс Баррет — ей место в кинозвездах.

Мистер Лумис — пустое место.

Можете со мной не соглашаться, но это мое мнение.

Мистер Икс.

В начальной школе я встретил учителя довольного, а не огорченного тем, что ему приходится работать в школе. Он преподавал просто, с достоинством и понимал учеников, даже если они не умели высказаться. Он не был диктаторским учителем, но каким-то волшебным образом мы вели себя хорошо. Все, что я знаю по английскому языку и литературе, я получил от этого благородного человека. Он нас воодушевлял, хотя высоких отметок не ставил. Я часто заходил к нему во время завтрака. Мы играли в дартс и ели то, что он принес для нас. И он помогал нам, чем мог, даже по другим предметам. Летом мы с ним ходили в парк, и он играл с нами в бейсбол. Мы с этим учителем и сейчас общаемся, посылая друг другу письма.

Благодарный ученик.

Язык — личный предмет и преподавать его должен мужчина. Слишком много баб в школе, и все они никуда не годятся.

Рэсти.

В моей другой школе я был скорее в большинстве — белых было только несколько ребят. Но образование они там выдавали не слишком хорошее. Здесь меня пытались интегрировать, но у них из этого ничего не вышло.

Я не то, что вы называете «первый» ученик, но я не против учения, хотя бы для того, чтобы уйти из дому. Но учителя слишком предубеждены, они большей частью белые и ни разу не поставили мне справедливой отметки.

Я не то чтобы любитель читать книги, но относился к чтению терпимо, пока учителя не вызвали у меня отвращение к книгам. Что хорошего от диаграмм и диктантов, а переписывать по десять раз — только изводить хорошую бумагу. И непонятно, зачем писать сразу и точку и запятую. И несправедливо, что меня все время вызывают.

Эдуард Уильямс.

Что я выучил. Чего я надеюсь добиться.

Пока я получил слова со смыслом, слова без смысла, устные слова, письменные слова и контрольную каждую пятницу.

Второклассник.

Калейдоскоп. Бешеный вихрь, вертящаяся стихия. Наброски и тени приходят и уходят, не оставляя за собой эха и никаких кругов на воде, куда не был брошен ни один камень. Таково мое воспоминание об утраченных и канувших годах изучения языка и литературы, из которых я восхожу удрученная, но, как Феникс, — с возрожденными надеждами на каждый новый семестр. Будет ли в этот раз по-иному? Этот вопрос, водруженный на копье времени, еще не знает ответа. Предполагалось, что я буду в числе «способных старшеклассников» у миссис Шехтер, но из-за конфликта с физикой 2 этого не получилось.

Элизабет Эллис.

Незачем изучать английский язык и литературу, зачем нам эта мука, раз в общество мы все равно не попадем. Мы проживем и без этого, кому это надо? Гораздо лучше выучить иностранный язык. А то смотришь иностранные фильмы и ни слова не разберешь. Получается чепуха.

(Честно говоря, я считаю, что лучше пусть учитель в лицо скажет, что с языком у меня плохо, чем бросать на меня косые взгляды в коридоре.)

Разочарованный.

Винегрет: Мак Бет одну неделю, Моби Дик — другую, кавычки, прямая речь. Устные разговоры: должны ли родители быть строгими? Должны ли девочки носить джинсы? Какие ошибки я делал в начальной школе, такие делаю и сейчас. Надеюсь исправиться.

Присутствующий.

По-моему, как только мы научились говорить, так этот предмет надо отменить. Ха-ха! Грамматику объявить вне закона. Выбросить из языка вводные предложения. Для устных ответов нужен хорошо подвешенный язык, а письменные работы приводят к орф. грам. ошибкам. А прочитав книги, трудно ответить на вопросы. (Но я бы занимался, если бы мне не давили на мозги.) Еще неприятная сторона у языка и литературы — то, что некоторые ученики лентяи и бездельники. Я сам отношусь к этой категории — дурачился, ничего не выучил и своим шутковством мешал классу. Но, надо воспринимать хорошее вместе с плохим и знать, что вся наша жизнь не будет состоять из одних роз.

Лу Мартин.

Грамматика и Шекс.— мура.

Сказания — трепотня.

Айвенго — для птичек.

Джордж Элиот — дрянь, хоть он и женщина.

Зачем вы задали этот вопрос? Чтобы показать, что вы лучше других? Все вы — учителя — одинаковы, пичкаете нас всяким дерьмом, а требуете конфетку, да еще в серебряной бумажке. Если хотите знать, вы даже хуже других, строите всякие дамские штучки — благо, вам это нетрудно — и делаете вид, что у вас ах как за нас сердце болит. А на самом деле вы на нас плюете,

как плюют на вас толстомордые смотрители этой тюрьмы, а на них плюют мошенники и крикуны — начальники над всеми школами.

Во всей этой школе, кроме одного человека, никому нет до меня дела, и то же самое дома и на улице. Может быть, вам не нравится мой язык? Что же, поставьте мне плохую отметку — ваше право.

Я все равно уйду из школы в конце полугодия и присоединюсь к своре псов, перегрызающих друг другу глотки в вашем подлом мире, куда вы нас готовите. Не волнуйтесь, я свое обращение уже получил, но вовсе не из ваших учебников. А ваше дело — торчать здесь, и не сомневайтесь, всегда найдутся желающие играть в вашу игру — ай, ай, ай, бедные мои заблудшие овечки, вернитесь в школу. Но шагайте в ногу, в строю по двое. За это вы получите аккуратенькие чистенькие дипломчики на дерьмовом блюде. Какая благодать!

Надеюсь, что я ответил на ваш вопрос.

Джо Фероне.

Джо! Хотя у тебя и красочный словарь, некоторыми выражениями надо пользоваться с большой осторожностью. Ты выражаешь мысль живо и хорошо, твои метафоры — от псов и до овечек — образны. Я бы поставила тебе куда более высокую отметку, чем ты поставил бы себе сам. Я имею в виду не только язык и литературу.

В том, что ты говоришь, есть доля правды, но ты слишком умен, чтобы ограничиваться этим. А что касается предъявленного мне обвинения, то у нас человек считается невиновным, пока не доказано обратное. Дай и мне пользоваться правом, предоставляемым каждому подсудимому. Нам необходимо поговорить. Не останешься ли ты сегодня после уроков?

С. Баррет.

Я не понимаю этих ваших пышных слов и после уроков занят. Каждый день. Придется вам учить меня только во время тишинок.

Джо.

(P.S. Если бы я мог вам верить!)

13. Самоусовершенствование и т. п.

Уважаемая мисс Баррет!

Прилагаю экземпляр «Методики по языку и литературе». Пусть это будет Вашей Библией. Вы найдете в нем описание различных путей для усовершенствования и т. п.

РУКОВОДЯЩИЙ ПРИНЦИП ДЛЯ ВСЕХ КЛАССНЫХ ЗАНЯТИЙ — УМЕНИЕ УЧИТЕЛЯ РАСПОЗНАТЬ ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И НУЖДЫ УЧЕНИКОВ, ОПИРАТЬСЯ НА ЛИЧНЫЕ УСТРЕМЛЕНИЯ КАЖДОГО УЧЕНИКА И НЕЗАВИСИМО ОТ ОТМЕТОК ВЕСТИ ЕГО ВПЕРЕД, ИСХОДЯ ИЗ ЭТОГО.

РАЗВИТИЕ ПРИВЫЧКИ К ЧТЕНИЮ, ОСНОВАННОЙ НА ЛЮБВИ К КНИГЕ,—ЛУЧШИЙ ВКЛАД, КОТОРЫЙ МОЖЕТ СДЕЛАТЬ ШКОЛА. ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ СЛЕДУЕТ УДЕЛИТЬ СОЗДАНИЮ ПРИЯТНОЙ ОБСТАНОВКИ В КЛАССЕ, ГДЕ ПРОХОДЯТ ЗАНЯТИЯ ПО ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ. НА ПОЛКАХ И СТОЛАХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ РАЗЛОЖЕНЫ РАЗНООБРАЗНЫЕ КНИГИ И ЖУРНАЛЫ. ГРУППОВУЮ РАБОТУ ОБЛЕГЧАЮТ ПЕРЕДВИЖНЫЕ СТУЛЬЯ И ПАРТЫ. ЖЕЛАТЕЛЬНО ИМЕТЬ В КЛАССЕ ЭКРАН, КИНОАППАРАТ, МАГНИТОФОН И ДРУГИЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ.

Сэмюел Бестер,
заведующий учебной частью
по языку и литературе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

14. Персефона

Понедельник, 8 октября

Дорогая Эллен!

Белый кирпич — это великолепно для камина, а вот о гриппе могу только сказать, что справляться с ним не умею.

Говоря по правде, я плохо справляюсь и с преподаванием. Ходит слух, что на этой неделе у меня должен появиться Призрак: Бестер уже нацелился и, вероятно, посетит мой класс. Что я буду делать, если он придет на мои занятия с «особо отстающими»?

Сегодня, в связи с изучением мифов, я написала на доске стихи Эдны Миллей: «Молитва Персефоне». Ты помнишь их?

О Персефона, стань такою,
Какой не быть мне никогда.
Ласкай божественной рукою
Ту, что надменна и горда,
Прекрасна и свободна,
Что ускользает вдруг, шутя,
Ту, что дика и благородна,
А в жизни — малое дитя.
И пусть в аду свои законы,
Их не изменишь на ходу.
Скажи ей нежно, Персефона:
«Не так уж страшно здесь в аду».

При виде стихов они заохали — чего ж еще делать. Но когда я спросила, кто говорит (возлюбленный о возлюбленной, мать о ребенке), Вивиан Пейн робко подняла руку: «А может быть, учитель?»

Но, впрочем, не в этом главное. Главное — ученики. Как им нужно, чтобы они нас понимали, и в то же время мы не можем быть слишком близкими. Отношения учителя с учеником — это что-то вроде хождения по канату. Знаю, как осторожно должна я выбирать слова и жесты. Понимаю, как трудно балансировать между дружелюбием и фамильярностью, достоинством и отчужденностью. Я особенно ощущаю все это при попытке завоевать Фероне. Не могу понять, почему это так много для меня значит. Может быть, потому, что он, как и я, мятежник в своем роде? Может быть, потому, что его так обидели? Он слишком ярк, слишком умен, чтобы затеряться в толпе.

Я хочу узнать его, всех их. Помочь им можно, только говоря на их же языке. Да и что у нас есть, кроме слов? Я всегда с жадностью читаю ребячьи сочинения, вытряхиваю записки из ящика пожеланий, слушаю.

Ты задаешь наивные вопросы, дорогая. Ты спрашиваешь, к примеру, почему я «кочую». Да потому, что Мэри Льюис проводит два урока в моей классной комнате. Почему не в своей? Потому что там занимается другой «кочевник». Мы делим полкам и доску для объявлений, и классную доску. Кстати, мне всегда любопытно посмотреть, что там, на ее половине.

Мэри говорит, что она предпочитает мою 304-ю, потому что в ней передвижные парты, в ее же классе — маленькие, прикрепленные к полу со времен начальной школы, поэтому нашим подросшим ученикам некуда девать ноги.

Ты хочешь узнать побольше о Поле.

Я тоже. Он умен, остроумен и, конечно, очень красив. Эта приподнятая бровь! Но есть в нем что-то скользкое. Он буквально

не выносит соприкосновения с ребятами, и один вид набитого битком коридора вызывает у него содроганье. Он всегда ждет, когда схлынет коридорное течение, и только тогда выходит из класса. Все девочки без ума от него. «Что мне в нем нравится,— сказала одна из моих учениц,— так это легкость, с которой он проходит по классу и небрежно садится на стол».

Только ты и мама не забываете меня. Она постоянно тревожится о том, как я живу одна в большом городе, как обхожусь без настоящей кухни. И все шлет мне вырезки из джонсборских газет: нападение, изнасилование, убийство. И на полях — одно и то же: «Будь осторожна». Ей кажется, что только в стенах школы я в безопасности.

Если бы...

С любовью,

Сил.

P. S. Знаешь ли ты, что только 21% городского бюджета Нью-Йорка выделяется на образование, тогда как в небольших городах — до 70%?

С.

15. Из мусорной корзинки мисс Баррет

Черновик

Чарльза Робинса

Группа 33 «00»

Мисс Баррет

Мой лучший друг

Глава 1

Кого считать «лучшим другом», зависит от того, что мы делаем друг для друга. Из моих «друзей» только один мой лучший друг, его зовут Тони. Когда мы идем куда-нибудь, мы всегда вместе в любом месте. Многие ребята зовут нас братьями. Вот почему он мой «лучший друг».

* * *

Мой лучший друг. Черновик не считается.

Для меня многие — лучший друг. Один из них — Джонни. Джонни 15 лет, ростом 5 футов и 4¹/₂ дюйма. У него характер: он умный, никогда не дерется с лучшими друзьями, чистолобивый, я хочу сказать, что всегда чисто одетый. Он носит очки. Он мне нравится, потому что он мой лучший друг.

ОТ: Б. Шехтер.

КОМУ: С. Баррет.

Дорогая Сил! Давайте кутнем — пообедаем в ресторане. Забудьте на полчаса своих «особо отстающих» и стряхните с себя меловую пыль. Мне надоел кофе, пахнувший бумажным стаканчиком. Я тут дежурю, как Цербер у врат Ада. Охраняя кого? И от кого? Я бы с удовольствием сменяла дежурство по вестибюлю на Ваше коридорное патрулирование. Скажите «ДА» херувиму, который принесет Вам эту записку, и поедим сегодня как дамы.

(Вам, кажется, грозит посещение Бестера. Задайте им сочинение на тему «Мой любимый вид спорта» или «Раздумья о море» и сидите спокойно.)

Беа.

* * *

Дорогая Беа! Простите, но сегодня не сумею. В обеденный перерыв придет один отец. Хочет узнать, почему его сын получил плохую отметку. Надо ответить. А как?

Сил.

* * *

Дорогая Сил! И не пытайтесь. Взаимопонимания не бывает. Никто друг друга не слушает. Каждый человек — остров. Лучше угостите его кофе.

Беа.

* * *

Черновик.

— Эй, привет,— раздался таинственный голос на людной улице и вдруг мою руку схватила знакомая рука моего лучшего друга Майка.— Как дела, старина Билл? — Прекрасно,— ответил я. Я был удивлен, такой встречи я не ожидал. Был ясный зимний день со сверкавшим снегом, сверкавшим на...

* * *

План урока

Язык и лит. группа 33, «особо отстающие».

Нип. сочин. в классе, прим. 100 слов. «Мой лучш. др.».

1. В личном плане.

А. Давать и получать.

Б. Точка зрения другого.

В. Проблема одиночества.

2. В общественном плане.

(Человек — общительное животное)

* * *

Мой лучший друг.

Дружба важна. Она дает нам личное обогащение. И дает нам понимание точки зрения другого человека. Дружба нужна также в отношении одиночества и общества.

* * *

Мой лучший друг — это я, моя личность и я сама. Я так считаю потому, что никому нельзя верить. Они тебе скажут, что они лучший друг, а за спиной назовут толстухой. Вот почему я люблю только меня, себя и свою личность.

* * *

МОЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ.

Во всем мире каждый имеет одного друга. Глубоко дружественного. Самый худший в человеческой натуре — это лучший друг.

Меня всем любят чуть по-разному и обстоятельно прихитряют.

Человек — общее животное.

* * *

Дорогая Сильвия!

Сегодня бродит Призрак. Быстро напишите что-нибудь на доске, проследите, чтобы не было обрывков бумаги на полу и чтобы окна были открыты на четыре дюйма сверху. Он только что побывал у меня, а я забыла написать задание на доске. Попробуйте задать им сочинение. Он заскучает и уйдет. Передайте дальше.

Генриетта.

Сочинение. Должна ли быть отменена смертная казнь. Черновик. Я напишу на эту тему. Мы ее подробно обсуждали на уроке социологии, и я считаю, что должна. Потому что какая польза от электрического стула, когда после преступления уже поздно, чтобы это послужило плохим или хорошим примером для других преступников.

Пропуск в уборную. 10.08. Возвращен в класс: только деревянные жетоны действительны.

Дж. Дж. Макх.

* * *

Запомнить: До трех часов: (адм.)

Отч. о посещаемости, прогульщиках, пропуст. занятия.

Воспитательский час — список учеников по алф.

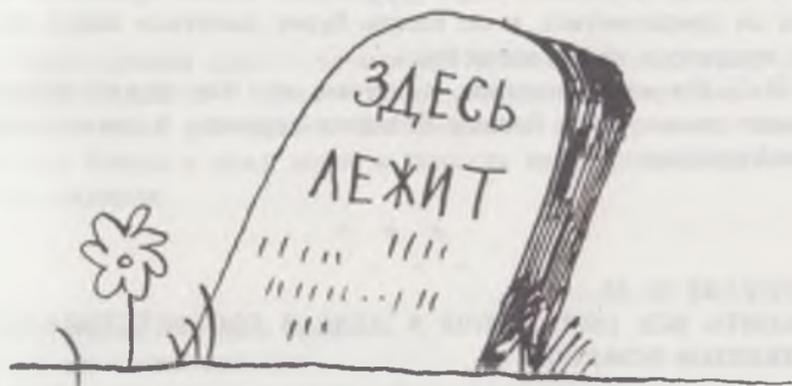
Лечебные карточки (прививки и зубы).

% повторно заним. яз.

Повышение уровня (средств)

Перенести «Макбета»???

* * *

Памяти героев, павших в ожидании звонка.

— Ты приготовил математику?

— Отстань, дурак!

— Катись знаешь куда?

— Ты тоже.

* * *

Уважаемый доктор Кларк!

так справедливо

~~Как вы отметили, быть учителем в этой школе —~~

Мне кажется, что ~~каждый день~~

ценнейшее время учителя тратится впустую на

* * *

Допустить в класс. 9.01.

Опоздание по неуважительной причине.

Утверждает, что уронил книги на рельсы метро.

Н. адм. о. с.

ЧЕРНОВИК

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ПРИЯТЕЛЬ. ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ. 89 СЛОВ

Я должен констатировать, что мой любимый приятель Мунро. Главная причина, почему я пришел к выводу, что надо выбрать его в качестве своего любимого приятеля, потому что он знает, как себя вести. У него нет склонности к драке, и мне не стыдно привести его домой.

У каждого ученика есть стремление иметь приятеля, которого он предпочитает, и он всегда будет пытаться найти такого. Это все, что я хотел написать.

P. S. По моему мнению, я считаю, что нам нужно проводить меньше сочинений и больше больших перемен. А также уходить домой раньше.

* * *

ЦИРКУЛЯР № 28.

ХРАНИТЬ ВСЕ ЦИРКУЛЯРЫ В ДЕЛЕ В СООТВЕТСТВИИ С ПОРЯДКОВЫМ НОМЕРОМ.

ТЕМА: МАКСИМАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ

РАЗВИВАТЬ БОЛЕЕ ГЛУБОКОЕ ПОНИМАНИЕ ОСОБОГО ЗНА-

ЧЕНИЯ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И УГЛУБЛЯТЬ ВОСПРИЯТИЕ УЧИТЕЛЯМИ РОЛИ ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИТИИ ДЕМОКРАТИИ; ОСУЩЕСТВЛЯТЬ НЕОБХОДИМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ И МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ; ПРОВОДИТЬ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОМУ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ; ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВСЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ, КОТОРЫЕ ИМЕЮТСЯ В ШКОЛЕ И В РАЙОНЕ; ОЦЕНИВАТЬ РЕЗУЛЬТАТЫ УЧИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВАНИИ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ УЧЕНИКОВ К ДОСТИЖЕНИЮ УСТАНОВЛЕННЫХ ЦЕЛЕЙ.

* * *

Мой лучший друг — моя собака. Собака — лучший друг человека. Они верны и преданы всю жизнь в радости и в горе, хотя и не могут говорить. Дальше не могу писать, кончились чернила.

* * *

Уважаемый доктор Кларк!

*Мне не хотелось бы, чтобы вы подумали
как человек, дружащий с профессорами, которая*

Как вам известно, большинство учащихся

хорошо знают много, им крайне необходимо

* * *

Мой лучший друг — телевизор, и, когда он портится, я не знаю, что делать. У меня столько любимых программ, что я не могу обо всех рассказать. Их слишком много, и все они мои лучшие. Когда я сижу дома, я никогда не чувствую одиночества с телевизором.

* * *

Уточнить порядок урока:

Важн. взаимопонимания

а. Необходимость выразить себя и быть понятым.

б. Язык — средство взаимопонимания.

Написать на доске:

«О чем мы часто думаем, но редко говорим» (Александр Поп?)

Стиль — это человек.

Плата за проезд	15
Газеты	10
Кофе	10
Бутерброд с рыбой	60
Кофе	10
Учительский взнос	1.50
	<hr/>
	2.55 (пока что)

* * *

Допустить в класс. 8.39. Наказан мною за свист в коридоре.
Н.адм. о.с.

* * *

Дорогая мисс Баррет. Помните меня? Я была в вашем классе в первую неделю занятий и, хотя я больше сюда не вернулась из-за переезда на другую квартиру, думаю, что никогда не забуду вас и как вы со мной поговорили в метро. Хотя литература не мой лучший предмет, все, что вы делали, было хорошо и вы единственная, кто проявил интерес к нам. И вы никогда не делали обидных замечаний. Как наша старая альма матер? Как там доктор Кларк? Он всё еще доктор? Ну что ж, желаю всякого счастья. Привет всем и берегите себя.

Ваша бывшая любящая ученица Айрис Леффертс.

* * *

Призрак бродит. Сейчас он в 301-й. Направление северное.
Настроен мрачно. Откройте окна!

* * *

ЦИРКУЛЯР № 27.

ТЕМА: ПРИЛОЖЕНИЕ К ПУП.

ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ БОЛЕЕ ТОЧНОЙ ОЦЕНКИ ОТНОШЕНИЯ УЧЕНИКА К ОКРУЖЕНИЮ НА ПРИЛАГАЕМЫХ КАРТОЧКАХ ОСТАВЛЕНО ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ МЕСТО С ТЕМ, ЧТОБЫ УЧИТЕЛЬ МОГ ВКЛЮЧИТЬ...

Мой лучший друг. Вот это да! Не успели мы усесться, как наша учительница мисс Баррет задает нам сочинение. Вот это да! Честно говоря, мне это ни к чему. Чем сочинение, лучше беседа. Или диктант на худой конец. Но не сочинение. Это запрещенный прием. Ха-ха! Шутка.

* * *

Мой лучший друг!

Прошлым летом я побывала у своей тети на берегу моря. У моей тети свой коттедж на берегу моря, и каждое лето она приглашает меня в гости, вот я и поехала. Мне было весело на пляже. Я плавала и играла в мяч (в гандбол) и загорала на свежем воздухе. Я прибавила в весе и отдохнула. Надеюсь, что тетя пригласит меня и в следующее лето.

* * *

Допустить в класс. 8.32. Опоздание по неуважительной причине. Утверждает, что будильник не зазвонил.

Нач. адм. о. с.

* * *

хранителю здания

Уважаемый мистер Грэйсон!

У меня куда-то делся оконный крюк. Комната 304. Срочно. Прошу второй раз.

С. Баррет.

Здесь никого нет. Попытайтесь после обеда.

* * *

СОБРАНИЕ УЧИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В 3 ЧАСА В НАУЧНОЙ ЛАБОРАТОРИИ 309 ПО ТЕМЕ:

ОТБОР УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБЩЕГО РАЗВИТИЯ УЧЕНИКА.

НИ СЛЕДУЕТ ЛИ ИЗУЧАТЬ «МАКБЕТА» В СЛЕДУЮЩЕМ СЕМЕСТРЕ?

* * *

Уважаемая мисс Барнет!

Пожалуйста, простите моего сына Арнольда за то, что он не приготовил урок. Он не поладил с полицией вчера вечером, и они продержали его всю ночь в участке. Надеюсь, что Вы его простите.

Остаюсь
миссис Роз А.

* * *

Черновик

Мой л. друг

1. Имя, адрес.
2. Что мы делаем вместе.
3. Почему я люблю моего л. друга?
4. Почему мой л. друг любит меня?
5. Увлечения.
6. Заключительное предл.
7. Человек — всеобщее животное.

* * *

Уважаемый доктор Кларк,

*Я знаю, как вы хотите, но мне кажется
вам, несомненно, известна причина, существовавшая*

* * *

Мой лучший друг — моя придуманная сестра-близнец. Она делает все, что я ей велю. Она красивая и во всем подчиняется мне. У нас все одинаковое (красивые платья и пр.). Ее зовут Розеанна. Мы очень дружим, хотя она только в моем воображении. Она мой близнец и никогда мне не возражает.

* * *

БЛАНК ЗАПРОСА

Необходимы 40 экз. «Синтаксис и стиль»

(преп. англ. яз. и лит-ры, 33 «ОО»)

79 экз. «Ромео и Джульетта»

(преп. англ. яз. и лит-ры, 52 и 56)

С. Баррет, 304.

В библиотеке имеются только 4 «Синтаксиса» и 26 «Ромео». Может быть, возьмете «Айвенго»? Есть 160 экземпляров.

* * *

...и получила диплом с отличием за работу "Французское влияние на стихосложение поэмы Чосера "Книга герцогини". По специальности преподаватель английского языка и литературы и в настоящее время работаю в Нью-Йорке, в школе имени Калвина Кулиджа.

Для того, чтобы предложить мне

Прошу сообщить, не нужен ли учитель для вечерних или летних классов.

С искренним уважением,

Сильвия Баррет.

* * *

Мой лучший друг — это мой кавалер. Он высокий, богатый и красивый. У него двухцветный «кадиллак» с белыми кожаными сиденьями из настоящей белой кожи. Он меня каждый вечер возит в ночные клубы и т. п. Он дарит мне орхидеи и брильянты, у него огромная яхта. Он живет на Парк-авеню со слугами, чьей хозяйкой я потом буду, есть ранчо в Голливуде с плавательным бассейном. Вот почему я надеюсь его встретить.

* * *

КОМУ: Мисс Сильвии Баррет.

ОТ: Сэмюела Бестера, заведующего учебной частью по языку и литературе.

Прошу сообщить вашим ученикам тему предложенного Нью-Йоркской торговой палатой сочинения: «СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗДАНИЙ НЬЮ-ЙОРКА».

Позаботьтесь о том, чтобы его написали все ученики.

С. Бестер.

* * *

Могли бы Вы дать мне оконный крюк? Пошлите, пожалуйста, «курьером».

С. Б.

* * *

Дорогая Сил! Кто-то стащил и мой. Сегодня пропадают оконные крюки и те, кто послан за ними.

Беа.

* * *

Разрешение на опоздание.

Допустить в класс в 8.36.

Причина неуважительная: заявляет, что сломался автобус.

Дж. Дж. Макх.

* * *

Мой лучший друг

Мой лучший друг мисс Сильвия Баррет, наша учительница языка и литературы. Хотя это первый семестр, когда мы встретились с мисс Баррет, она красивая, хорошо одевается, ставит хорошие отметки и справедливая. Она тот тип учителя, который нравится всем ученикам. По причинам вышеупомянутым я выбираю мисс Баррет.

* * *

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ СЭР

МАДАМ

С УДОВОЛЬСТВИЕМ СООБЩАЮ ВАМ
К СОЖАЛЕНИЮ

РАБОТА ВАШЕГО СЫНА

ДО СИХ ПОР

ДОЧЕРИ

* * *

Мой лучший друг — хорошая книга. Я люблю хорошие книги, они очень нужны для образования. Книги помогают грамматике и орфографии. И еще увеличивают запас слов. Моя самая любимая — «Антоний и Клеопатра» Шекспира. В этой книге я люблю ту часть, где автор пытается показать любовь. Где Элизабет Тейлор и Ричард Бартон любят друг друга — это мне нравится. Мне нравятся и другие хорошие книги, особенно классические.

* * *

НАПОМИНАНИЕ: Вернуть «Английский язык как искусство общения».

У меня есть несколько самых лучших друзей, а также несколько самых худших друзей, но это трудно описать, трудно объяснить, что я на самом деле хочу сказать о друзьях и о других, как это все объяснить кому-нибудь. Я часто хотел иметь понимающего друга. Но это трудно.

* * *

Уважаемый доктор Кларк!

Начав учительствовать, я все время ощущаю недостаток

* * *

Допустите носителя сего в класс. Задержан мною за нарушение правил: шел вверх по лестнице, ведущей вниз, и на замечание ответил дерзостью.

Нач. адм. о. с.

* * *

Мой лучший друг

Я считаю, что мама мой лучший друг, потому что она всегда выслушивает меня и старается мне помочь. Она пожертвовала всю свою жизнь, чтобы я был достойным, а не бездельником, и с самого рождения только ее расстраиваю, гоняя шары и все такое. Я извиняюсь в этом письме. Искренне ваш.

* * *

Уважаемый доктор Кларк!

16. Плач Макхаби

ИНТРИШКОЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

ОТ: Пола Барринджера, комната 309.

КОМУ: Сильвии Баррет, комната 304.

Сильвия!

Куда Вы исчезли вчера после ужина?

Так ли уж я был невменяем? И как не напиться с горя! Очеред-

ной отказ, причем тон не только вежливый, но даже несколько нравоучительный: почему-де я не пишу о том, что мне хорошо знакомо.

Например, школьная система мне хорошо знакома.

Не прикажете ли писать о ребятах, гудящих в классах, зевающих на собраниях и толкущихся в коридорах? (Вы знаете, что я никогда не рискую выходить в коридор во время перемены.)

Или писать об учителях, корпящих над тетрадками? О циркулярах Макхаби? Увы, у меня слабая занудосопротивляемость.

Единственное, на что я способен,— это сочинить для Макхаби песенку:

ПЛАЧ МАКХАБИ

Обвалился потолок,
высохли чернила.
Без разрешенья ученик
оперся о перила.
Будь наводнение
иль пожар,
я высылаю циркуляр
из ста сердитых слов,
пробитый и пришитый
по порядку номеров...

Недурно бы ему выступить с этой песней на рождественском представлении. Я бы еще сочинил для него трагическое ариозо под сенсационным заглавием: «До моего сведения дошло».

Почему Вы отказываетесь выступить в спектакле? Вы напрасно жертвуете собой, замыкаясь в четырех стенах класса.

Не тратьте бессмысленно
Юность свою...

Давайте пообедаем вместе.
Встретимся в три часа.
Встретимся вечером? Обещаю трезвость.

Пол.

17. Из ящика пожеланий

Я бы хотел, чтобы и другие учителя были такими смелыми, как вы, и устанавливали в классах «Ящик пожеланий».

Они без конца говорят о том, что плохо с нами (учениками), и если повернуться в их сторону! О господи, чего бы только и не наговорил! Но вы о'кей, хотя вы и учительница.

(Вы сказали, что нам необязательно подписывать свое имя.)

Сматывайтесь! Прочь с дороги! Вон из этого города! Если вы себе не враг. А то пеняйте на себя.

Доброжелатель.

Не думайте, что вы легко отделаетесь только потому, что мы ласково говорите и вроде нас не боитесь. В прошлом семестре у нас был учитель-мужчина, и то мы доводили его до слез.

Ваш враг.

Недостаточно мальчиков и слишком много девочек в классе. Но это не ваша вина. Еще в некоторых школах устраивают танцы в столовой и одеваются пошкарнее. Почему нельзя? Живем только раз.

Линда Розен.

С вашей стороны было очень интересно задать нам сочинение на «Мой лучший друг». Вы некоторым очень помогли. Продолжайте эту хорошую работу.

Гарри А. Каган
(избранник учеников).

Будучи молодой, не будьте такой мягкотелой, а то мы злоупотребляем, особенно Джо Фараоне, он, видно, ваш любимчик, что вы так о нем печетесь. А также задавайте более новые книги или перепишите «Одиссею», чтобы там были и более современные события.

Неудачник.

Заставьте мел не скрипеть.

Нервный.

Пожалуйста, скажите Лу Мартину, чтобы он прекратил паясничать, он считает, что это очень смешно, а я вот не считаю.

Серьезный ученик.

Дерьмо! Дрянь! Ко всем чертям! Дура!

Без подписи.

Собрания слишком нудные. Я заранее знаю, что он скажет (Кларк). Лучше показывайте кино.

Мистер Икс.

Не тратьте столько сил, дольше проживете. Сидите на уроке тихо, спокойно.

У меня много проблем, но я не буду затруднять вас ими в «Ящике пожеланий». Они не для человеческих ушей, хотя вы и кажетесь понимающим человеком. Этим я хочу сказать, что вы понимаете потому, что вы и сами еще молодая. Жаль, что вы — учительница и красивы, как моя сестра. С некрасивой мне было бы проще подружиться.

Вивиан Пейн.

Сидя у окна, я простудился, потому что в нем дыра. Такова жизнь. Надо платить за удовольствие наличными или чем-нибудь еще.

Пятый ряд, крайнее место.

В этой школе муштруют, как в армии. Из-за всякого пустяка он (Макхабер) выходит из себя. Пусть он лучше остерегается, в конце концов я плачу ему жалованье своими налогами.

Налогоплательщик.

Линда Розен — секс-бомба, Алиса Блэйк — тупица, вам нравится Джо Фероне, а ему только этого и надо.

Забывтый.

Вам повезло, вы женщина, если б на вашем месте был учитель — мужчина, он бы обязательно запутался. Когда на уроке женщина, я еще держусь. А мужчине бы долго не выстоять. (Тут уж я пишу в последний раз.)

Ястреб.

Не делайте так рано перекличку.

Запоздалая пташка.

В прошлом я всегда думал с огорчением о предстоящем уроке языка и литературы. Но, когда я вошел в ваш класс такой скованный и неуверенный и увидел ваше приветливое лицо, я сразу почувствовал интерес к вашему предмету. Когда вы улыбаетесь, похоже, что от души.

Застенчивый Никто.

Гомер не очень хороший писатель.

Читатель.

Все всегда придираются ко мне из-за дискриминации. Мистер Макхаби просто не может меня терпеть, потому что я негр. Я уже написал жалостное заявление д-ру Кларку.

Эдуард Уильямс.

Расчистите трущобы, прежде чем лететь на Луну! И запретите атомную бомбу. Пока не поздно. Что касается школы, без нас не может быть школы, ха-ха! И никаких будущих.

Лу Мартин.

Как насчет свидания? Ручаюсь, что вы останетесь довольны, как никогда.

Любвеобильный.

Выбросьте мифы. Выбросьте старых учителей и назначьте новых. Снесите эту развалюху и постройте новую, чистую, более современную школу, как та, в которой мне довелось учиться. С громко Говорителями в каждом классе, где громко говорители говорили о личной гигиене и сохранении лесов и других подобных вещах, даже если это приходилось на середину урока. С телефонами в классах и если учитель где-то забыл карандаш, он мог позвонить и узнать, где он и пойти за ним. В коридорах было просторнее и столовая не была в подвале. Можно было сесть, чтобы поесть. Но я не мог там остаться.

Присутствующий.

Лучше со мной не связывайтесь.

Отрава.

Одного вам не следует делать — быть такой красивой. Это отвлекает внимание Лу и мое и заставляет нас обмениваться записками, пока вы говорите.

Анонимный.

Можно мне пересесть рядом с Линдой Розен из-за моего плохого зрения?

Фрэнк Аллен.

Что заставляет вас думать, что вы — нечто. Вы всего лишь баба, а я баб не терплю. Мне хватает таких неприятностей дома, а в школе уж не нужно.

Рэсти.

Вы хорошая учительница, если не считать противных книг, что вам приходится нам преподавать, как «Одисса». Я бы ее и собаке не дал читать.

Разочарованный.

Я желаю вам и другим учителям получить повышение жалованья, чтобы жить как надо. Простите, что я говорю когда не следует, во время урока.

Болтун.

Родители слишком настырные.

Мура-Вей.

Я хочу поблагодарить вас за то, что вы не жалеете для меня своего времени после занятий, за ваши усилия, вдохновляющие меня на творчество. Но в классе еще сорок учеников, столь не похожих на меня, что я прекрасно вижу, сколь мало вы можете сделать для меня, сколь бесцельно мы обе зарываем свои таланты.

Элизабет Эллис.

Преподавайте более интересные книги с надеждами на хорошее. Как в «Пигмалионе и Галатее» статуя стала человеческой для женитьбы.

Любитель счастливых концов.

Я не хороший писатель, но я должен высказаться. Я пишу это, потому что сегодня мой день рождения. Поздравляю себя и желаю себе счастья.

Я.

18. А вы все учительствуете?

ВНУТРИШКОЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил!

Возвращаю оконный крюк. Спасибо.

Только что заходил мой бывший ученик. «А вы все учительствуете?» — спросил он. Оказывается, он зарабатывает больше, чем вы и я, вместе взятые, играя на саксофоне. Он, кажется, срезался по литературе. Его ПУП был тоже не из выдающихся.

Отчего я не брала уроков музыки? Зачем я научилась читать? Не бабье ли лето наводит на меня такое уныние? Или, может быть, контрольная по «Гамлету», которую я сейчас проверяю? Пример: «Господин Гамлет-старший явился за мстостью к господину Гамлету-младшему в виде мертвого привидения».

Беа.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

Пробивалась, пробивалась я через кипу рапортчиков «сдать до трех часов», но теперь-то я знаю, что с ними делать, — выбрасываю в мусорную корзину. И местный жаргон осваиваю. Я уже понимаю, что «наглядные пособия» — это журнальные обложки, «расширенный учебный план» — это обычное расписание уроков, а то, что «оценка учащихся предопределяется целевой установкой обучения и его высоким уровнем», по существу, значит: приходит ученик на уроки, ставьте ему проходной балл. Не так ли?

Немножко волнуюсь: Бестер собирается снова «заглянуть» на мой урок. Он сказал мне об этом, намекнув, чтобы на сей раз я не давала сочинения о дружбе.

Как понравился Вам мой план урока по прочитанным книгам? Вот иметь бы за плечами настоящую подготовку, а не куцый курс педагогики и шесть месяцев учительской практики.

Я чувствую себя такой неподготовленной.

А есть ли какие-нибудь радости?

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Конечно, есть. Приглашаю Вас посетить мой класс «почетных шекспироведов» или «способных старшекласников» (СС) — Вы не поверите, что они из той же школы. Впрочем, такие ребята пробьются и без моей помощи. Для меня большая радость, когда вдруг блеснет мысль у отстающего ученика или когда пассивный или враждебно настроенный ученик неожиданно подымет дрожащую руку.

Не следует недооценивать Бестера. При всем его пристрастии к инструктивным письмам, он по-настоящему владеет педагогикой, и я Вам советую прислушиваться к его замечаниям.

Ваш план урока — отличный, за исключением цитаты из Эмили Дикинсон «Нет фрегата лучше, чем книга». Мысль — хороша, цитата — удачна, но вся беда в незнакомом слове «фрегат». Попробуйте произнести его в классе — и Вашего урока как не бывало.

Беа.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа! Спасибо за подсказку. А как насчет «Нет лучше корабля, чем книга»?

Пока что я отвечаю на всевозможные запросы и по поводу моего Джо Фероне. Из канцелярии говорят, что он дал несуществующий адрес, к Элле Фрейд он не пришел ответить на вопросы. Учителя сетуют на то, что он пропускает уроки. У медсестры он в зубном черном списке. А Макхаби засыпает меня предупреждениями.

Но я не обескуражена. Мне кажется, что дело не в трудных учениках, а в неумелых учителях.

Совет по образованию известил меня о нижеследующем: «КВАЛИФИКАЦИОННЫЙ УРОВЕНЬ НА ПРАВО ПОВЫШЕНИЯ ЖАЛОВАНИЯ ПО ПЕРВОЙ, ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ КАТЕГОРИИ ЗАВИСИТ ОТ УРОВНЯ КВАЛИФИКАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ ПОСЛЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ КУРСОВ ПО ЕГО ПОВЫШЕНИЮ».

Переведите, пожалуйста.

Сил.

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил!

От уровня ничего не зависит. Если хотите повышения, закончите какие-нибудь курсы. Хочешь денежки, гони курсишки. Пусть даже курсы первой помощи. И не обязательно их проходить — возьмите у медсестры справку, что Вы умеете наложить повязку. А Вы умеете? Потому что иногда приходится.

Что касается учеников, Вы — на верном пути, но остерегайтесь ложного суждения об учителях. Не столько они неумелы, сколько их не умеют ценить. И даже Макхаби не лишен достоинств. До его прихода тут царил хаос. Он силится навести порядок, как умеет. Причем его нагрузка — 3000 учеников.

Беа.

(Генриетта повсюду ищет Пола: ей до смерти хочется участвовать в рождественском представлении и получить от Пола куплеты. Вы не знаете, где он? Вчера он опять был не в себе.)

Б.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

Нет, я не знаю, где он. У него нет занятий на первом уроке, да он и вообще никогда не появляется раньше второго. Кто-то пробивает его табель — прямо под носом у Сэди Финч. Хоть бы она не обнаружила кто.

Храню в сердце ее напутствие: «Уходя, учителя не должны пробивать друг друга».

Только что видела Грэйсона. Прошел по первому этажу. Так он все-таки существует? С ним был Фероне. Что происходит?

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил!

Фероне — не единственный в свите Грэйсона. Я знаю нескольких учеников — завсегдаев подвала. Там может происходить что угодно: азартные игры, гашиш, оргии. Но не заметно, чтобы ученики от этого портились.

Беа.

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

Письма из Совета по образованию становятся все наступательнее. Теперь они хотят денег. Вот что я получила из отдела зарплаты:

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ СЭР или МАДАМ!

ПРОВЕРКА ВЕДОМОСТИ НА ЗАРПЛАТУ ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО ЗА ИЮНЬ ВЫ ПОЛУЧИЛИ ПЕРЕПЛАТУ В СУММЕ 2 ДОЛЛАРА 75 ЦЕНТОВ.

Я даже еще не работала в июне, и у меня нет 2.75. По-видимому, они не знают, что я — дело № 443-817 и спутали меня с кем-то другим, возможно с № 443-818.

Сил.

* * *

ОТ: Миссис Б. Шехтер, коридор

В: 304-ю.

Дорогая 443-я!

Начальство действует самым непонятным образом. И так было всегда. В мое время — в годы депрессии — провалили блестящую девушку, из нее могла бы получиться прекрасная учительница, провалили на устном экзамене, на так называемом литературном изложении. И меня чуть не завалили на свистящем «с» (в том году я усиленно занималась этой несчастной буквой. Моим Ватерлоо было: «Он состарился от повсеместно спящих бесстрастных стражей»).

А мою подругу — специалистку по Миллей — не пропустили из-за «неверной трактовки» одного из ее сонетов. Жалоба моей подруги не увенчалась успехом даже после того, как сама Эдна Миллей написала письмо, подтверждающее, что она именно это имела в виду в своих стихах. Моя подруга создала прецедент. По-моему, с тех пор на экзаменах по английской поэзии задавались темы только по давно умершим поэтам, неизменно молчаливым в своих могилах.

Сейчас, конечно, кое-что изменилось. Принимается работа каждого, кто может встать и со знанием дела стереть с доски.

Ученик до сих пор не появился, и я вынуждена стоять в вестибюле. Пришлите какие-нибудь вдохновляющие новости.

Беа.

ИЗ 304-й: Миссис Б. Шехтер, коридор
Дорогая Беа!

Вдохновляющие? Я чувствую себя потерянной и чуть ошалевшей — будто я сражаюсь с мельницами, которых нет, или кричу в пустом тоннеле. Пытаюсь вспомнить, кто я. Совет по образованию обеспокоен тем же самым.

Теперь они сообщают мне, что «учитель, истративший дни, положенные ему за отпуск по болезни, может получить в счет будущего до 20 дней дополнительно».

Кто болен? Пусть уж не верят в мое здоровье, но «многоуважаемый сэр или мадам!» Как мне убедить их, что я — мадам?

Сил.

* * *

ОТ: Миссис Б. Шехтер В 304-ю.

Дорогая Сил!

Не принимайте близко к сердцу. Со временем их осенит.

Беа.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

Сегодня должна вернуть «Одиссею» и «Мифы и их значение»: мое время истекло, а было всего десять учебных дней, это в моем-то особо отстающем классе, где половина учащихся вечно пропускает уроки, да и тем, кто есть, книг не хватает, а от библиотекаря никакой помощи. Вот почитайте, что она пишет:

«Уважаемая мисс Баррет!

Я вынуждена отменить урок в библиотеке, запланированный Вами для учеников третьего семестра в связи с изучением мифологии. Если сюда будут приходить по шесть человек сразу, начнется ужасный беспорядок. Они уже сместили «Золотой век Греции» и поставили «Бой быков» на зоологическую полку, не говоря уже о болтовне. Двое из Ваших учеников взяли книги, не имеющие отношения к программе. Я не могу разрешить им

свободно пользоваться школьной библиотекой, пока они не проникнутся должным уважением к печатному слову.

С приветом,

Шарлотта Вулф, библиотекарь».

Слышали Вы песенку, что Пол сочинил про нее: «Не боюсь Шарлотты Вулф»?

Кажется, мне удалось заинтересовать ребят, связав мифы с их сегодняшним житьем-бытьем. А впрочем, контрольная покажет. Я уже (через труп Макхаби) вооружилась красным карандашом для правки содержания и синим — для исправления ошибок в грамматике и правописании. Два цвета — это идея моего преподавателя педагогики из колледжа.

Мне так хотелось через комедию богов донести до них людскую трагедию...

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил!

Что же, быть может, это единственный способ донести до них трагедию. Через комедию. Юмор — наше главное достоинство.

Беа.

19. Греческое подполье

УРОК ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ: 33 «ОО»

ДАЙТЕ КРАТКИЙ ОТВЕТ НА ВОПРОС: ЗАЧЕМ МЫ ИЗУЧАЕМ МИФЫ И «ОДИССЕЮ».

Чтобы разговаривать, как культурные люди. Что будет в гостях, если кто упомянет греческого бога, а ты с ним незнакома. Неудобно.

Мы изучаем мифы — такие, как про Орфея и его девушку, чтобы знать про Греческое Подполье. И как наша цивилизация пошла по своему пути.

Мифы — везде. Многие обыкновенные вещи, как гром, идут из мифов. Оттуда же идут такие слова, как Вулкан, Какого Дьявола! И показывают пример для поведения в будущем.

Причина, почему мы изучаем их — они показывают как писали в допотопные времена. Если это неправильный ответ, то не знаю.

Одессея, что я только что прочел, страшно помогла мне в жизни.

Мы изучаем мифы, чтобы узнать, как жилось в Золотой век со всеми убийствами.

Я уверена, что есть много причин, почему мы их учим, но я не знаю, потому что пропустила много уроков. Я принесла справку.

Мы изучаем мифы для того, чтобы постигнуть в высшем смысле первоисточники многих изменений нашего языка в течение десятилетий, вот откуда идет лампа «Юпитер». Путем знакомства со всевозможными богами и их женской половиной можно открыть место рождения разных фраз, выражений.

Диана правила Луной и однажды влюбилась в смертного, но в связи с результатом никогда больше этого не делала.

Если бы не мифы, где бы Шикспер был сегодня?

Ну, для учеников, что пойдут в колледжи или даже если не пойдут в колледжи, всем нужно какое-то количество литературы для своего общего уровня.

Для меня «Одиссея» еще один Этан Фром или Сайлес Марнер.

Трудно избежать чтения, потому что, куда ни сунься, оно везде.

Мое мнение такое: я ненавижу Одиссу.

Я не знаю, зачем мы их читаем, но я могу рассказать про них. Пирамид и Тисби — соседи, которые, как Ромео и Джульетта, вынуждены были умереть из-за родителей. Они встречались через дыру в стене. Но потом это стало для них невыносимо и они перестали встречаться через дыру в стене. Они начали встречаться у дерева. Тисби убегает при виде львицы с окровавленным ртом. Она уронила платок, а львица до него дотронулась, только и всего. Пирамид проходит мимо и видит окровавленный платок. Он расстроился и заколол себя. А затем прошла она и, увидев своего возлюбленного мертвого на земле, не выдержала этого зрелища и тоже заколола себя. Их кровь соединилась и превратила белый цветок в пурпурный. Как прекрасна любовь.

Это развивает наше... (не закончено).

Мы глубоко погружаемся в Одиссею, чтобы почерпнуть из нее все, что мы сможем. Считаю, что это ценно для нас. Трудно понимать древний английский язык.

Мифология изучается в школьной системе потому, что большая часть из нас происходит от нее.

Мое мнение насчет Одиссея: это глупость. Какое мне дело до их неприятностей.

Мы изучаем мифологию, чтобы воспитать в себе терпимость даже к тем, кто этого не заслуживает.

Я не знала, что у нас по этому будет контрольная, и не подготовилась. Но я предполагаю, что мы читаем их, чтобы не быть круглым дураком.

Когда человек изучит мифии они немножко по-иному смотрят на жизнь. Со мной это так.

Почему мы учим Одиссею? Потому что все в школе когда-нибудь должны читать ее. Теперь наступила наша очередь.

Троянскую лошадь использовали как теперешнего шпиона. Богов — как диктаторов. А Пенелопа продолжает ходить по улицам современного общества.

Если для меня Одиссея не представляет ценности, то причина наверное в том, что с самого начала я не вникла в нее.

Почти все мифы основаны на любви. Вот почему!

Мы читаем мифы, чтобы узнать о богах и богинях и их романах.

Мы читаем это потому, что это классная литература.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

20. Такова жизнь

9 октября

Дорогая Эллен!

Твое письмо взбодрило меня, а это мне очень нужно: я уж было начала думать, что потеряла связь с миром. Мои

ученики пришли ко мне с такими ничтожными знаниями, что я не соображу, с чего начать, что им давать, как наверстывать упущенное.

Как-то Бестер пришел в мой «ОО» класс (особо отстающих), и я срочно дала ученикам классное сочинение на тему: «Мой лучший друг», и, проверяя тетрадки, я думала: как их исправлять и что исправлять — правописание, пунктуацию или одиночество, сквозящее между строк? Я не знаю, смеяться мне или плакать. Впрочем — и то и другое.

Внушить им интерес к литературе мне не удастся. В этом я убедилась после контрольной по мифологии.

Лучше вернемся к тебе. С интересом прочла твой рассказ о малярах. Конечно, желтый для спальни не годится, заставь их перекрасить в бледно-голубой.

С той же почтой получила письмо от Мэтти, которая пишет, что в феврале ожидается вакансия в Уиллоудэйле. Очень соблазнительно. Это маленький колледж, где я могу получить работу даже без ученой степени. Но вот беда — мне нравятся мои ученики, я сама выбрала школу, я чувствую, что нужна им. Особенно ребятам вроде Фероне.

Я заглянула в его УКУ. Это учетная карточка ученика, которая заводится на каждого школьника на все время пребывания его в школе. Туда заносятся оценки, результаты всевозможных тестов, кривая колебания отметок, замечания учителей, письма, счета, записи бесед, отчеты дежурных — история ученика, вшитая в канцелярскую папку.

Умственный уровень Фероне — 133, отметки за прошлый семестр — 65, 20, 94, 45 (94 — за социологию, 20 — за язык и литературу). Недоумеваю, почему 20? Почему не 18, не 33, не 92¹? На чем это основано: на его мышлении, чувствах, пунктуации, пропусках уроков, самовыражении, памяти, наглости? Какой кривой он соответствует? Или такая девушка, как Алиса. Или такой паренек, как Эдди. Какую отметку надо поставить Эдди за то, что его обидел мир белых? Или Алисе за те грезы, которыми напичкали ее кинофильмы? Или мне — даже мне?

Слева от синей черты выставляются оценки гражданских качеств человека — патриотизм, организаторские способности, у Фероне — очень низкие оценки. Отношения с равными себе — хорошие, отношения с учителями — неудовлетворительные.

¹ В американских школах принята 100-балльная система оценок, проходной балл 65.

За этим следует длинный список наказаний и провинностей, заканчивающийся «непристойной руганью в классе».

Справа от синей черты записывается УХ — ученическая характеристика. В конце каждого семестра каждый учитель вписывает всеобъемлющую типовую фразу о каждом ученике. Самая любимая здесь — «Должен больше стараться».

Просматриваю другие УКУ:

«Хороший мальчик»,

«Хорошая девочка»,

«Должен больше стараться»,

«Хороший мальчик».

Это застенчивый пуэрториканец, чье имя никто не может запомнить, а потому он подписывается «Я». (Тот, что сам себя поздравил с днем рождения.) Попытаюсь запомнить его имя и фамилию: Хосе Родригес.

За УХ следует ПУП — персональный ученический профиль, изобретенный мисс Фриденберг, нашим доморожденным Фрейдом. Эти записи составляются на основе бесед с учениками, и ведутся они в псевдонаучном стиле. Фероне, например, следует обращать свои «чувственно-агрессивные импульсы на социально приемлемые моменты». Вивиан Пейн «страдает дисфункцией самооценки от чрезмерной тучности». Лу Мартин «проявляет симптомы извращенной озлобленности, выражающиеся в маниакальных поступках». Алиса Блэйк «уравновешенна и сосредоточенна».

Но иногда среди благоглупостей УКУ встречаются записи учителей, умеющих проникнуть в душу ученика и стремящихся помочь ему, рассказ о внешкольных беседах с учениками и посещении их квартир, о воспитательном воздействии, о честных попытках как-то разобраться в ребячьих проблемах.

А я чувствую, что именно сейчас наши питомцы переживают тот критический возраст, когда решается, кем они станут потом. И многих мы теряем навсегда. Статистика отсева угрожающая. А что случилось с теми, кто ушел, где они сейчас?

Фероне пока не входит в этот список. И Эдди Уильямс не входит. И Хосе Родригес (наконец-то я запомнила его имя). Но как мало дает им школа Калвина Кулиджа!

Вот что пишут учителя о причинах отсева:

«Нашел работу»,

«Денежные затруднения»,

«Появились другие возможности».

Но я обратилась непосредственно к источнику — попросила самих учеников написать честно, почему они хотели оставить школу. Прилагаю некоторые ответы.

Я не за школу; если ты негр — это все сплошь ложь, в книгах не то, что в жизни. Поскольку я знаю. И учителя не лучше родителей — или заняты, или орут на тебя. И к тому же дискриминация.

Эдуард Уильямс.

Я знаю, что школа вроде бы должна помочь мне в жизни, но пока этого не случилось.

Рэсти.

Когда мне исполнится 17, отец скажет: почему он должен кормить лишний рот. Ха-ха. Это я.

Лу Мартин.

Еще в школе мы должны узнать — что там «за книгами». Это показывает, что мы, американские ребята, должны не глотать на веру, пока не заглянем в содержание бутылки. В эти «атомные дни» мы никогда не знаем, когда «Америка призовет своих сыновей», так что мы должны научиться думать сами о себе. Чтобы нас не погнали на войну вслепую, как наших отцов. Но мой хочет, чтобы я оставался в школе.

Чарльз Х. Роббинс.

Чем больше времени в школе, тем меньше времени, чтобы заработать деньги.

Убывающий.

Чтобы быть честным я должен сказать, что у меня большие трудности с матерью потому что она больная и некому о ней позаботиться, пока я не приду из школы. У нее плохое сердце так что завтра ее может не стать. Какая мне польза от школьных уроков когда в жизни есть другие вещи как заработок.

В конце концов когда-нибудь я женюсь и мне придется жить маму, чтобы она жила вместе со мной и с моей женой. Так какой же смысл в школе?

Неудачник.

Учителя меня ненавидят.

Вивиан Пейн.

Я знаю, что год назад умер мой отец и моя мать постоянно в нервном состоянии, поэтому вот я и хочу заработать побольше, чтобы быть себе хозяином.

Честолюбивый.

Я ничем не особенный так что никто меня не знает. Может быть я стану кем-то, когда найду работу.

Я.

Укажите хоть одну вескую причину, почему я должен остаться.

Джо Фероне.

Я тоже хочу посмотреть, «что там, за книгами». Я хотела бы привести Фероне несколько веских причин, почему он должен остаться в школе. И понимаю Вивиан, когда она заявляет, что учителя ненавидят ее. Она имеет в виду, что сама ненавидит учителей — так же, как и самое себя. УКУ мне ничего не говорят, а ученики — очень много. Расскажу тебе о Хосе.

«Мифы и их значение» пройдены, и моему «ОО» классу велено изучать сборник современных рассказов. К счастью, их было достаточно в читальном зале. В первом рассказывалось о мальчике, которому нельзя было есть сладкое, и о жалостливой соседке, накормившей его конфетами, несмотря на запреты матери. После этого мальчик серьезно заболел, и мать пригрозила соседке судом. Вот и все.

Обсуждение, начавшееся в классе — о добрых намерениях и об ответственности, — было таким оживленным, что я подумала, не завершить ли его инсценировкой. Я объявила детям, что завтра наш класс будет превращен в зал суда и мы рассмотрим «дело о сладостях». Напомнив им, что нужно как следует разобраться в сюжете рассказа и в характерах его героев, я раздала роли: матери, отца, соседки, ребенка, прокурора (конечно, Гарри Кагану), защитника, свидетелей защиты и свидетелей обвинения, даже врача. Но мы забыли про судью. И тут меня осенило — я повернулась к Хосе Родригесу и попросила его взять

на себя эту роль. Несколько человек захихикали, Хосе поклонился, а я и сама не знала, что из всего этого получится.

На следующий день Хосе явился в класс в шапочке и в чем-то похожем на судейскую мантию — ума не приложу, где он все это раздобыл, — с молотком в руках. Держался он с таким достоинством, что никто не посмел скалить зубы.

Он сел за мой стол и изрек: «Секретарю суда вроде надо сказать, чтобы все встали». Его голос звучал так авторитетно, что медленно, один за другим, поднялся весь класс. Мне кажется, я никогда не забуду этой минуты.

Потом классу велено было садиться. И завертели колеса правосудия. Выступали прокурор и адвокат, вызывали свидетелей, начался допрос, возбуждение росло. Когда кто-нибудь выступал не по порядку, Хосе стучал своим молоточком по столу: «Здесь в суде пусть будет тихо. Вызовите следующего свидетеля. А ты сиди спокойно, а то тебе влепят за оскорбление суда».

Он не признавал никаких возражений: «Пусть я дурак, но сегодня я — судья и вы должны меня слушаться».

А когда Гарри Каган обвинил его в нарушении судебной процедуры, он ответил со спокойной уверенностью: «Не лезь, я лучше знаю».

Суд поддержал защиту.

Когда раздался звонок, Хосе медленно снял шапочку и мантию, аккуратно сложил их и положил на свою тетрадь и пошел на следующий урок. Но шел он так, как будто на нем все еще было судейское облачение.

Думаю, что теперь он никогда не будет таким, как прежде.

Вот почему я хочу учить, вот в чем вознаграждение за труд: постоянно воздействовать на ученика, изменять его жизнь.

В конце концов, так ли уж соблазнительно предложение из Уиллоудэйла?

С любовью,

Сил.

P.S. Знаешь ли ты, что в Нью-Йорке из 77 000 отсевшихся 90) процентов — негры и пуэрториканцы?

С.

21. Доска объявлений, комната 304

КЛАСС МИСС БАРРЕТ

(пользоваться только левой стороной доски)

ПОТЕРЯНО — НАЙДЕНО

ПОТЕРЯНО: Зеленая клетчатая куртка с рваной подкладкой и испорченной молнией. Экстренно нужна.

Лу Мартин.

* * *

ПОТЕРЯНО: Румяна в красной коробочке под кожу.

Линда Розен.

* * *

ПОТЕРЯНО: Журнал «Голливудский гороскоп звезд». Вознаграждение.

Алиса Блэйк.

* * *

ПОТЕРЯНО: (или украдено...): Левое стекло от моих очков между Литературой и Историей.

Эдуард Уильямс.

* * *

ПОТЕРЯНО: Плакат, написанный тушью, в котором говорится, что ПРАВЛЕНИЕ УЧЕНИКОВ, СИЛАМИ УЧЕНИКОВ И ДЛЯ УЧЕНИКОВ НАВСЕГДА СОХРАНЯЕТСЯ В ШКОЛЕ КАЛВИНА КУЛИДЖА.

Гарри А. Каган,
избранник учеников.

* * *

НАЙДЕНО:

ЛУЧШИЕ ОБРАЗЦЫ УЧЕНИЧЕСКИХ РАБОТ:

«Театр абсурда» и «Сердитые молодые люди»

Критический этюд Элизабет Эллис

Если есть связь между абсурдом и отчаянием, а я считаю, что она есть, то Эдвард Олби, Джон Осборн, Гарольд Пинтер и Артур Копит — все одна компания. Анализируя как симптомы, так и более явные феномены (продолжение на следующей странице)...

Отлично, как всегда.

**ЧТЕНИЕ ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕКА ЗНАЮЩИМ, БЕСЕДА —
НАХОДЧИВЫМ, А ПРИВЫЧКА ЗАПИСЫВАТЬ — ТОЧНЫМ.
ФРЭНСИС БЭКОН.**

Учительница: Есть два слова, которые никогда не следует употреблять. Одно из них — «муровое», а другое — «модерновое».

Ученик: А что это за слова?

- Св. Петр: Кто ты в этот час стучишься?
 Голос: Неправильно. В «Гамлете»: «Кто ты без права в этот час...»
 Св. Петр: Уходите! Нам здесь больше школьные учителя не нужны.

ТРЕБУЮТСЯ:

Опытная приходящая няня. Обращаться в кабинет 211.

КЛАСС МИСС ЛЬЮИС

(ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТОЛЬКО ПРАВОЙ СТОРОНОЙ ДΟΣКИ)

- «А». Произношение в открытом и закрытом слоге.
 «О». Произношение в открытом и закрытом слоге.
 Окончание деепричастий настоящего времени.

ЛУЧШИЕ ОБРАЗЦЫ УЧЕНИЧЕСКИХ РАБОТ

ПРОВЕДЕНИЕ ТЕСТОВ — 100%

1. Т	6. Ф
2. Ф	7. Т
3. Ф	8. Ф
4. Т	9. Ф
5. Т	10. Т
- ОЧЕНЬ ХОРОШО!*

ПРЕДСЕДАТЕЛИ КОМИССИЙ

- Комиссия по распределению бумаги — Луис Рамон.
 Комиссия, ответственная за классные доски, — Джуди Торнуолл.
 Санитарная комиссия — Сибел Клопоткин.
 Комиссия по размещению по кабинетам — Уонг Джи.

КРИВАЯ УСПЕВАЕМОСТИ

22. Волнующий вопрос

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

Спасибо, что разрешили мне побывать на Ваших уроках и познакомиться с «почетными шекспироведами» и «способными старшеклассниками». На это стоило потратить свободные часы и обеденный перерыв. Чудесно было послушать на таком взрослом уровне спор ребят об отношении Гамлета к Офелии. Их заинтересованность и увлеченность, их высказывания о книгах, прочитанных вне программы,— все это произвело на меня огромное впечатление. И Ваши «способные старшеклассники» показали мне, какие интересные внутренние процессы в них происходят, как они серьезны и как еще трогательно юны. Мне хотелось обнять каждого из них. И Вас!

Конечно, я понимаю, что это специально отобранные группы, так сказать — школьные сливки, но по крайней мере я знаю теперь, что такие ученики есть и такое обучение возможно.

Не могли бы мы встретиться на несколько минут? Я просто жажду поговорить с Вами обо всем этом.

(Вы обещали показать мне короткие сочинения, которые они писали на уроке.)

С завистью,

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил!

О сливках заботиться нет нужды. Они всегда будут сверху. Хорошие учителя требуются для снятого молока.

Вот несколько их работ. Я их еще не проверила. К сожалению, не могу встретиться с Вами сейчас. Занята с учеником.

Беа.

* * *

ТВОРЧЕСКИЙ КЛАСС МИССИС ШЕХТЕР. ЗАДАНИЕ:

Придумайте краткий эпизод, посвященный волнующему вас вопросу на любую тему. Дайте ему подходящий заголовок. Вспомните, что у нас говорилось о роли фантазии в усилении эмоционального воздействия рассказа.

РАВНОДУШИЕ МИРА

Вонь и смрад ударили ему в ноздри, когда он пьяный ивалился в комнату. Выпитое виски распирало все нутро. Его тошнило. «Сейчас меня вырвет», — подумал он. И тут его взяли. Наручники. Все. «Почему?» — истошно крикнул он. «Почему меня?» Но мир продолжал вертеться.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕСНЕ

Помню весну. Сирень и звезды. Розу и росу. Тебя и ночь. Помню мою руку в твоей руке под луной, висевшей, как серебряный замочек звездного ожерелья, надетого на шею облачка. Помню на деревьях шепот листьев — этих бездумных болтунов. Помню всплески озера. Помню острое, как шип, чувство любви. Но почему я не помню твоего Имени?

КАРТИНКИ

Я вижу кошку. Кошка на окошке. Я знаю, как пишется кошка. Но что такое кошка? Вот в чем вопрос. Кошка — облачко, или дымок от сигареты, или мурлыкающий меховой комок, или тигр, готовый броситься на тебя? Кто знает?

ЖИЗНЬ, НЕ ГОРДИСЬ

Жизнь, не гордись. Сколько ты натворила ошибок! Сколько раз упустила шанс свершить добро. И почему столько страданий и горя. Почему столько бездушия человека к человеку? Почему есть расовые предрассудки? Почему есть тюрьмы и трущобы? И линчевание и безработица? Почему есть смерть? Жизнь, не гордись.

СНЕГ

Снег лежит на горах и долинах, как обнаженная женщина, с гордостью и сладострастием раскрывающая свое сверкающее тело навстречу теплому солнцу. Вскоре теплое солнце все растопит. Что тогда?

МЕТРО

Метро — чудовищная гигантская змея. Она ползет по кишкам земли и выплевывает полученную пищу на разных остановках. Затем набивает чрево новой порцией нас и опять заползает во мрак кишок. Кто знает, когда она снова вынырнет?

ПОЧЕМУ Я ЛЮБЛЮ?

Моя любовь. Черная борода у него и мужественное сложение и улыбочивые глаза с длинными ресницами. Его жадные уста, преисполненные страсти, нежно прикасаются к моим устам. И хотя моя любовь отзывается болью в сердце, меня это не смущает. Я люблю. Почему люблю? Не знаю. Знаю только, что люблю.

ЖИЗНЬ, ОТОБРАЖЕННАЯ В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ГЛАЗУ

Я вижу телевизионный глаз. Он не видит меня, хотя я кричу, прыгаю, смеюсь, плачу, дурачусь, сержусь, показываю ему язык. Внутри телевизионного глаза, среди теней и горизонтальных полос маленькие люди живут, и любят, и едят, и умирают, прерываемые рекламой. И в это время я... да, я обладаю силой выключить их, когда мне заблагорассудится. Мы боги над ним, как и он над нами. Он может заткнуть нам рты в середине фразы и безжалостно разбить наши сердца. Его Глаз видит нас, хотя мы не видим Его. Что есть Бог? Бог — универсальная антенна.

БУДУЩЕЕ?

На этот вопрос нельзя ответить сейчас, когда он задан. Потому что речь идет о будущем. И только само будущее может рассказать о себе. Есть ли оно для нас? Мы спешащее племя, ибо не знаем, есть ли у нас впереди еще время, или нас ждет полное уничтожение человечества. Я иногда задумываюсь о том, что произойдет со мной и моими будущими детьми?

ВЫДЕЛИТЬ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ

Что?

Кто?

Когда?

Где?

Почему?

Как?

Чепуха? Неважно, что из шести выделить. Важна суть. Что из них выявит твои дурные черты или выдвинет проблемы, коих лучше не знать. А уйти от них нельзя.

О, С КЕМ МНЕ СРАВНИТЬ ТЕБЯ?

Ты для меня воскресное утро с аппетитным ароматом жареного бекона, утро, полное радужных надежд. Ты для меня гоночная машина со скоростью 95 миль в час, какой ни у кого нет. Ты для меня ленивая куртизанка в своей женственной спальне, со страусовыми перьями, украшающими прическу. Ты для меня заливной луг. Ты для меня шум большого города — тамбурины цыганского оркестра в сочетании с буйной симфонией грохочущих грузовиков и рок-н-роллом тысяч топчущих ног. Ты для меня конечная цель. А кто я для тебя?

ИНТЕГРАЦИЯ

Говорят об интеграции. А что означает это слово? Автобус? Полицейский? Школа? Заголовок? Могильная плита? Драка соседей? Крики родителей? Речь? Бойкот? Политический деятель? Мне всё равно, ибо слова — это только слова. И все же что-то глубокое и темное, глубже любого колодца и темнее любой кожи, заключено и дремлет в этом слове. Выкопай его и вслушайся, что оно говорит? Простую истину — «брат мой».

БЕЗ ЗАГЛАВИЯ

Быть или не быть...

Под этим я имею в виду:

Быть самой собой

(а, кстати, какая я?)

Или быть такой,
какой мои родители
(Увы, бедный Йорик, я хорошо знала их!)
Хотели бы меня видеть
 после
их собственных неудач,
 Или такой,
 Какой ждет меня мир?
(Выбор трудный.)
Дальше — тишина.

СТАРИК

Старик просто там стоял. Просто стоял. Там. Где была я. Укор моей молодости, быть может. Моему цветущему здоровью? Впалая грудь, дрожащие руки. Конец. Все. Finis¹. Песок в его часах истек. А в моих только начал сыпаться. Когда-нибудь я тоже... Но не сейчас. Еще нет. Почему же я чувствую себя такой виноватой?

УБИЙЦА

Вот он крадется, как вор, удирающий от погони по грязной, покрытой жиром посуде в мойке, и несет кусочек съестного своим сыновьям, что спрячутся за стенкой сушилки. Сколько страха в его глазах. Убить его? (Миссис Шехтер, вы догадались, что я говорю о таракане?)

23. Смешные стороны

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОТЧЕТ О ТЕХНИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ КЛАССА

КОМНАТА: 304.

УЧИТЕЛЬ: С. Баррет.

13 октября

Дверь слетает с петель.

Скользящая дверь шкафа не скользит.

Невозможно пользоваться доской.

¹ Конец (лат.).

Книжный шкаф сломан, полка разбита.
Заднее окно справа разбито.
В учительском столе не хватает двух ящиков.
Батарея по-прежнему гудит.

(Все остается в том же состоянии, как и в отчете за прошлый месяц, прибавилась батарея. Дыра в окне становится все больше. Через нее проникают дождь и ветер. К тому же под ногами хрустит стекло.)

С. Баррет.

* * *

Уважаемая мисс Баррет!

Вы не сдали листок посещаемости учащихся на сегодня.

Сэди Финч,
школьный секретарь.

* * *

Уважаемая мисс Финч!

Я не сумела сделать это по той простой причине, что Линда Розен явилась в школу в малиновом свитере и лиловых эластичных брюках. Ее заметил мистер Макхаби и пригласил в свой кабинет для проработки. Ее заметили также мальчики из моего класса и начали массовую миграцию в район ее местопребывания. Так как состав класса постоянно менялся, я не могла отметить присутствующих. Я сделаю это в конце занятий, конечно если они не ушли за ней, как крысы в море, и не утонули.

С. Баррет.

* * *

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби, н. адм. о. с.

КОМУ: Мисс С. Баррет.

Уважаемая мисс Баррет!

Губок в наличии не имеется, красных карандашей в наличии не имеется. Требование на оконные крюки выслано в управление прошлой весной. Наберемся терпения.

В последнее время наблюдается эпидемия кражи мела. Держать мел под замком, кроме тех моментов, когда он находится в непосредственном пользовании.

Имеются в наличии плакаты. Желтыми буквами на зеленом фоне «ПРАВДА КРАСИТ ЧЕЛОВЕКА» и черными буквами на белом фоне «НАУЧИТЬСЯ — ЗНАЧИТ ДОБИТЬСЯ».

Дж. Дж. Макх.

(Легкомысленное отношение и шуточный тон, когда речь идет о переключке в классе, несовместимы с серьезностью нашей профессии.)

* * *

ВНУТРИШКОЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

Вдохновленная посещением Ваших классов, я спросила доктора Бестера, можно ли мне посетить уроки других учителей языка и литературы, познакомиться с их методами. Каменное молчание. Догадываюсь: никто не хочет, чтобы к нему приходили на уроки. (А мне особенно хотелось бы посмотреть, как Генриетта обучает пунктуации. Насколько я понимаю, она использует систему сигналов, таких, как «стоп», «вперед», «впереди поворот»...)

У меня было еще одно столкновение с Дж. Дж. Макх.— упрекает меня в легкомыслии. Но я буду верна своему чувству юмора — оно мне служит противовесом.

Один ученик сказал мне: «Только вы и миссис Шехтер обладаете чувством юмора. Вы замечаете смешные стороны, поэтому все легче воспринимается».

Легче воспринимается! Как можно воспринимать всерьез такую несурязицу, как «Опоздание по отсутствию», «Лучший неуспевающий» и «Привитие прививок».

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил! Я Вас сразу переплюну: что Вы скажете насчет «Прошу игнорировать нижеследующее».

Беа.

* * *

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби, н. адм. о. с.

КОМУ: Всем учителям.

ВАШЕ ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НЕОБХОДИМО В БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМИ ОПОЗДАНИЯМИ, КОТОРЫЕ ОТНИМАЮТ ДРАГОЦЕННОЕ ВРЕМЯ УЧЕБЫ. НЕОБХОДИМО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО НАКАЗЫВАТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ.

Дж. Дж. Макх.

* * *

Допустить в класс. 9.30. Опоздание по не уважительной причине. Утверждает, что заблудился по дороге в школу.

Дж. Дж. Макх.

* * *

ЦИРКУЛЯР № 59.

ХРАНИТЬ ВСЕ ЦИРКУЛЯРЫ В ДЕЛЕ.

ТЕМА: БЛАГОПОЛУЧИЕ УЧИТЕЛЕЙ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ ОБРАТИЛСЯ В СОВЕТ ПО ОБРАЗОВАНИЮ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ПОДДЕРЖАТЬ ЗАКОНОПРОЕКТ О ПОВЫШЕНИИ ПОСОБИЙ ПО СМЕРТИ И НЕТРУДОСПОСОБНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ, УМЕРШИХ ИЛИ ПОСТРАДАВШИХ ВО ВРЕМЯ ИСПОЛНЕНИЯ СВОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ. ЭТО МЕРОПРИЯТИЕ НУЖДАЕТСЯ В ВАШЕЙ ПОДДЕРЖКЕ.

* * *

Мисс Баррет!

Джозеф Фероне из Вашего класса отсутствовал сегодня на уроке математики. По его словам, он выполнял работу для Грэйсона. Прошу подвергнуть наказанию и шнести в УКУ.

Фредерик Лумис.

* * *

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби, н. адм. о. с.

КОМУ: Всем учителям.

ТАК КАК ДЕЖУРНЫЕ ПОМОЩНИКИ ОСВОБОДИЛИ УЧИТЕЛЕЙ ОТ МНОГИХ НЕУЧИТЕЛЬСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ, УЧИТЕЛЯ

ПРИГЛАШАЮТСЯ В КАНЦЕЛЯРИЮ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШИХ ПОРУЧЕНИЙ.

Дж. Дж. Макх.

* * *

Уважаемая мисс Баррет!

Джозеф Фероне пропустил сегодня контрольную по физике, так как он был у Грэйсона. Если Вы сумеете прислать его ко мне, я проведу контрольную специально для него.

С приветом,
Маркус Мангейм.

* * *

ВНУТРИШКОЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

ОТ: П. Барринджера, 309.

КОМУ: С. Баррет, 304.

Сильвия!

Извините за неявку на вчерашнее свидание.

Предлагаю перемирие.

Скоро Вам грозит День открытой школы.

Это страшное испытание.

Примерные родители посетят примерных учителей в примерных классах.

Так давайте же споем им:

Я — образцовый педагог,

Учителям служу примером.

Новинки все узнать я смог

От Айовы до Делавэра.

Держу в мозгу я и в руках

Все о моих учениках.

А это знать весьма непросто.

Хоть голова полна огня,

Психоанализа коростой

Спина покрылась у меня.

Я всем вниманье уделяю,

Учу прогульщиков, лентяев,

Тот, кто отстал, виновен разве?

Мы ликвидируем беду.

А кто умен, нормально развит —
И для того часок найду.

Остальное — в другой раз, меня ждут на репетицию.
Последняя мольба — поступите хотя бы в хор! В гри-
меры! В костюмеры, в художники-декораторы!
До встречи в обычное время в таверне.

Пол.

* * *

КОМУ: Всем учителям.

ВО ВРЕМЯ ОБЩЕШКОЛЬНОГО СОБРАНИЯ Я НАБЛЮДАЛ И
ЗАМЕТИЛ, ЧТО МНОГИЕ УЧЕНИКИ НЕ ЗНАЮТ ГИМНА НАШЕЙ
ALMA MATER «ПУРПУР И ЗОЛОТО». ОСОБЕННО ЧАСТО
ОНИ ПУТАЮТ СЛОВА ПЕРВОГО КУПЛЕТА. УЧИТЕЛЯМ
ПОЛОЖЕНО И НЕОБХОДИМО ПОВТОРИТЬ ТЕКСТ СО СВОИМИ
КЛАССАМИ, ЧТОБЫ НА СЛЕДУЮЩЕМ И ВСЕХ ПОСЛЕДУЮЩИХ
СОБРАНИЯХ УЧЕНИКИ ИСПОЛНЯЛИ ГИМН С ЧУВСТВОМ
И ОСОЗНАННО. НАПОМИНАЮ ЭТИ СЛОВА:

И будут ваши души молоды,
И будет вам неведом страх,
Покуда гимн «Пурпур и золото»
Звучит в распахнутых сердцах.

Максуэлл Э. Кларк,
директор.

* * *

ЦИРКУЛЯР № 61.

ХРАНИТЬ ВСЕ ЦИРКУЛЯРЫ В ДЕЛЕ ПОД ПОРЯДКОВЫМИ НО-
МЕРАМИ.

ТЕМА: НЕВЫПОЛНЕНИЕ ДОМАШНИХ ЗАДАНИЙ.

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ НАБЛЮДАЕТСЯ ЭПИДЕМИЯ НЕВЫ-
ПОЛНЕНИЯ УЧЕНИКАМИ ДОМАШНИХ ЗАДАНИЙ. УЧЕНИ-
КАМ, НЕ ВЫПОЛНИВШИМ ДОМАШНЕГО ЗАДАНИЯ,
ПРЕДСТАВИТЬ УЧИТЕЛЮ В ПИСЬМЕННОЙ ФОРМЕ ОБЪ-
ЯСНЕНИЕ ПРИЧИНЫ ИЛИ ПРИЧИН НЕВЫПОЛНЕНИЯ.

ХРАНИТЬ ЭТИ ОБЪЯСНЕНИЯ В ДЕЛЕ В ПРАВОМ ЯЩИКЕ
ВАШЕГО СТОЛА.

Н. адм. о. с.

24. Из правого ящика стола, комната 304

Я знаю, что домашние задания необходимы для нашего просвещения, и я его приготовил, но по дороге в школу подрался с мальчиком, и он выбросил мою тетрадь в лужу.

Наша собака его съела.

Я не знал, что это нужно было приготовить.

Я заснул в метро, потому что всю ночь готовил уроки, а на своей остановке я быстро выскочил, чтобы не опоздать, и забыл тетрадь в метро на сиденье.

Кошка изорвала его, и мне некогда было написать еще раз.

Почему я не приготовил? Я не люблю, когда вы нам задаете изложение. Это значит идти в библиотеку и доставать книгу. Потом нужно два месяца или больше, чтобы ее прочесть, да еще платить за задержку. Это разорительно для моего кармана. Ха-ха! Чем тратить время на чтение, лучше посмотреть телевизор или пошататься по улицам.

Когда я переписывал с доски, что задано, испортилась моя шариковая ручка.

Я должен был готовить французский, поэтому не успел приготовить английский.

Я приготовил, но по ошибке забыл дома.

Если учительнице надо что-то узнать, почему она сама не посмотрит в книжку, вместо того чтобы задавать нам это на дом. Мы больше получаем, слушая ее. В конце концов она — учительница.

Малыш залил его молоком.

Мой братишка захватил мою тетрадку вместо своей.

Я работаю после школы, и меня продержали до 12 часов ночи.

У меня в книге не хватало этой страницы.

Хотя я принес справку об отсутствии, он отослал меня назад. Вот почему я не приготовил.

Я должен был кормить младших сестренек, потому что моя мама в больнице.

Я потерял книгу и только что ее нашел.

У нас дома нет места — к нам приехал дядя. Мне пришлось спать в коридоре, а кухонный стол был занят.

Кто-то его стащил.

Я заболел и меня уложили в постель.

Какое домашнее задание?

Собака наделала на него.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

25. Внутришкольная переписка

КОМУ: Всем учителям.

для тех, кто в понедельник пропустил учительскую конференцию из-за неразберихи с уроками, прилагаем копию обращения доктора Кларка к почетным ученикам нашей школы.

Я рад и счастлив приветствовать тех, кто благодаря своим стараниям и целеустремленности удостоился быть внесленным в список почетных учеников. Вам была предоставлена возможность постигать культурное наследие прошлых лет и вносить свой собственный вклад в его развитие для нынешних и грядущих поколений, как прошлые поколения делали это для вас. Теперь ваша задача черпать из кладезя премудрости и стремиться к новым свершениям и новым горизонтам навстречу будущему. Как прекрасно сказал великий поэт: «не тверди, что борьба бесплодна». Нет, борьба всегда плодотворна, ибо ничего ценного и достойного не достигалось без борьбы. И вы бились и боролись, чтобы достигнуть высшей чести — появиться в списке почетных учеников. Вы, кто бился и добился высшей чести, став почетными учениками нашей школы, прекрасно это знаете. И, глядя в ваши гордые, счастливые лица, я вспоминаю всех молодых людей, добившихся высокой чести.

В то же время те из вас, кто не стал нашими почетными учениками, не должны чувствовать себя неудачниками. Наоборот, это вы опора и арьергард для тех, кто выдвинулся, и, если бы не ваш вклад в общее дело, они не добились бы того, чего достигли. В большей или меньшей мере мы, каждый из нас, вносим свой вклад в общее благосостояние — и те, кто за тронем, и те, кто на троне, — что и является высшей целью демократии в действии. Те, кто бывал на наших собраниях «во», знают, что может демократия, и от нас зависит, сумеем ли мы использовать свои возможности в будущем.

Сильвия!

Никакой надежды увидеться сегодня в школе.

В классе меня кто-то подменяет, а я тем временем пыхчу над представлением. Между прочим, я пишу собственный вариант текста для декламации. Едва ли он получит визу цензуры, но может быть, вызовет у Вас улыбку. А большего мне и не надо...

Учителя должны играть детей. Что вы скажете о следующем номере в исполнении талантливого трио — Г. Пасторфилд, М. Льюис и Ш. Вулф?

Мы, три прелестных крошки,
Глупеем понемножку и т. д.

А навстречу им выходят в коротких штанишках Лумис, Мангейм и Макхаби:

Мы три прелестных пупсика,
У нас пробились усики,
Но не пробился ум.

Как приятно быть вне класса и вдали от глазающих на тебя глупых рож. Есть одна такая в Вашем классе, Алиса, не помню фамилии, которая обдаёт меня долгими обволакивающими взглядами. Боже, храни меня от экзальтированных голубок. Мне больше по душе некоторые специалисты по Чосеру...

Встретимся в таверне после занятий. Мне надо напиться (до потери сознания). Я получил от издательства очередное «Ваша-рукопись-не-лишена-интереса-но-к-сожалению» письмо. Мои образы чересчур неправдоподобны — по их мнению, — и место действия чересчур экзотично. А если мое сердце жаждет уйти от повседневности?

Наша работа — не для мужчин, да и не для женщин тоже. Если только не сидеть весь день, хлопая ушами, как наш директор. Я для него тоже кое-что сочинил:

Когда в младенческие годы
Я посещал занятия,
Я все подряд с доски зубрил
Без всякого понятия.
И, вызубрив несколько пышных глаголов,
Я стал досточтимым директором школы.

Почему Вы не хотите участвовать в моем спектакле? Вам даже не придется петь.

Пол.

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби, н. адм. о. с.

КОМУ: Всем учителям.

Не принимать во внимание оправданий за опоздания из-за пожара на транспорте. Мною проверено в транспортном управлении — никакого пожара не было.

Дж. Дж. Макх.

* * *

КОМУ: Всем учителям.

Получите талоны на привитие прививок в медицинском кабинете сегодня до 3-х часов.

Фрэнсис Игэн,
медсестра.

* * *

ЦИРКУЛЯР № 42.

ХРАНИТЬ ВСЕ ЦИРКУЛЯРЫ В ДЕЛЕ В СООТВЕТСТВИИ С ПОРЯДКОВЫМ НОМЕРОМ.

ТЕМА: ПУП И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ УЧЕНИКА.

ЧТОБЫ ПРЕДОСТАВИТЬ УЧИТЕЛЮ ВОЗМОЖНОСТЬ ГЛУБЖЕ ВНИКНУТЬ В ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАЖДОГО УЧЕНИКА И ПОЛНОСТЬЮ ОХВАТИТЬ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ЕГО ХАРАКТЕР И ЛИЧНОСТЬ, ВОСПИТАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ В РЕЗУЛЬТАТЕ ГЛУБОКИХ ИНТЕРВЬЮ ДАЛ ОЦЕНКУ КАЖДОМУ УЧЕНИКУ В СООТВЕТСТВИИ С ЕГО ПУП И УХ.

Элла Фриденберг,
советник по воспитанию.

ИЗ: Медицинского кабинета. Секретно.

КОМУ: Мисс Баррет, комн. 304.

КОПИИ: Мистеру Макхаби

Мисс Финч.

Розен Линда из вашего официального класса не будет посещать занятий до соответствующего разрешения отдела здравоохранения. Реакция *Вассермана* — положительная. Исключить ее из вашего журнала временно.

Лазар Эвелин из вашего официального класса скончалась два дня тому назад от инфекции после самодельного АБ, что удостоверено медицинскими документами. Исключить ее из нашего журнала навсегда.

Фрэнсис Игэн,
медицинская сестра.

26. Прикаса́ться к ранам

Дорогая Эллен!

Умерла Эвелин Лазар. Та девочка, что просила меня встретиться с ней в день учительской конференции. Может быть, повидайся я с ней тогда, она была бы сегодня жива. Умерла она от заражения крови, пытаюсь вызвать выкидыш с помощью визальной спицы. У меня осталось только ее имя в классном журнале и указание вычеркнуть его. Навсегда.

Пол говорит: «*Sauve qui peut*¹. Думай о себе. Незачем принимать все близко к сердцу».

Беа говорит: «Вы не бог. Винить себя нам можно только за плохое преподавание».

Генриетта говорит: «Если вам удалось отвлечь их от улицы и заинтересовать хотя бы ненадолго, вы заслужили свой заработок».

Сэди Финч говорит: «Сдайте до трех часов дня ключ от шкафчика и библиотечный формуляр Лазар Эвелин».

Элла Фрейд говорит: «Не зависящее от нас влияние окружающей среды часто вызывает эмоциональную неуравновешенность».

А Фрэнсис Игэн, школьная медсестра, на минуту отвлеклась

¹ Спасайся, кто может (франц.).

от составления меню и сказала, что помочь здесь было ничем нельзя: «Эвелин часто попадало от отца, однажды она пришла в школу вся в синяках».

— И что же вы?

— Напоила ее чаем.

— Почему чаем? О господи!

— Почему? Потому что я все знаю,— сердито крикнула она,— знаю больше всех, что происходит за стенами школы: нищета, болезни, наркомания, вырождение. Но мне не положено даже делать перевязки. Вначале я требовала, стучала по столу, спорила до хрипоты... Никто не хотел слушать меня. И теперь я предлагаю детям чай. Хоть что-то.

— Но вы же медсестра,— сказала я.

Она показала мне распоряжение Совета по образованию, висящее у нее над столом: ШКОЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ СЕСТРА НЕ ДОЛЖНА ПРИКАСАТЬСЯ К РАНАМ, ВЫДАВАТЬ ЛЕКАРСТВА, ВЫНИМАТЬ ИЗ ГЛАЗ ИНОРОДНЫЕ ТЕЛА.

Значит, никому из нас не дозволено прикасаться к ранам?

В чем же тогда ответственность учителя? С чего начинается и где кончается? Какая доля вины падает на нас?

По этому поводу завязалась дискуссия в учительской столовой.

Мэри Льюис шокировала моральная распущенность современной молодежи. «Нельзя ожидать,— сказала она,— чтобы и без того перегруженные учителя занялись еще и нравственной опекой своих учеников». Генриетта Пасторфилд ничего не имела против сексуальной свободы, если она проявляется открыто. Будь девочка в ее классе, такого бы не случилось; ее ученики доверяются ей, она говорит с ними на их языке. Фред Лумис изрек: «Стерилизация — вот ответ на вопрос. Стерилизовать их и выкинуть из школы». Беа Шехтер говорила о том, как тоскуют эти дети по любви. Пол Барринджер с ней не согласился: «Они не умеют обращаться с любовью, не знают, что это такое. Ироническая отстраненность — вот единственный способ не расстраиваться». «Но мы не можем отстраниться, если мы учителя,— сказала Беа.— И мы должны учить вопреки всему, что мешает нам учить в самом прямом смысле этого слова». «Чепуха,— сказал Лумис,— школа для ребят — чужой мир».

Так и сидели мы за белым столом с искусственной розой в пластмассовой вазе и надписью на стене, призывающей убирать после еды подносы. И каждый пробивал в зарослях джунглей свою тропинку. Вскоре в столовой остались только

Мэри, Генриетта, Пол и я. Я снова попыталась заговорить, но Мэри оборвала меня:

— Я начинала так же, как вы, но обнаружила, что ничего из этого не выходит. Так что и вам лучше не пытаться. Проработаете столько, сколько я, доведете себя до ручки, но никто вам не скажет спасибо. Чем больше делаешь, тем больше тебя нагружают. И так во всех школах, поверьте уж мне. У нас хоть есть Сэди Финч и пара помощников, но не больно-то они о нас заботятся. У меня нет классной доски, никак не починят батарею, а на меня навалили подготовительные занятия, шкласное чтение, продленку. Я еще и советник при редакции «Фанфар». Приходится бегать с третьего на пятый этаж, это при моих-то больных венах. За двадцать три года я ни разу, ни на минуту не опоздала, всегда первой сдаю все отчеты — спросите у Финч,— и я никогда не жалуясь. Я просто выполняю свою работу, хотя всем известно, что я классная наставница в самом худшем классе, и вся моя энергия уходит на то, чтобы как-то утихомирить ребят прежде, чем начать занятия.

— Если ученики ведут себя беспокойно,— сказала Генриетта,— я стараюсь шуткой вывести их из этого состояния. Не важно, сколько они выучат, важно, чтобы им хотелось ходить в школу; чтобы на них воздействовало обучение. И они знают, что могут говорить со мной о чем угодно — будь то секс или еще что-нибудь. Ребята чувствуют, что я своя. Пусть я и старая дева, но я еще не сдаюсь.

— Тут не до шуток,— сказала Мэри,— мы их слишком балуем. Они так к этому привыкли, что приходят ко мне в класс без малейшего представления о том, как надо учиться и что такое предложение. И могут ли они выучить иностранный язык, когда и своего-то не знают?

— Те, кто хочет, выучат,— ответила Генриетта,— возьмите Боба — лучший ученик в школе по английскому языку и литературе. Не сочинения, а мечта. Победитель конкурсов, красив, вежлив, радость класса. Мне не приходится обучать его грамматическому разбору предложений.

— Потому что это уже сделала я,— парировала Мэри.— Ваши новомодные штучки и превращение урока в игру и оставляют их неграмотными. Я им даю твердую основу, навыки. В моих классах они не отделяются шумными дискуссиями, обменом мнений и описанием своих ощущений. Какие могут быть у них мнения? Что они испытали в жизни? Что они знают? Они изучают то, что знаю я.

— Беда в том,— Пол улыбнулся своей очаровательной улыбкой,— что учитель должен быть одновременно актером,

полицейским, ученым, тюремщиком, родителем, инспектором, рефери, другом, психиатром, учетчиком, руководителем и воспитателем, судьей и присяжным, властителем дум и составителем отчетов, а также великим магистром Классного журнала.

— Может быть, у вас и стихи есть об этом? — вежливо осведомилась Мэри.

— Конечно,— ответил Пол, становясь в позу.— Слушайте!

Нас можно рифмовать, объединяя
Психиатрию, технику, науку;
С улыбкой входишь в класс, сияя,
И ломкий мел к доске направит руку.
В нас аккуратность и образование,
Умны, тверды и не грубим с рожденья,
Вниманье к нам — в соседстве с пониманьем.
Такое наше в жизни положенье.

— Очень забавно,— сказала Мэри.— Наверно, у вас все время уходит на стихи, неудивительно, что вы никогда не приходите к первому уроку. Кто пробивает вашу карточку — Джилберт или Салливэн¹?

Но он сыграл свою роль, и, когда зазвенел звонок, все улыбались.

Бедная Эвелин Лазар — неоплаканная, невоспетая, ушедшая в небытие! Ее смерть преследует меня. Я все время думаю — если бы я услышала тот ее зов о помощи! Но нам не дано прикасаться к ранам...

Эвелин — единственная девушка, о которой мне что-то удалось узнать, потому что она оказалась в моем классе и потому что о ней случайно стало известно. А бесчисленное множество других, тех, кто, отсеявшись, исчезает или одиноко бьется во мраке? Пол считает, что я придаю этому слишком большое значение, что вполне вероятно, она хотела поговорить со мной всего лишь о перемене замка в шкафчике или о разрешении на пересдачу зачета. Но дело не в этом, дело вовсе не в этом.

Разве нам платят только за то, чтобы мы учили их разбору предложений, и поддерживали порядок, и задавали читать книги, которые есть в нашей библиотеке.

И все же вот Генриетта, со своим стародавичьим восторгом

¹ Название фирм универсальных магазинов.

рассказывающая о своем лучшем ученике Бобе. Вот Пол, высмеивающий заимствованные из цветных кинофильмов мечты маленькой Алисы. Вот я, сражающаяся с Макхаби за душу Фероне. Я все еще стремлюсь пробиться к нему. Он все такой же наглый и настороженный, отказывается встретиться со мной после уроков, врывается в класс с зубочисткой во рту, руки в карманах, как будто бросает мне вызов. Что хочет он доказать? Наконец-то он согласился поговорить со мной: «А вы уверены, что вы этого хотите? Что ж, вам решать!» Но до того, как нам удалось встретиться, его исключили из школы на две недели за то, что он носил с собой финский нож. Понимаешь, временное исключение — это такая форма наказания, которая оставляет ребят вне всякого контроля на какой-то период, пусть болтаются по улицам и попадают в разные банды.

Когда я попыталась убедить Макхаби, что куда полезнее было бы дать Фероне возможность встретиться со мной, чем выкидывать его, Макхаби выдал мне на полную катушку:

— Когда вы поработаете в нашей системе столько, сколько я — (все они говорят это!), — вы поймете, что не взаимопонимание нужно им. Я их прекрасно знаю — в них нет ничего хорошего. Дисциплина — вот что им нужно. У них нет ее дома. Вот вы и должны показать им, кто здесь хозяин. Мы обязаны учить их, наказывая каждый раз, сто раз, так, чтобы они поняли, что к чему. Если мы этого не сделаем, они получают то, что заслужили, от полицейского, судьи или своего начальника, если им посчастливится найти работу. Они не отличают плохое от хорошего, они не отличают свою задницу от — извините, пожалуйста. Вы молоды, хороши собой, они говорят вам комплименты, а вы с радостью принимаете их, заводите для них пластинки, уговариваете писать пожелания в ящик для пожеланий, ведете с ними задушевные беседы. Что от этого толку? Конечно, мы должны добиваться их уважения, но только страх — наш помощник. Только это они понимают. Пусть и стоят по струнке, иначе сделают из нас котлету. Вы бывали когда-нибудь у них дома? Вы бывали в суде для малолетних преступников? Вы слышали, как они говорят о нас между собою? Это скверные дети. Их надо научить закону и порядку, и если не мы, то кто же научит их? Мы связаны с ними, и они связаны с нами, так пусть ведут себя как следует. Попробуйте-ка вы, люди с высокими идеями, руководить этой школой по-своему хотя бы один день, и у вас будет бунт в каждом классе. Говорю вам это, желая добра — вам многому еще надо научиться.

Вероятно, надо.

На этой неделе мой урок собирается посетить Бестер. Он был так мил, что предупредил меня об этом. Собираюсь заняться придаточными предложениями или стихотворением Фроста.

Не думала, что это письмо получится таким длинным, но мне так муторно и беспокойно, а тебе я могу излить душу. Бывает, что я чувствую себя здесь совсем чужой. Может быть, мне стоило бы работать в Уиллоудэйле? Может быть, мне стоило бы вовсе отказаться от учительства? Или, может быть, мне бы стоило найти молодого человека, который говорил бы прозой, и осесть в своем гнездышке? Ты, по-видимому, нашла ответ на этот вопрос.

Но я не хочу сдаваться, не попытавшись чего-то добиться. Думаю, ученики заслуживают лучшего, чем то, что получают. Да и учителя тоже.

Попытаюсь пробиться к ним через родителей. Недели через две у нас будет День открытой школы. Пожелай мне счастья и поцелуй от меня Джима и малышку.

С любовью,

Сил.

P. S. Знаешь ли ты, что госдепартамент организовал для своих сотрудников языковые курсы, чтобы они понимали получаемые друг от друга меморандумы.

C.

27. Уточнение служебного статута

СОВЕТ ПО ОБРАЗОВАНИЮ ГОРОДА НЬЮ-ЙОРКА

КОМУ: Мисс С. Баррет

Средняя школа имени Калвина Кулиджа
Нью-Йорк

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ СЭР ИЛИ МАДАМ!

В ОТВЕТ НА ЗАПРОС ОБ УТОЧНЕНИИ ВАШЕГО СЛУЖЕБНОГО СТАТУТА СООБЩАЕМ СЛЕДУЮЩЕЕ: ВСЕ ШТАТНЫЕ ПРЕПОДАВАТЕЛИ ШКОЛЫ НАЗНАЧАЮТСЯ ИНСПЕКТОРСКОЙ КОМИССИЕЙ С ИСПЫТАТЕЛЬНЫМ СРОКОМ НА ТРИ ГОДА, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ТЕХ УЧИТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ ПРОРАБОТАЛИ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ЭТИМ УЧИТЕЛЯМ

ВМЕСТО ОСТАЮЩИХСЯ ДВУХ ЛЕТ ИСПЫТАТЕЛЬНОГО СРОКА ДОСТАТОЧНО УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО ПРОРАБОТАТЬ ВСЕГО ДВА ГОДА В КАЧЕСТВЕ ПОСТОЯННОГО ИЛИ ПОДМЕННОГО ПЕДАГОГА В ТОЙ ЖЕ ДОЛЖНОСТИ, ПО ТОМУ ЖЕ ПРЕДМЕТУ, НА ТОМ ЖЕ УРОВНЕ ПРЕПОДАВАНИЯ, КАКОГО ТРЕБУЕТ ПОСТОЯННОЕ НАЗНАЧЕНИЕ. НО ДЛЯ ЭТОЙ ГРУППЫ УЧИТЕЛЕЙ НЕ ЗАСЧИТЫВАЕТСЯ ПОДМЕННАЯ РАБОТА, ЕСЛИ ОНА СОСТАВИТ МЕНЕЕ 80 УЧЕБНЫХ ДНЕЙ В ЛЮБЫЕ 90 ПОСЛЕДУЮЩИХ ДНЕЙ В ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ ШКОЛЕ. ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК ЗАСЧИТЫВАЕТСЯ ТОЛЬКО В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ПРОРАБОТАЛ НЕ МЕНЕЕ 160 УЧЕБНЫХ ДНЕЙ В ТЕЧЕНИЕ ОДНОГО ГОДА. ЭТО ПОЛОЖЕНИЕ НЕ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ТЕХ, КТО РАБОТАЕТ НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО.

НАДЕЕМСЯ, ВАС УДОВЛЕТВОРИЛ ОТВЕТ НА ВАШ ЗАПРОС ОБ УТОЧНЕНИИ ВАШЕГО СЛУЖЕБНОГО СТАТУТА.

ОТДЕЛ ШТАТОВ
И НАЗНАЧЕНИЙ.

28. Из ящичка пожеланий

Дорогая учительница, лучше — дорогой друг!

Все ваши поступки добрые. Я еще не встречала таких, как вы, нигде: ни дома, ни в школе. (Я потеряла в весе еще два фунта.)

В надежде услышать вас.

Вивиан Пейн.

Макхаби — тюремщик, и его надо смести. Предупреждаю, на этот раз я окончательно пишу в последний раз.

Ястреб.

Я изменил свое мнение. Учитель может быть человечным. Предлагаю Совету по образованию найти молодых и красивых учительниц, как вы — подходящих для нас. А не старых ведьм.

Да здравствует вы!

Фрэнк Аллен.

Отмените дискриминацию. Отмените беседы мисс Фриденберг, от которых меня тошнит. Например, когда она спрашивает меня, не стыдно ли мне, где я живу.

Эдуард Уильямс.

В нашу «страшную» эпоху атомов вы напоминаете мне другую «учительницу», которая была у меня в «начальной». Она не боялась смеяться над нашими «шутками», даже если они не были смешными.

Чарльз Х. Роббинс.

Слишком воображаете о себе и имеете любимчиков.

Ваш враг.

Вы считаете справедливым, когда учитель вычитает пять очков за то, что я неправильно написал его фамилию? (Баринджор).

Вы сказали, подписывайтесь своей фамилией, чтобы показать, что вы не боитесь своих убеждений. А я боюсь.

Анонимный.

Предлагаю только учителей — мужчин. У вас есть один недостаток, перекрывающий все ваши хорошие черты — то, что вы — баба, а мой естественный инстинкт подсказывает мне, что хороших баб не бывает. Противоположный пол и я не имеют между собой ничего общего и очень сожалею, что вы не мужчина.

Рэсти.

Вы у меня только классная наставница, а я хотел быть у вас и по языку. Вы велели нам не называть фамилий, но у меня миссис Л-с. Голос у нее такой нудный, что у меня от него вянут уши. Пршшлое полугодие было не лучше — у нас была миссис П-ф-д и нас заставляли изображать, что мы экран Т.В.

или футбольная команда. С вами я бы может быть чему-нибудь научился но я все равно ухожу из школы. Уже поздно что-нибудь изменить.

Бывший ученик.

Вы убедили нас, что вы — учительница.

Опытный ученик.

Получилось так, что у меня другой учитель по языку и литературе. Я чувствую в глубине души, что должна быть более глубокая связь между учителем литературы и учеником потому что этот предмет доходит до самого сердца... Я уверена, что вы тоже хорошая учительница и очень у вас интересная внешность. (Мне нравится серебряная брошка, которую вы носите с серым вязаным костюмом.)

Алиса Блэйк.

Так Линде Розен и надо!

Угадайте кто?

Продолжайте преподавать мифы и разные книги. Это хорошая мысль, и я считаю, что она принесет пользу будущим поколениям. Еще мне хочется похвалить и поблагодарить вас за интерес ко мне и ко всему классу в смысле грамматики в целом.

Гарри А. Каган,
избранник учеников.

Федеральные завтраки дрянные.

Едок.

Вы умеете одеваться, ваши вещи все вам очень идут, особенно красный костюм. Других жалоб у меня нет.

Вот что! Я лично не возражаю против плохих учителей, но некоторые их привычки меня изводят. Например, сосет свои очки (Лумис), хлюпает носом (мисс Пасторфилд), каждый день надевает одно и то же платье (миссис Льюис). Не забудьте, что мы должны смотреть на них весь урок. О присутствующих не говорят, ха-ха! Учителям нужно зеркало в глубине класса, чтобы они видели, какими мы их видим.

Лу Мартин.

Не задавайте уроков на понедельник, *s'il vous plait!*¹

С пятницы до понедельника я хочу выбросить все это из головы.

Votre Ami².

Сгинь! Ни с места!

Отрава.

Не сможете ли вы преподавать нам творческие сочинения в следующем полугодии?

Вы показали мне, что писать ясно — значит мыслить ясно и что нет ничего важнее взаимопонимания.

Элизабет Эллис.

¹ Пожалуйста! (искаж. франц.)

² Ваш друг (франц.).

Я бы хотел, чтобы вы были у нас по математике — мой любимый предмет. Но, увы, хорошего понемножку.

Застенчивый Никто.

Дж. Дж. Макхаби пора отправиться к ч.

Поэт.

Я отстаю потому, что занятия идут слишком быстро, чтобы я мог все запомнить. Нельзя ли читать немножко помедленнее.

Второгодник.

Я предлагаю: I. Бесплатные завтраки.

A. Классы с кондиционерами.

B. Никаких заданий на дом.

II. Телевизор в каждом классе.

A. Учителя — кинозвезды.

III. 6-месячные каникулы, занятия с 10 до 12, командуют ученики.

Подросток.

Не огорчайтесь, мы за вас на 85%.

Мне нравится все, что мы делаем в классе, но я не люблю читать книг, и мифы я тоже не люблю. P. S. Я не люблю грамматику. Ненавижу устные изложения.

Вы забываете, что мы не такая нормальная школа, как другие.

Прилежный ученик.

Уроки очень интересные, особенно если приходиться в класс. Я желаю себе лучшей посещаемости.

Отсутствующий.

Я не могу отвести от вас глаз, так вы хороши. Вы точно такая же, как моя придуманная сестра-близнец Розеанна. Если бы я была мальчиком, меня бы даже не интересовал урок, я бы просто сидела и глядела на вас. Но я не мальчик, и мне остается только переносить последствия.

Ваша неизвестная поклонница.

Разбив ногу во время ручного мяча, медсестра дала мне чашку чая. Считается, что это помогает ноге?

Атлет.

Я многое узнала из мифов, они помогают нам лучше понять наших молодых людей. Особенно Нарцисс очень похож на мистера Барринджера, но он еще не утонул.

Одиссей.

Я езжу в школу на автобусе и вся измучена от домашней работы и мытья посуды и я бы хотела, чтобы бездельники мальчишки хоть раз уступили мне свое место, я бы наверно умерла от удивления. Можно ли что-нибудь сделать?

Прекрасный пол.

Список достоинств:

1. Вы всегда готовы выслушать нашу сторону, что бы ни случилось.

2. Если вы чего-то не знаете, вам не стыдно признаться, что вы этого не знаете.

3. Вы не боитесь выдать улыбку, когда надо.

4. Вы всегда выглядите довольной, когда мы входим.

Список недостатков:

нет.

Список пожеланий:

больше таких, как вы.

Ваш болельщик.

Моя мама живет вместе со мной уже 16 лет, но продолжает меня изводить.

Мура-Вей.

Когда на уроке мисс Льюис ученику надо посетить мужскую комнату, ему отказывают в этой привилегии.

Страдающий.

Литературе было бы гораздо лучше, будь больше таких учителей, как вы, что интересуются учениками, а не просто учат по обязанности. С тех пор как вы меня выбрали судьей, я стал чувствовать себя человеком.

Я вас не забуду всю жизнь.

Хосе Родригес.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

29. Неизбранная дорога

Примерный план урока

1. Тема: «Неизбранная дорога» Роберта Фроста.
2. Цель: Понимание и оценка стихотворения.
3. Мотивация: интересные, побуждающие мысль вопросы, наводящие на разговор о жизненном опыте самих ребят.
 - а. Какой решающий поворот был в вашей жизни?
 - б. Какой выбор вы сделали и почему?
 - в. Что вы думали потом о своем выборе?
4. Ожидаемые трудности: Написать на доске и объяснить слова:
развилка,
выбор.
5. Содержание урока: Прочитать вслух стихотворение:
В осеннем лесу, на развилке дорог,

Стоял я, задумавшись, у поворота —
и т. д.

6. Вопросы, заставляющие оценить человеческие побуждения:

а. Почему он выбрал именно эту дорогу?

б. Почему он говорит:

Еще я вспомню когда-нибудь

Далекое это утро лесное?

Как вспомнит — с сожалением или с облегчением?

в. Стихотворение заканчивается словами:

Ведь был и другой предо мною путь,

Но я решил направо свернуть —

И это решило все остальное¹.

Почему это решение столь важно в жизни поэта?

г. Если бы он избрал другую дорогу, как бы кончалось стихотворение?

(Навести их на ответ: «так же».)

д. Почему Фрост называет стихотворение «Неизбранная дорога», а не «Избранная дорога»? (Подвести к ответу: мы больше сожалеем о том, что не сделано, чем о том, что сделано.)

е. Каким человеком видится вам Фрост после того, как вы прочитали стихотворение?

(Извлечь: прямым, простым, думающим человеком, любящим природу и умеющим видеть.)

ж. Каков стиль его письма?

(*multum in parvo*, или «многое в малом» — экономный в словах, щедрый в мыслях.)

7. Наглядные пособия:

Пустить по рядам фотографию Фроста.

8. Заключение:

а. Навести на мысль о пагубности конформизма.

б. Сожаление присуще любому решению.

(Примечание: Записать заключение на доске.

Окна.

Никаких обрывков бумаги на полу.

Не допустить, чтобы отвечал только Гарри Каган.

Не посадить ли Линду рядом с девочкой?

¹ Перевод Г. Кружкова (под названием «Другая дорога». Роберт Фрост. Стихотворения. М., «Радуга», 1986).

Если останется время, завести пластинку: Фрост читает свои стихи.)

* * *

ОТ: Сэмюела Бестера, заведующего учебной частью по языку и литературе.

КОМУ: Мисс С. Баррет, комната 304.

Следующие пожелания неофициальны: они не появятся в моем инспекционном отчете. Если хотите переговорить лично, давайте встретимся.

1. Во избежание опасности окна надо открывать *сверху* на 4 дюйма, так, чтобы ученики не могли выглядывать из них.
2. Увязывать задаваемые вопросы с жизненным опытом учеников — прекрасно, но не позволяйте им уводить Вас в сторону. Они частенько пользуются этим, чтобы протянуть время или вообще отделаться от занятий. Пример: в разговоре о выборе обсуждения вопроса о том, какое надеть в субботу платье девочке из 4-го ряда — розовое или зеленое, было интересным, но 6 минут на него — слишком много.
3. Не разрешайте одному ученику (Кагану?) монополизовать обсуждение. Вызывайте и тех, кто не вызывается сам.
4. Всегда сначала задайте вопрос и только потом вызывайте ученика — это заставит думать весь класс. Избегайте двусмысленных и неопределенных вопросов, таких, как «Какие чувства вызывает у вас стихотворение?» (слишком неопределенно) и «Сожалеет ли мы о том, чего не свершили?» (Слишком очевидно, что учитель ждет в ответ «да».)
5. Ваша неизменная вежливость по отношению к ученикам — выше всяких похвал. Учитель — нередко единственный человек из окружения ученика, относящийся к нему с уважением. Вместо того чтобы наказать юнца, «вернувшегося из исключения», который опоздал на урок и к тому же вошел в класс с зубочисткой во рту, Вы сумели дать ему почувствовать, как классу его недоставало. Великолепно! (Следовало, однако, заставить его вынуть зубочистку.)
6. «Обратите внимание на простоту языка Фроста», — сказали Вы. А могли бы воспользоваться прекрасным

приемом, разыграв неведение или удивление: «А я-то думала, что в стихах должны быть красивые слова» или «Но разве Марк Антоний не говорит добрые слова о Бруте?».

7. Сидевший рядом со мной мальчик делал домашнее задание по математике. Учителю следует прохаживаться по классу.
8. Вы сразу же исправляли ошибки в языке. Однако пропустили неправильное употребление вспомогательных глаголов.
9. Энтузиазм заразителен. Радует, что Вы не стесняетесь показать, что тронуты чувствами или возбуждены идеями, взволнованы, увлечены мыслью, заложенной в стихотворении. Вторжение посторонних (водопроводчика и т. п.) ни в коей мере не должно Вас обескураживать.
10. Чем меньше говорит учитель, тем лучше. Не перекармливайте их, извлекайте из них. В процессе обучения учитель и ученик открывают друг друга. Не упускайте неожиданные реакции учеников, например слова мальчика, занимавшегося математикой, о том, что у человека нет выбора.
11. Не давайте уроку заканчиваться на неверной ноте. Пример: на Ваш вопрос, каким человеком был Фрост, последовал ответ: «Он был человеком, любящим писать стихи». И в это время зазвенел звонок и Вы их отпустили.
12. Ваше умение отмечать успехи учеников, Ваша искренняя заинтересованность в том, что они говорят, заслуживают похвал. Прекрасно, что девочки стремятся Вам подражать, а мальчики — Вам угождать. Но несколько рискованно выглядеть слишком привлекательной.
Нет сомнений — Вы прирожденный учитель!

Сэмюел Бестер.

ВНУТРИШКОЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

Мы встретились с противником и покорили его!

Я знала, что сегодня ожидается посещение моего урока, и подготовилась к этому. По крайней мере я полагала, что подготовилась.

В примерном плане урока есть раздел «Ожидаемые трудности», но я встретила с трудностями, которых не ожидала.

Мальчик заикал и чуть не вывалился из окна; раздался сиг-

нал тревоги, оказавшийся ложным; явился Макхаби, чтобы сделать очередное объявление; зашел водопроводчик и начал стучать молотком по батарее.

Бестер сидел в последнем ряду и что-то записывал в то время, как я пыталась держать в уме и в поле зрения 39 ребят, план урока, доску, Фроста, возмутителей спокойствия, обрывки бумаги на полу, исправлять ошибки в языке, расширять сферу урока, вовлекая учеников в обсуждение моральных и этических проблем.

Я не успела выполнить и половины плана, я забыла о заключении и об окнах, но я таки задавала «наводящие вопросы», увязывая стихотворение с жизнью ребят. Бестер говорит, что я прирожденный учитель. Поздравьте меня!

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Так оно и есть. Вы — прирожденный учитель. Связывать урок с жизненным опытом учеников — хорошо, если удастся. Но иногда это выглядит искусственно. Вспоминаю молодую учительницу из профессиональной школы. Ее ученики — грубые городские парни. А она начала обсуждение стихов Вордсворта с вопроса к ученикам: «Вас часто радовал вид моря нарциссов?»

Беа.

* * *

Дорогая мисс Баррет!

Я буду отсутствовать завтра по болезни, так пожалуйста, пусть кто-нибудь другой прочтет мои записи по сегодняшнему уроку.

Это был очень интересный и поучительный урок языка и литературы. Мисс Баррет собирала деньги на «Схоластик» и тот, кто не принесет их завтра, его не получит. Мисс Баррет прочла несколько замечаний относительно «ВО», а мистер Макхаби зашел, чтобы поговорить о нехватке столов в столовой. Мисс Баррет выгнала Роя из класса за то, что он плевал через окно, чтобы избавиться от икоты, и прочитала нам прекрасное стихотворение мистера Роберта Фроста. Заглавие называлось «Неизбранная дорога». Д-р Бестер посетил нас. Он сидел рядом с Фредом.

Мы обсуждали разные решающие повороты в жизни. Ре-

шающим поворотом Вивиан был колледж или работа после окончания школы. Но это нехороший пример потому, что она второгодница. Решающим поворотом Линды был — какое платье надеть в субботу вечером. Решающим поворотом у Эдди было, когда он спустился в погреб и ушиб голову. У Лу решающего поворота не было.

Поэт пытается это сказать потому, что он избрал дорогу и это был решающий поворот. Он рассказывает о желтых листьях. Он решает прогуляться и делает неправильный поворот и теряется, и вздыхает. Мораль, что нельзя пройти по двум дорогам одновременно. Некоторые ученики в классе с этим не согласились.

Поэт (м-р Фрост) учит нас жизни и другим вещам. Он был простым. Он был экономным и недавно умер. Он попытался проложить новую дорогу.

Мисс Баррет пустила по классу его фотографию. Но она дошла только до первого ряда, потому что какой-то умник ее стянул и не послал дальше. «Multum in parvo» и означает, что он очень мало говорит. Развилка — значит когда две дороги расходятся.

У него был очень хороший стиль. Он умел видеть вещи.

В моем последнем семестре по языку и литературе мы должны были распределить стихи под различными заглавиями, как «Стихи о Любви и Дружбе» или «о Природе и Твореньях божьих» или «о Религии и Смерти» и указывать, куда входит то или иное стихотворение. Но я не знаю, куда отнести это.

С уважением,

Джанет Амдур, секретарь класса.

30. Автор пытается сказать

Пятница, 6 ноября

Дорогая Эллен!

Да здравствует расставание с малярами! Неужели ты хочешь сказать, что все получилось темно-желтым?

Ты права: Пол Барринджер меня привлекает. Он и правда очень привлекателен. Но поверхностен, и все в нем так гладко отполировано, что не за что зацепиться. Наши отношения тоже поверхностны: иногда вместе поужинаем, иногда ходим в кино в мое «свободное время» — «ха-ха!», как сказал бы один из моих учеников. Я улыбаюсь его забавным стихам и заслу-

шиваю его жалобы на издателей, школу и судьбу. Хотелось бы, чтобы он нравился мне больше.

Отвечаю на твои вопросы: Линда Розен вернулась, надо полагать, что ее вылечили. Джо Фероне передумал и не хочет встретиться со мной после уроков. «Зачем это вам?» — спрашивает он.

В тот день, когда он вернулся в класс с двумя разрешениями на позднее опоздание (он и сам опоздал, еще его задержал за это Макхаби — конечно, бессмыслица), мой урок посетил Бестер. Я знакомила ребят со стихотворением Роберта Фроста «Неизбранная дорога». Но познакомила ли? Не думаю, чтобы до них что-нибудь дошло, несмотря на все мои аккуратные планы, несмотря на точные указания Бестера.

Беда в том, что у них нет никакого багажа. «Я не читал ни одной книги в жизни и не собираюсь», — сообщил мне один ученик. Нелегко заставить их полюбить книгу, не удалось это и моим предшественникам — ни Генриетте с ее уроками-играми, ни Мэри с ее строгостью. Или, может быть, причину этого надо искать еще глубже, в начальной школе?

Как заставить их почувствовать боль короля Лира, а не просто напичкать общеизвестными цитатами из Шекспира? Вызвать у них душевный отклик, а не заставить вы зубрить текст?

Как бы мне хотелось, чтобы они тянулись к книжке всегда — и вместо телевизора, и после кино, и когда отзвонят для них школьные звонки.

Но что значит для них устное изложение книги? Вспомнить любопытный факт о ее авторе («Эдгар По был психом»); прийти к какому-то выводу: книга побудила удивиться, осознать, решить; пересказать забавный (трагический) случай или, предприняв отвлекающий маневр, нарисовать для нее суперобложку, провести интервью с давно умершим классиком, поиграв в игру «Кто я?», и оживить классика? Иными словами, сделать все, чтобы не читать книгу.

Пример:

ЛУ: У моей книги...

Я: У книги, которую ты прочитал...

ЛУ: Угу. Заглавие называется «Макбет» Шекспира.

Я: Ее название...

ЛУ: «Макбет».

Я: Я ожидала от тебя изложение еще какой-нибудь книги. Насколько я знаю, пьеса «Макбет» входила в прошлогоднюю программу. Разве вы ее не проходили?

ЛУ: Нет, мы ее не прочитывали.

- Я: Мы ее не читали.
- ЛУ: И я тоже. В этой книге автор передал...
- Я: Описал...
- ЛУ: Описал, как этот...
- Я: Кто?
- ЛУ: Ну, который хотел того...
- Я: Кого?
- ЛУ: Ну, которого он описал...
- Я: Автор?
- ЛУ: Угу. Он передает, как...
- Я: Он рассказывает...
- ЛУ: Миссис Льюис велела не говорить «рассказывает», когда мы рассказываем. Она дала нам вместо целый список разных «передает» и «преподносит»...
- Я: Да, Гарри?
- ГАРРИ: Повествует.
- Я: Прости, что ты сказал?
- ГАРРИ: «Рисует», «отображает». У меня записано.
- Я: Она, видимо, учила вас избегать повторов. Ничего плохого в слове «рассказывает» нет. Какова тема пьесы, Лу?
- ЛУ: Ну, автор рассказывает про убийство...
- Я: Я спрашиваю про тему, а не про сюжет. Кто-нибудь знает разницу между сюжетом и темой? Линда?
- ЛИНДА: Сюжет — то, что они делают в книге, а тема — как они делают.
- Я: Не совсем. Тема... — Да, Вивиан?
- ВИВИАН: Тема — то, что стоит за этим.
- Я: За чем «этим»?
- ВИВИАН: За сюжетом.
- Я: Фрэнк?
- ФРЭНК: Урок.
- Я: Какой урок? Пожалуйста — полное предложение.
- ФРЭНК: Автор дает урок. Моральность пьесы.
- Я: Мораль. Нет. Да, Джон?
- ДЖОН: Он упоминает три события.
- Я: Но мы сейчас говорим о... Гарри?
- ГАРРИ: О личном отношении.
- Я: Что?
- ГАРРИ: Он не сказал про личное отношение.
- ЛУ: У меня его еще нет.
- Я: Мы все еще стараемся определить разницу между сюжетом и темой. Салли?
- САЛЛИ: Одно — то, что есть, а другое — что задумано.

Я: Что ж, пожалуй... Да, Кэрол, что ты скажешь?

КЭРОЛ: О, слава богу. Я думала, вы меня никогда не спросите. Автор пытается сказать...

Я: Пытается? И ему не удастся?

КЭРОЛ: Пытается показать...

Я: Показывает.

КЭРОЛ: Он показывает, что не надо быть честолюбивым.

ЛУ: Рисует.

Я: Он утверждает, что честолюбие — это плохо?

КЭРОЛ: Да.

Я: Разве? Нехорошо быть честолюбивым? Лу?

ЛУ: Хорошо, когда не слишком.

Я: Не слишком что?

ЛУ: Не слишком честолюбивым, а то нехорошо.

Я: Ты хочешь сказать, что чрезмерное честолюбие может привести к беде?

ЛУ: Правильно.

Я: Почему же ты так не сказал? Тема «Макбета»: чрезмерное или, точнее, безжалостное честолюбие часто ведет к беде. Так и надо было сказать. Что значит «безжалостное»?

ЭДДИ: Переступает через все.

Я: Скажи полную фразу.

ЭДДИ: Он переступает через все.

Я: Рэсти, ты хотел что-то сказать?

РЭСТИ: Миссис Макбет подбила его.

Я: Ты хочешь сказать, подтолкнула?

РЭСТИ: Подбила. Как все бабы, она его подвела.

Я: Да, Джон? Ты поднял руку.

ДЖОН: Я прочел ту же книгу, но у меня другая тема.

Я: Какая?

ДЖОН: Моя тема, что он убивает ради собственной выгоды.

Но не беда. Хотя я, наверное, и «стремлюсь слишком высоко», могу споткнуться и упасть, но пока не отступаю.

С любовью,

Сил.

P. S. Знаешь ли ты, что на проверочных экзаменах обнаружилось, что треть учителей языка и литературы не отвечает предъявляемым требованиям?

С.

31. Искусство общения

ОТ: КОМИТЕТА ПО СОКРАЩЕНИЮ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ В ЦЕЛЯХ ОЦЕНКИ И ОТБОРА УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРИЕМОМ ПО ОРИЕНТАЦИИ И МОТИВАЦИИ

УСТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ НАВЫКОВ В СООТВЕТСТВИИ С УСОВЕРШЕНСТВОВАННОЙ ПРОГРАММОЙ ИСКУССТВА ЧТЕНИЯ И ОЦЕНКИ (УСВОЕНИЯ) ПРОЧИТАННОГО В СОЧЕТАНИИ С ПОСТОЯННОЙ ТРЕНИРОВКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ ЛУЧШЕ ВСЕГО ДОСТИГАЕТСЯ ПУТЕМ ИЗЛОЖЕНИЙ СОДЕРЖАНИЯ КНИГИ И СВЯЗЫВАНИЯ ЕГО С ЛИЧНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫМИ ЖИЗНЕННЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ УЧЕНИКОВ, ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ВЕРШИНОЙ ИСКУССТВА ОБЩЕНИЯ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

32. Над табельными часами. Доска объявлений

ВЫРАЗИТЬ БЛАГОДАРНОСТЬ СЛЕДУЮЩИМ УЧИТЕЛЯМ, ДОБИВШИМСЯ ВЧЕРА СТОПРОЦЕНТНОЙ ПОСЕЩАЕМОСТИ.

Таких не оказалось

В КОНЦЕ ЧЕТВЕРТОГО УРОКА БУДЕТ ПОЖАРНАЯ ТРЕВОГА: ПРОСЬБА НЕ ДАВАТЬ КОНТРОЛЬНЫХ РАБОТ.

В ВАШИ ЯЩИКИ ДЛЯ ПИСЕМ ОПУЩЕНЫ ЦИРКУЛЯРЫ ПО ПОВОДУ ДНЯ ОТКРЫТОЙ ШКОЛЫ. ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАТЬ ИХ И ВЫПОЛНИТЬ ВСЕ УКАЗАНИЯ.

ПОТЕРЯНО — НАЙДЕНО

ПОТЕРЯНО:

Мужской черный зонтик с деревянной ручкой.

Вернуть: мистеру Мангейму.

- ПОТЕРЯНО:** Одна галоша, черная.
Вернуть: мистеру Мангейму.
- ПОТЕРЯНО:** Книга в бумажной обложке «Как отвыкнуть от курения в 24 часа».
Вернуть: Ф. Игэн, медицинский кабинет.
- НАЙДЕНО:** Синяя шариковая ручка — не пишет.
Обратиться в канцелярию.
-

УЧИТЕЛЯ, ВЫСТРАИВАЮЩИЕСЯ В ОЧЕРЕДЬ ПОД ЧАСАМИ, ЧТОБЫ ПРОБИТЬ СВОИ КАРТОЧКИ НА ВЫХОД, ОБРАЗУЮТ В ПРОХОДЕ ТОЛПУ. ПРОШУ ДОЖИДАТЬСЯ ЗВОНКА ОБ ОКОНЧАНИИ ЗАНЯТИЙ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ СПУСКАТЬСЯ ВНИЗ.

Дж. Дж. Макх.

ПРОСЬБА НЕ ТРОГАТЬ СТРЕЛКИ НА ЭТИХ ЧАСАХ.

НЕ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТЕЛЕФОНОМ В КАНЦЕЛЯРИИ ДЛЯ ЛИЧНЫХ РАЗГОВОРОВ. ДЛЯ ЭТОГО ЕСТЬ ТЕЛЕФОН-АВТОМАТ В ПОДВАЛЕ.

СЕГОДНЯ В ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ В КОМНАТЕ 404 СОСТОИТСЯ ВСТРЕЧА УЧИТЕЛЬСКОГО КОМИТЕТА. ПРОСЬБА ПОТОРОПИТЬСЯ С ОБЕДОМ — ПРОШЛЫЙ МЕСЯЦ НИКТО НЕ ЯВИЛСЯ.

ХРОНИКА

У мистера Дрэйпера умер отец; похороны завтра. Выражаем соболезнование.

Миссис Джейн Тесслер, находящаяся в декретном отпуске, родила девочку весом $6\frac{1}{2}$ фунтов. Она в больнице Родс.

Зена Холл, выпускница школы имени Калвина Кулиджа, выступает в хоре в новом ревю «Когда ты влюблен».

Мисс Сара Дэниелс, ушедшая в прошлом году на пенсию, будет рада получить весточку от своих коллег. Ее адрес: Отель Мидтаун, комната 611.

33. День открытой школы

КОМУ: Родителям наших учеников.

СЕРДЕЧНО ПРИГЛАШАЕМ ВАС ПОСЕТИТЬ НАШУ ШКОЛУ В ДЕНЬ ОТКРЫТОЙ ШКОЛЫ В ЧЕТВЕРГ 12 НОЯБРЯ С ЧАСУ ДО ТРЕХ ДНЯ И С СЕМИ ДО ДЕВЯТИ ВЕЧЕРА.

ДЛЯ ВАШЕГО УДОБСТВА ВАШ СЫН (ДОЧЬ) ПОДГОТОВИЛ ЭКЗЕМПЛЯР РАСПИСАНИЯ С УКАЗАНИЕМ ФАМИЛИЙ КАЖДОГО ИЗ ЕГО (ЕЕ) УЧИТЕЛЕЙ И КОМНАТЫ, ГДЕ МОЖНО ЗАСТАТЬ НУЖНОГО УЧИТЕЛЯ. ЕСЛИ ВЫ НЕ МОЖЕТЕ ПОСЕТИТЬ ШКОЛУ, ОБРАТИТЕСЬ С ВОПРОСОМ ИЛИ ВОПРОСАМИ ПО ПОВОДУ ВАШЕГО СЫНА (ДОЧЕРИ) К УЧИТЕЛЮ НА ПРИЛАГАЕМОЙ ПОЧТОВОЙ ОТКРЫТКЕ.

Джеймс Дж. Макхаби,
н. адм. о. с.

* * *

ВСЕМ РОДИТЕЛЯМ:

Я УБЕЖДЕН И ВЕРЮ, ЧТО ВЫ БУДЕТЕ ПРИВЕТСТВОВАТЬ ЭТУ БЛЕСТЯЩУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ БОЛЕЕ ТЕСНОГО ОБЩЕНИЯ И КОНТАКТА МЕЖДУ ШКОЛОЙ И СЕМЬЕЙ В ДЕНЬ ОТКРЫТОЙ ШКОЛЫ. МЫ ВСЕ ДОЛЖНЫ ПРИЛОЖИТЬ СОВМЕСТНЫЕ УСИЛИЯ И СОДЕЙСТВОВАТЬ ТОМУ, ЧТОБЫ ЭТОТ ДЕНЬ ПРОШЕЛ УСПЕШНО, ПОТОМУ ЧТО ЛИШЬ ПУТЕМ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ И УЧИТЕЛЯМИ МОГУТ БЫТЬ ДОСТИГНУТЫ ИХ ОБЩИЕ ЦЕЛИ И УСТРЕМЛЕНИЯ ВО ИМЯ НАИВЫСШЕГО БЛАГА УЧЕНИКА.

Максуэлл Э. Кларк,
директор.

ВСЕМ УЧИТЕЛЯМ:

Я УБЕЖДЕН И ВЕРЮ, ЧТО ВЫ БУДЕТЕ ПРИВЕТСТВОВАТЬ ЭТУ БЛЕСТЯЩУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ БОЛЕЕ ТЕСНОГО ОБЩЕНИЯ И КОНТАКТА МЕЖДУ ШКОЛОЙ И СЕМЬЕЙ В ДЕНЬ ОТКРЫТОЙ ШКОЛЫ. МЫ ВСЕ ДОЛЖНЫ ПРИЛОЖИТЬ СОВМЕСТНЫЕ УСИЛИЯ И СОДЕЙСТВОВАТЬ ТОМУ, ЧТОБЫ ЭТОТ ДЕНЬ ПРОШЕЛ УСПЕШНО И ПЛОДОТВОРНО: ЛИШЬ ПУТЕМ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ И УЧИТЕЛЯМИ МОГУТ БЫТЬ ДОСТИГНУТЫ ИХ ОБЩИЕ ЦЕЛИ И УСТРЕМЛЕНИЯ ВО ИМЯ НАИВЫСШЕГО БЛАГА УЧЕНИКА.

Максуэлл Э. Кларк,
директор.

* * *

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби, н. адм. о. с.
КОМУ: Всем учителям.

ДО ПРИХОДА РОДИТЕЛЕЙ УДОСТОВЕРИТЬСЯ В НИЖЕСЛЕДУЮЩЕМ И ПРОВЕРИТЬ КАЖДЫЙ ПУНКТ:

НАЛИЧИЕ МАТЕРИАЛОВ НА СТОЛЕ УЧИТЕЛЯ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЕГО (ЕЕ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (КНИГИ И Т. П.).

НАЛИЧИЕ МАТЕРИАЛОВ НА ДОСКЕ ОБЪЯВЛЕНИЙ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНИКОВ.

УКРАШЕНИЕ КЛАССА (НА УРОВНЕ).

ШКАФЧИКИ (ПУСТОТА).

ПОЛЫ (ЧИСТОТА).

ОКНА (ОТКРЫТЫ ИЛИ ЗАКРЫТЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОГОДЫ).

СТУЛЬЯ (РОВНЫМИ РЯДАМИ).

ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ УЧИТЕЛЮ УВИДЕТЬ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ РОДИТЕЛЕЙ, УДЕЛЯТЬ НЕ БОЛЬШЕ ПЯТИ МИНУТ КАЖДОМУ.

СПИСОК РОДИТЕЛЕЙ, ПОСЕТИВШИХ КАЖДОГО УЧИТЕЛЯ, БУДЕТ ХРАНИТЬСЯ В КАНЦЕЛЯРИИ. УЧИТЕЛЯ, ПОБЕСЕДОВАВШИЕ С НАИБОЛЬШИМ ЧИСЛОМ РОДИТЕЛЕЙ, БУДУТ ПООЩРЕННЫ.

УЧИТЕЛЬ — ЗЕРКАЛО ШКОЛЫ.

Дж. Дж. Макх.

* * *

КОМУ: Всем учителям языка и литературы.

НЕОБХОДИМО, ЧТОБЫ РОДИТЕЛИ ОСОЗНАЛИ, КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕЮТ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА КАК СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ. ЖЕЛАТЕЛЬНА ВЫСТАВКА УЧЕНИЧЕСКИХ РАБОТ С ЗАМЕЧАНИЯМИ УЧИТЕЛЕЙ И ИЗЛОЖЕНИЕ НА ДОСКЕ ПОСЛЕДНЕГО УРОКА.

УЧИТЕЛЬ — ЗЕРКАЛО ОТДЕЛЕНИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ.

Сэмюел Бестер,
заведующий учебной частью
по языку и литературе.

* * *

КОМУ: Всем учителям.

ПРОШУ НАПОМНИТЬ РОДИТЕЛЯМ, С КОТОРЫМИ ВЫ БУДЕТЕ БЕСЕДОВАТЬ, О ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ПИТАНИЕМ И УСПЕВАЕМОСТЬЮ.

Фрэнсис Игэн,
школьная медсестра.

* * *

ВНУТРИШКОЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

ОТ: Г. Пасторфилд.

КОМУ: С. Баррет, 304.

Дорогая Сильвия!

Не найдется ли у Вас двух-трех сочинений Ваших учеников для моей доски? Я еще не успела провести ни одного. Уйма благодарностей.

Генриетта.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил!

Если возникнут трудности, посылайте мне SOS. Вы встретитесь со всякими родителями. Но те, кто Вам больше всего нужен, не придут.

Беа.

* * *

ОТ: М. Льюис, 302.
КОМУ: С. Баррет, 304.

Дорогая Сильвия!

Нет ли у Вас тазика и губки? Сойдет и тряпка. Уборщица не явилась, и мне все это приходится делать самой!

Мэри.

* * *

ОТ: П. Барринджера, 309.
КОМУ: С. Баррет, 304.

Сильвия!

Если какие-нибудь родители все-таки покажут свой нос, постарайтесь от них скорее отделаться. Встретимся в обычном месте.

Пол.

* * *

ПОЧТОВЫЕ ОТКРЫТКИ

Уважаемая мисс Баррет, я мать Эдуарда Уильямса, но я не могу прийти, мне и без этого хватает дела, его отца увезли, он психический, и у меня хватает своих неприятностей и без школы. У Эдуарда много работы, он помогает мне по дому, так что не можете ли вы отпускать его пораньше?

Миссис Дж. Уильямс.

* * *

Уважаемая мисс Баррет!

Моя дочь Вивиан очень хотела, чтобы я пошла в школу, но я очень занята как раз сегодня. Вы — ее любимая учительница. Она пытается подражать Вам во всем, не знаю, принесет ли ей это пользу при ее-то фигуре. Моя вторая дочь совсем другая. Вивиан ест много сладостей, это сказывается на ее коже, она толстеет и ужасно выглядит. Я ей говорю-говорю об этом, но все как в пустую бочку.

Искренне ваша,
Элси Пейн.

* * *

Знают ли в Совете по образованию, что вы разрешаете своим ученикам читать вне школы такие сальные книги, как «Над пропастью во ржи»? Вы бы лучше заставили их читать Библию, но ее объявили вне закона.

* * *

Уважаемая мисс Баррет!

Не вина моего сына (Лу), что он неправильно пишет. Он из разбитой семьи. Когда он получает плохие отметки, он совсем опускает руки и начинает пропускать уроки. Он уже всех перерос в своем классе, так что все учителя сказали, что они его все равно переведут. В конце концов это всего лишь орфография.

Миссис Бесс Мартин.

* * *

Меня интересует, с кем Линда шляется после школы. Когда я ее спрашиваю, она дерзит. Отец ее колотит время от времени, но она все равно шляется. Ее сестры плохо кончили после того, как я всем пожертвовала для них, так что я очень тревожусь. Можете ли вы что-нибудь сделать?

Миссис Люсил Розен.

* * *

Уважаемая мисс Баррет!

Алиса не захотела, чтобы я пришла. А я рассчитывала на встречу с Вами. Не знаю, отчего она такая взвинченная. Не знаю, чем я ей не угодила.

Миссис Мэриэн Блэйк.

* * *

Моя дорогая мисс Баррет!

Я не успела поговорить с Вами, потому что была занята беседами с другими учителями. Для меня было бы удовольствием познакомиться с такой обаятельной учительницей, как Вы. Гарри Каган, мой сын, всегда очень хорошо отзывается о Вас. Надеюсь, что Вы будете по-прежнему руководить им в его карьере?

С искреннейшим приветом,
Альберта Каган.

Мисс Б.

Я вижу по работе моего сына, что школа не изменилась. Я в свое время тоже ненавидел ее, но я знаю, что им нужно образование. Я не понимаю, почему Чарльз пока получил только 68. Ему нужна средняя хотя бы 85, чтобы поступить в колледж, который я выбрал для него, хотя ему кажется, что он не хочет туда. Как налогоплательщик, пожалуйста, вникните в это.

Роджер Роббинс.

* * *

Уважаемая мисс Барнет, спасибо за приглашение, но я не смогу прийти и поговорить о своем сыне Хосе, будучи занят на фабрике в ночную смену, кроме дневной работы. Его мать тоже не может прийти, будучи умершей. Надеюсь, что вы извините за это.

С уважением,
Раймонд Родригес.

34. Вы же учительница!

12 ноября

Дорогая Эллен!

Только что вернулась домой после Дня открытой школы и должна кому-то высказаться.

Это был полный провал, хотя я и выполнила все инструкции. Достала в библиотеке суперобложки для украшения стен и навела порядок в стенном шкафу. (Почему это так бывает, что всегда что-нибудь да обнаружишь на дне шкафа? На этот раз — растрепанная, вся исписанная каракулями тетрадка девушки из моего класса Алисы Блэйк.) Я даже удостоверилась, что воткнутый в батарею флажок, которому мы салютуем каждое утро, прежде чем исполнить гимн нашей alma mater имени Калвина Кулиджа («Вы, верные сыны и дочери»), стоит под требуемым углом. (Как-то раз Адмирал Осел заметил, что он клонится куда-то не туда.)

Я общаюсь ежедневно с 243 учениками: 201 — на уроках английского языка и 42 — на классном часе. Но родителей пришло совсем мало. Одни прислали открытки, другие вообще

никак не откликнулись. Те, с кем мне особенно хотелось по-видаться, вовсе не пришли.

Не понимаю, зачем назначили День открытой школы так скоро после начала семестра. Мы даже не успели познакомиться со всеми учениками. И на классный журнал невозможно положиться — пометки о пропусках, опозданиях, галочки, крестики, а за что, разве упомнишь? Неприготовленный урок? Свист в классе? Брань?

Вот пришел чей-то отец прямо в рабочем комбинезоне. Пришел и сел, задумчиво скрестив руки на парте, наверно, вспомнил свои школьные дни. Матери — привыкшие к терпеливому ожиданию, изможденные, робкие, недоумевающие — сидели, сжимая в руках сумочки, готовые просить, уговаривать, жаловаться или просто надеясь на доброе слово. Некоторые были настроены вызывающе, это те, кто пришел либо отомстить своим давним учителям за пережитое когда-то в школе, либо просить особых привилегий для своих детей, либо требовать от учителя сделать то, с чем не справились сами.

А я? Кто я такая, чтобы советовать этим взрослым людям? Что я знаю об их детях? Несколько штампованных фраз из характеристик: «Старается, не старается, прекрасный мальчик, прекрасная девочка». Несколько эвфемизмов: «С удовольствием проводит время в школе» — это о болтуне; «Весьма активен» — это о том, кто разбивает окна.

Была минута, когда мне захотелось всмотреться — не похожи ли родители на детей; но нет — передо мной сидели тупо смотревшие на меня незнакомые люди.

МАТЬ: Как дела у моего сына?

Я: Его имя?

МАТЬ: Джим.

Я: А фамилия?

МАТЬ: Стобарт.

Я: Ах да. (Кто же это?) Давайте посмотрим. (С авторитетным видом открываю журнал, быстро просматриваю — бесполезно. Стобарт? Это не тот ли парнишка, который все стучал карандашом по парте? Или это маленький розовощекий крепыш, который никогда не снимает пальто? Не вижу его фамилии в классном журнале. Может быть, мать что-нибудь подскажет?)

МАТЬ: Я по поводу плохой отметки, что вы ему поставили.

Я: По-видимому, он не старается. (Должно быть, это тот ученик, сочинение которого состояло из одной фра-

зы: «Я много пропустил, не знаю, что писать».) Он должен упорнее работать.

МАТЬ: Исправьте ему отметку, и он больше не будет.

Я: Боюсь, что это не выход из положения. Он, по-видимому, мало занимается.

МАТЬ: Вы считаете, что он тупица?

Я: О нет.

МАТЬ: Он боится открыть рот. Шлепайте его, не стесняйтесь давать ему шлепка.

Я: Он должен проявлять больше инициативы.

МАТЬ: Я все перепробовала. (В ее голосе — беспомощность, а в глазах — уж не слезы ли?) Ну, будьте добры, исправьте ему отметку.

Я: Как по-вашему, почему он так плохо успеваает?

МАТЬ: Вам виднее. Вы же учительница.

Я: Он едва-едва плетется.

МАТЬ: Что вы хотите от него, ведь он у меня недоношенный. Он больше не будет.

Я: Что ж, хорошо, что это волнует нас обеих. Если дома будут следить, пусть его отец...

МАТЬ: Этот сукин сын, подонок, шесть лет о нем ни слуху ни духу, надеюсь, он гниет где-нибудь в аду. (Все тем же извиняющимся мягким, просящим голосом.)

Я: Хорошо. (Прошли положенные пять минут, я слежу по часам.) Очень рада была с вами познакомиться. (Но она не уходит.) Что-нибудь еще?

МАТЬ: (Так это были не слезы, а злость!) Ну что вам стоит исправить ему отметку? Головы с вас не снимут за это.

Я: Но вы понимаете, что его знания не соответствуют...

МАТЬ: Ну, будьте так добры, хотя бы оставляйте его после занятий. Я уже измучилась с ним.

Я: Боюсь, это невозможно. Видите ли...

МАТЬ: Но вы же *учительница*. Он послушается *учительницу!*

Я: Давайте постараемся общими усилиями заставить его больше работать, он ведь так много пропустил...

МАТЬ: Наверно, он ходил бы чаще, если бы вы понятнее объясняли физику.

Я: Физику? Я преподаю литературу.

МАТЬ: То есть как это?

Я: В какую комнату вас приглашали?

МАТЬ: В 306-ю. К миссис Мангейм.

Я: Это недоразумение. Вам нужен мистер Мангейм, а я — мисс Баррет, 304-я комната.

МАТЬ: Что же вы сразу не сказали?

И все-таки этот день мне кое-что дал. Я узнала, что отец ученика не является в школу по той простой причине, что отец этот в тюрьме; что государственные завтраки, на которые всегда жалуются ребята, — зачастую все, что они едят за день; что засыпающий в классе парень работает по ночам в гараже; что девушка не готовила уроков, потому что ей негде их готовить.

Сколько мне еще всего предстоит узнать!

А пока пиши мне, пиши поскорее. Твои письма как проблеск «настоящей жизни». А здесь можно врасти в себя, как врастают в кожу ногти.

Твоя Сил.

Р. С. Знаешь ли ты, что из-за постоянного переезда семей, скрывающихся от уплаты налогов, в некоторых школах состав учащихся в течение учебного года сменяется на 100%?

С.

13 ноября

КОМУ: Всем учителям.

ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС И С РАДОСТЬЮ ОТМЕЧАЮ ПОЛНЫЙ И БЕЗУСЛОВНЫЙ УСПЕХ ПРОВЕДЕННОГО ВЧЕРА ДНЯ ОТКРЫТОЙ ШКОЛЫ. ИМЕННО С ПОМОЩЬЮ ТАКИХ ВСТРЕЧ РОДИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ МОГУТ БЫТЬ УСТАНОВЛЕНЫ И ДОСТИГНУТЫ БОЛЕЕ ТЕСНЫЕ КОНТАКТЫ МЕЖДУ ШКОЛОЙ И СЕМЬЕЙ.

*Максуэлл Э. Кларк,
директор.*

35. Просьба не стирать!

*Класс мисс Льюис
Кого ты видел вчера?
дополнение
Джон видел кого вчера
обстоятельство времени
Джон — подлежащее
он — кто
его — кого*

*Не стирать!!!
Классы мисс Баррет:
Мисс Б. Я здесь, так что
не считайте меня отсутст-
вующей. Почему меня здесь
нет, это потому, что я в
канцелярии.*

*Кэрол
Не стирайте!!!*

*Задание на понедельник:
Написать сочинение из трех
главок на одну из следую-
щих тем. Подчеркнуть под-
лежащее одной чертой, до-
полнение — двумя.*

*Книги для дополнительного
чтения на моем столе. Про-
шу перед уходом взять по
одной.*

Мура-Вей

*Что значит быть американ-
цем?*

Осенний заход солнца.

Наш атомный век.

Наш сад.

Не стирать!!!

*Напишите свои краткие со-
ображения по поводу ин-
теграции¹ в школах.*

Не стирать!

36. Интеграция

Хотя я лично белый и поэтому вне этого, я верю в интеграцию. Я считаю, что мы должны быть на уровне нашего времени и поэтому быть более терпимыми к другим расам. У нас тоже есть право на человечность. В конце концов, они тоже голосуют. «ВО», председателем которой я являюсь, гордится тем, что мы живем в демократической стране.

Гарри А. Каган,
избранник учеников.

1. До какой глупости можно дойти?
 - А. Вozить ребят в школу на автобусах за многие мили.
 1. Чтобы бессмысленно тратить время.
 2. Потом возвращаться в жалкие трущобы
(после школы).
 2. Нельзя нами играть, как шариками разного цвета.
 3. Требуется время.
 - А. Линкольн (Рабы).
 - Б. Рим.
(Не был построен за один день).

Подросток.

¹ Имеется в виду совместное обучение белых и цветных.

Я горжусь своим африканским происхождением, но терпеть не могу пуэрториканцев.

Аноним.

Доброе утро, вдруг проснулись! Давно пора! Только взялись не с того конца. Так или иначе хорошо, что ребятам можно не заниматься. Надо бы устраивать бойкоты каждый день, чтобы не ходить в школу. (Ха-ха, шутка!)

Лу Мартин.

По-моему, вот чего они боятся — если мы будем сидеть в школе рядом, мы все переженимся, а какого же цвета будут дети? Это глупо. Все идет от личного магнетизма.

Линда Розен.

Что в этом хорошего, если за школой дискриминация остается. Никуда не денешься. Прежняя школа хоть была близко от дома, и я мог спать побольше, но тоже без всякой пользы.

Эдуард Уильямс.

Много всяких чувств носится вокруг. Надо их зажать и выпустить пар.

Мура-Вей.

В этой школе примерно 65 к 35 в пользу белых, но если бы счет был 50 на 50 и больше учителей-негров, можно было бы сравнивать. А если дойдет до 35 к 65 в нашу пользу, тогда придется начинать все сначала, чтобы вернуть равновесие.

Мистер Икс.

В нашем квартале на этой почве произошла поножовщина. Интеграция только уменьшает уважение к нашей школе и прибавляет обидные прозвища для цветных.

Мир слишком сложен, и все мое будущее в тумане. Посмотрели бы вы на нашу кухню. Ходить в другую школу бесполезно. Нельзя нас укладывать, как близнецов в одну ванну. Может быть, тебе этот тип не нравится, почему ты должен сидеть с ним рядом? Им бы только увидеть свою фамилию в газетах.
Присутствующий.

Почему нет пуэрториканских учителей? Почему нет пуэрториканского президента (ВО) или директора? Ответ — интеграция.

Американский гражданин.

И не у белых
Права должны быть,
Но не в драках их раздобыть.

Поэт.

У людей бывает с самого рождения ненависть к каким-то народам. Законами это не изменишь. Только добровольно. Наша страна — плавильный котел, в нем разное может перевариться.
Хосе Родригес.

Когда «бомба» летит вверх, а «нравственность» падает вниз, к чему вся эта «шумеха»?

Чарльз Роббинс.

Я считаю, что все белые, черные, коричневые и желтые должны объединиться и интегрироваться против красных (комми) и розовых.

Убывающий.

Неприятности начинаются там, где мы живем, а не в школе. Я говорю о вонючих жилищах.

Фрэнк Аллен.

Г. Д. (негр из нашего класса) обнимал Дж. Н. (белую на лестнице), а К. Б. (пуэрториканка) равнодушна к К. Р. (белому). Мне все равно, но мои родители против этого.

Угадайте кто?

Интеграция просто розыгрыш. Кого они думают обмануть? А как насчет работы? А насчет будущего, о нем забывают.

Меньшинство.

Бог создал нас всех одинаковыми изнутри. Дело только в коже. Можно исправить свою наружность, несмотря на все приграды. Одни расы худее других. И дело учителя — заставить всех почувствовать себя равноправными, как делаете это вы. Вот почему я хочу быть учительницей литературы.

Вивиан Пейн.

Меня это не волнует. Хватает других проблем.

Рэсти.

Я очень дружу с негритяжкой Бетти, и я ничего не замечала, пока один раз не пошла к ней домой. Когда ее отец открыл мне дверь, я удивилась, что он негр. Я к ней так привыкла, что она мне казалась нормальной.

Лентяйка Мэри.

Если сравнивать неинтегрированную школу, откуда я пришел, с нашей, то это как день и ночь. Здесь учителя стараются обучить нас всему, что возможно и выданные книги можно брать с собой на дом. И классы в разных комнатах, все удобства, как дома.

Переведенный.

Если бы поручить это ребятам, такой вопрос даже бы не поднимался.

Кэрол (бывшая Кармелита)
Бланка.

Пусть они имеют дело со своими. Нам они не нужны. У нас есть своя жизнь. Мы долгое время обходились без них, зачем же сейчас все менять? От этого одни неприятности.

Ученик-негр.

На уроке социологии мы уже обсуждали это до смерти. Осточертело. Я пишу в последний раз.

Ястреб.

Лично я давно прошел интеграцию, сдувая из тетрадей всех учеников нашего класса.

Неудачник.

Вы можете угадать по моему почерку, белый я или нет?
Застенчивый Никто.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

37. Аккуратно, чернилами

ТЕТРАДЬ

Алиса Блэйк.

Классный наставник — мисс Баррет.

Школа им. Калвина Кулиджа.

Комната 304.

Вносить *все* записи в тетрадь. Писать аккуратно, чернилами.

Поля — 1,5 дюйма.

Не я построил этот мир.

Я в нем блуждаю, чужд и сир.

Как верно сказано, как верно! Откуда автор знал?..

К пятнице исправить:

1. Катаясь в лодке, луна навевала грусть.

Испр. Луна, катаясь в лодке, навевала грусть.

Или: Луна, навевала грусть, катаясь в лодке.

2. Выглядывающая из окна, было дерево.

Испр. Выглядывающая из окна, перед нами виднелось дерево.

3. Проходя по коридору, нашелся карандаш.

Испр. Карандаш, проходя по коридору, был найден мной.

Активный словарь: примените три раза, чтобы сделать это слово своим.

Пассивный словарь: не примените три раза.

Составить три предложения с новыми словами:

Таинственный — Она была очень таинственной.

Мстительный — Она была очень мстительной.

Нерешительный — Она была очень нерешительной.

На завтра история и математика: прочитайте и выучите даты и события, относящиеся к войне.

Гл. 14 ответить на вопрос. Загл. в конце учебника.

Завтра может быть контрольная — (Отсутствовать!)

«Апрель — беспощадный месяц...»¹

Не забыть выучить наизусть все стихи, кот. читал нам Барринджер.

¹ Т. С. Элиот. Бесплодная земля. Перевод А. Сергеева. М., «Прогресс», 1971.

Его голос... Изогнутая бровь... нет, я не выдержу... Это невыносимо...

Дать маме подписать

СПРАВКА О СОГЛАСИИ РОДИТЕЛЕЙ

Я даю своему сыну _____ разрешение
дочери : _____
приобрести билеты на и мне известно, что эта постановка в основном предназначена для взрослых, а не для детей.
Подпись родителя или опекуна
Дата

Кэрол, ты уже прочла «Фанни Хилл»?

Алиса.

Я читаю «о раке» — ничего нового.

Кэрол.

Дай взглянуть на твою математику.

Алиса.

Я не приготовила. У меня задержка уже четыре дня. Я схожу с ума!

Кэрол.

Кого ты хочешь обмануть? Ты же еще девушка. А.

Ты так думаешь! Какой длинный классный час. К.

Не разбираю твой почерк. Шепни на ухо, а не пачкай тетрадь. А.

Нельзя — мисс Баррет смотрит в нашу сторону. К.

Она — хорошенькая. А.

Я знаю, что ты ее ненавидишь. К.

Дура. А.

Она равнодушна к Барринджеру. К.

Ты дура. У нее приятная улыбка, не искусственная. А.

Ты все равно ее ненавидишь. Как упр. 9? Чему равен x ? К.
5,3 галлона. А.

Как это получилось? К.

Списала ответ в конце учебника. А.

О, мой любимый... если бы Вы знали... если бы Вы понимали меня... Когда я в первый раз вошла в 309-ю, сердце подска-

зало, что это судьба... Когда вы посмотрели на меня... Никто на свете не сможет понять это глубокое чувство, как Вы, мой единственный... Если бы только в прошлое воскресенье я доехала на метро до Вашей...

Кэрол, тебе нравится ее платье. Т. е. мисс Баррет? Цвет?
Алиса.

Оно ей идет. К.

Она уж очень красится. А.

Только губы. Она равнодушна к Барринджеру. К.

Ты измазала мою тетрадь... А.

Ты первая начала. К.

Потому что мы сидим по алфавиту... Сзади меня никого нет. А.

Ты, видно, гений. Ты знаешь, что Кэрол идет после Алисы.
К.

Шепчи лучше. А.

Не забыть: найти Т. Элиота, поэта. Посмотреть, что значит «дремучий»?

Je veux tu veux il veut
nous voulons vous voulez ils¹

Приготовить математику. Стр. 51, упр. 3, стр. 60, упр. 1, 7, 10. Французский — Traduizes² § 2 и повторить глаголы для контрольной. Физика — ??? Мангейм опять забыл дать домашнее задание. (Отсутствовать!)

(Записать в дневник, как видела Пола и Баррет в кафе и теперь болит душа... И как он держал дверь, когда я проходила и его рукав дотронулся до моей руки. Как описать невыносимое волнение?..)

Приобрести — 3 разных тетради. По математике он хочет с твердой обложкой 6 на 4 без линеек и только карандашом. По английскому должны быть отдельные листы 8 на 10,

¹ Спряжение французских глаголов.

² Перевести (искаж. франц.).

а французскую тетрадь она хочет с мягкой обложкой для спряжений. Для занятий по соц.— таблицы разных цветов.

«Апрель — беспощадный месяц»... (Прочеть и выучить наизусть.)

Сколько до звонка? Кэрл.

Тебе некогда? Алиса.

Классный час противный. К.

Дура. А.

Вся школа противная. К.

И мальчишки противные. Особенно Фероне. А.

Он безумно влюблен в Баррет. К.

Дура. Не пачкай мою тетрадь. А.

И книги, что мы проходим, противные.

Совесть о двух бородах.

Дурацкий осел Марнер.

Не забыть: четверг — День открытой школы. (Сказать маме, чтобы не ходила!)

Ведь может случиться, что кто-то, кого ты вдруг увидела на платформе в метро, послан тебе судьбой, но он едет в другую сторону. И вы никогда больше не встретитесь. Алиса.

Ты веришь в судьбу? Кэрл.

Нет, только в рок. Алиса.

Я тоже. К.

Спряжение.

Decline et ecrivez en francais¹.

Просмотреть и подготовить к обсуждению закон Маккаррена.

~~Алиса Блэйк~~ — замужество

~~Поли Барринджер~~ — дружба

Любовь-ненависть-дружба-брак

Алиса Блэйк — замужество

Поли Барринджер — тоже получается свадьба!!!

Миссис Поли Барринджер, Алиса Барринджер

Миссис Алиса Б. Барринджер

Барринджер, Алиса

¹ Просклоняйте и напишите по-французски (искаж. франц.).

Список моих любимых книг:

1. Это мой любимый
2. Над пропастью во ржи
3. Поэмы о любви всех веков
4. Брачный учебник
5. Зен

Новолуние — ночь без луны.

Полная луна — не прозевать полную луну и попробовать сочинять стихи!

Мой день рождения — под знаком Вола или Быка. А день рождения Пола?

Кто родился в апреле: камень — бриллиант, цветок — душистый горошек.

Кто родился в мае — изумруд, цветок — ландыш.

Они всегда перебивают, когда она обращается к нам. Ты купила билет у Кагана на танцы в День Благодарения? Алиса.

А кто это выбрал Гарри Кагана и зачем? Он у меня в печенках. Кэрл.

А у меня еще глубже. Ты пойдешь? А.

Фрэнк взял мне билет. А ты пойдешь? К.

Каждый день уродуешь мою тетрадь! А.

Ты сама начала. К.

Я

Рост — 5 футов, 2 дюйма

Вес должен быть 110 (ф.), а на самом деле 112

Цвет волос — брюнетка

Цвет глаз — серо-голубые или сине-серые

Моя фамилия, адрес, телефон, ближайший родственник, школа, класс, группа крови, аллергия, любимый цвет, счастливый номер, любимое, нелюбимое.

Калории: бекон — 95 кал.

гамбургер — 245

печ. картошка — 145?

мороженое (ванильное) — 200

кока-кола — 80

пицца — ?

Заметка себе: не горбиться. Узнать, что значит «дремучий».

Самые большие города мира: Токио, Лондон, Нью-Йорк.

Самые элегантные женщины.

Самые известные кинозвезды.

О, мой любимый, если бы Вы знали... Я так близко и так далеко... в той же комнате. Вы слышите, как бьется мое сердце?... Я готова... я готова ради Вас на все... В прошлое воскресенье я доехала на метро до Вашей остановки (Ваш адрес я списала с табельной карточки), и я ходила взад и вперед по улице у Вашего дома... взад и вперед... чтобы только увидеть, где Вы живете. Секунду я видела Вас в окне... А может быть, это были и не Вы. Мое сердце разрывалось от любви и горя... Если бы я могла умереть ради Вас!.. Как леди Шалот, про которую Вы нам читали, как ее мертвое тело проплывет по реке под его окном, и Ланселот так и не узнал... так и не узнал... а только говорил: «Прелестное личико леди Шалот...»

Не знаю, хватит ли у меня силы послать Вам это письмо... чтобы оно попало в Ваши руки... Доверить Вам свою душу... Может быть, тогда Вы по-настоящему узнаете меня... узнаете меня!!!! «Алиса,— скажете Вы,— милая Алиса, когда Вы в первый раз вошли в 309-ю, сердце подсказало мне... Что это моя судьба...» Пол, любимый мой, я тоже это почувствовала, и сердце мое бьется сильно-пресильно. Помните, как Вы держали дверь, когда я проходила, и мой локоть дотронулся до Вашего рукава?

Иногда мне кажется, что я совсем одна в Мире и даже во Вселенной... Нет никого, кроме меня, и мне хочется прыгнуть в небо все выше и выше и раскрыть объятия и кричать как сумасшедшая или плакать и рыдать... Не знаю, что со мной, но это невыносимо. «Меня преследуют тени»,— сказала леди Шалот... Сегодня утром, когда Вы говорили с мисс Баррет в кафе, я хотела умереть или убить ее, хотя она очень хорошая учительница. По ночам в постели я молюсь потолку. Дорогой Потолок, сделай так, чтобы он полюбил меня или заметил мою парту... Сделай меня достойной его... Сделай так, чтобы я попала в его волнующие объятия! Когда я гляжу на трещины в потолке и на все уродливое кругом, мне кажутся не настоящими мой дом и мои родители... Как будто настоящая жизнь где-то в другом месте... на освещенных лунным светом террасах, в тропических садах, иностранных городах и дремучих лесах. Мы вместе стоим на дремучей горе и Ваши жадные губы рвутся...

Ацетилен в воде плюс что?

Поташ.

Щавелевая кислота

Закон Бойля

Слова — мучители — переписать в тетрадь три раза, аккуратно, чернилами:

нодаедать
нодаедать
нодаедать.

Je me porte tres bien et vous?
Merci. Je aussi ¹.

Не забыть написать письмо Барринджеру красиво, на розовой бумаге и опустить в его ящик для писем. Слабо!

Вторник — собрание отложено на среду. Музыкальная программа. Слушать внимательно. Не топтать ногами, когда аплодируешь.

Кавычки, когда обращаются к одушевленному предмету.
Без кавычек — к неодушевленному (3-е лицо).

Принести деньги на «Схоластик» (Достать у КОГО???)

Кэрол, что я вчера пропустила? Алиса.

Доктор Бог Е. Кларк произнес речь. Одно и то же. И д-р Бесдар высказался по поводу литературы, и мы пропустили половину физики из-за учебной тревоги. Ты ничего не пропустила. Кэрол.

Гость — докладчик о «Призваниях у молодежи»:

Археология
Диэтика
Лесничество
Право
Медицина
Шляпное дело
Холодильники
Религия
Педагогика.

Мой обожаемый... В прошлое воскресенье, когда я доехала на метро до Вашей остановки, Вы совсем не знали, что я...

Не забыть: укоротить юбку, взять туфли у сапожника. Бросить письмо в ящик П. Б. завтра и отсутствовать.

¹ У меня все очень хорошо, а у вас?
У меня тоже (*искаж. франц.*).

А.Б.Б.

П.Б.

Алисе Блэйк Барринджер — А. Б. Б.

(А. Б. — такие же инициалы, как до замужества!!!)

Кэрол, ты подготовила Диктатуры? Алиса.

Макхаби — диктатор! Кэрол.

Он дрянь. А.

Мисс Пасторфилд — дрянь. Она влюблена — ты знаешь в кого! К.

Он ведь совсем еще ребенок! А.

Ей все равно. Она без ума! К.

Я считала, что Боб ухажер Линды. А.

Один из ее ухажеров. Она идиотка. К.

Наоборот. А.

Мне кажется, что Пол Б. безумно влюблен в С. Барр. К.
Ты дура! И перестань пачкать мою тетрадь! А.

Дорогой Любимый, мое сердце разрывается от одиноч.

Американская Партия Труда
Laissez-Faire Capitalisme¹

Если $X = \frac{2y}{4}$ то сколько

Не забыть: хватит таскать его с собой и Решись!!!

Алиса, что с тобой? Тебе было дурно? Отчего ты вышла из класса? К.

Мне нужно было достать из ящика для писем то, что я туда бросила. Алиса.

Достала? К.

Нет, уже слишком поздно. А.

О боже, милый боже, что я сделала! Мое письмо уже у него... Он держит в руках мою раскрытую душу. Я умру... Я просто умру...

Ответьте на следующие вопросы в конце главы...

¹ Свободный капитализм (франц.).

Дорогой мистер Барринджер,

В прошлом воскресенье я доехала
на метро до Вашей остановки. Я
спросила ее, Вашей табельной карточки.
Надеюсь, что Вы не рассердитесь,
что я ногаедало... Я ходила назад
и вперед у Вашего дома... А назад и
вперед, и мне казалось, что я увидела
Вас, и мое сердце качывалось от
той любви, которой я к Вам горю.

Как глубоко до меня доходит
Красота и истина в поэзии, кото-
рую Вы читаете в классе... ни до
кого так... особенно подобные
строки, как "прекрасное ликико
у ноги Малом".

Я все время думала о Вас и
дружей кожно, я молчала, чтобы
стать достойной Вас и Ваших
перечислений. Надеюсь, что мы
понимали друг друга и больше
никого дружи. И если Вы пожелаете,
я бы и умерла ради Вас, я готова
с радостью... Я надеюсь, Вы не сме-
наете меня ногаедавать, но я думаю,
была высказать всю правду. Я пишу
правду.

С теплыми приветиями
Ваша Агнеса Блэйк

Агнеса,
СПАСИБО ЗА ЗАПИСКУ. ВАМ СЛЕДУЕТ ОБРАТИТЬ
ВНИМАНИЕ НА ОРФОГРАФИЮ И ПУНКТУАЦИЮ.
НЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЯЙТЕ МНОГОТочИЯМИ.
ИЗБЕГАЙТЕ ПОВТОРЕНИЙ И ШТАМПОВ.
ПРОВЕРЬТЕ ТОЧНЫЙ ТЕКСТ ПРИВЕДЕННОГО ВАМИ
СТИХА В ПОЭМЕ ТЕННИСОНА
"КОРОЛЕВСКИЕ ИДИЛЛИИ". П.Б.

38. Досадное происшествие

Дорогая мисс Баррет!

Спасибо за все... Вы не виноваты... Я желаю Вам счастья и радости в жизни... Когда-нибудь все поймут... Всего самого лучшего... Надеюсь, вы не будете переживать из-за меня.

Алиса Блэйк.

* * *

ВНУТРИШКОЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

Дорогая Сильвия!

Найдется ли у Вас кусочек мела?

Что за шум во дворе?

Генриетта.

* * *

ОТ: Мэри Льюис, дирекция.

КОМУ: С. Баррет, комн. 304.

Сильвия!

Как это ужасно! Совершенно ужасно! У нас такого не было с тех пор, как я работаю в школе. Где Пол? Его табельная карточка на месте, а его нигде нет. Как ужасно, что это случилось в его классе.

Мэри.

(В дирекции настоящий бедлам. Финч — в истерике, я никогда ее не видела в таком состоянии.)

* * *

ОТ: Маркуса Мангейма, комната 306.

КОМУ: Сильвии Баррет, комната 304.

Уважаемая мисс Баррет, меня вызывают в свидетели, хотя я, собственно, ничего не видел, а только проходил мимо 309-й комнаты. Если у Вас нет урока, не можете ли Вы посидеть в моем классе, пока я подпишу всякие бумаги и протоколы? Благодарю Вас.

М. Мангейм.

ОТ: Дж. Дж. Макхаби, н. адм. о. с.

КОМУ: Всем учителям.

ВСЕМ УЧИТЕЛЯМ И УЧЕНИКАМ ОСТАВАТЬСЯ В СВОИХ КЛАС-
САХ, НЕ ОБРАЩАЯ ВНИМАНИЯ НА ЗВОНКИ, ПОКА НЕ ПРИБУ-
ДЕТ «СКОРАЯ ПОМОЩЬ».

Дж. Дж. Макх.

* * *

Уважаемая мисс Баррет, прошу прислать медицинскую кар-
точку Алисы Блэйк — срочно!

Есть ли у Вас бланки рапортичек «Несчастный случай»? У меня
они все вышли — срочно!

Не знаете ли Вы, где мистер Барринджер? Срочно!

Фрэнсис Игэн,
медсестра.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил! Это тяжело, я знаю, но постарайтесь чем-
нибудь занять класс. Вы не знаете, где Пол? Она, кажется,
оставила ему письмо на столе в его классе.

Беа.

* * *

ОТ: Дж. Дж. Макхаби, н. адм. о. с.

КОМУ: Всем учителям.

ПРОИЗОШЛО ДОСАДНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ, НЕ ОБСУЖДАТЬ
НИ В ЗДАНИИ ШКОЛЫ, НИ ВНЕ ЕЕ, ПОКА НЕ ПРИБУДЕТ ПО-
ЛИЦИЯ. НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ДОПУСТИТЬ НАНЕСЕНИЯ
УЩЕРБА РЕПУТАЦИИ НАШЕЙ ШКОЛЫ.

Дж. Дж. Макх.

* * *

Уважаемая мисс Баррет! Пожалуйста, заполните графу
«Прыгнула или упала» над красной чертой в ПУП Блэйк Алисы.

Обратите внимание на то, что ее характеристики за послед-
ние четыре семестра заметно улучшились:

Семестр 1: приветлива и трудолюбива.

— " — 2: потенциальный руководитель.

3: исполнительна — дежурная по доске.

4: добрая девушка, вежлива.

Весьма нетипично для девушки с таким устойчивым ПУП совершить подобный поступок, но есть факторы вне нашего контроля.

Элла Фриденберг,
советник по воспитанию.

* * *

Уважаемая мисс Баррет! Пожалуйста, заполните прилагаемую рапортчку об экстренном вызове.

КОМУ: Родителям или опекуну
ПРЕДУПРЕЖДЕН
НЕ ПРЕДУПРЕЖДЕН
ПО ТЕЛЕФОНУ
ПО ТЕЛЕГРАФУ

КОМУ: Родителям или опекуну
С СОЖАЛЕНИЕМ ИЗВЕЩАЕМ ВАС, ЧТО ВАШ
СЫН
ДОЧЬ

* * *

ВНУТРИШКОЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил, нужна ли Вам моя помощь?

Беа.

* * *

ОТ: Дж. Дж. Макхаби, н. адм. о. с.

КОМУ: Всем учителям.

ПРЯМЫМ СВИДЕТЕЛЯМ СЛУЧИВШЕГОСЯ НЕ ПРЕПЯТСТВОВАТЬ ПОЛУЧЕНИЮ ПОЛИЦИЕЙ ВСЕХ НЕОБХОДИМЫХ ЕЙ СВЕДЕНИЙ, О ЧЕМ НЕМЕДЛЕННО ДОЛОЖИТЬ В КАНЦЕЛЯРИЮ.

Дж. Дж. Макх.

* * *

ОТ: Г. Пасторфилд, комн. 307.

КОМУ: С. Баррет, комн. 304.

Дорогая Сильвия!

Что нового? Появился ли Пол? Говорят, она послала ему любовное письмо! Вот что происходит, когда подавляются половые инстинкты. Обо всем этом надо говорить открыто.

Генриетта.

* * *

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби, н. адм. о. с.

КОМУ: Всем учителям

СЛЕДУЮЩИЕ ДВА УРОКА БУДУТ СОКРАЩЕНЫ ДО 38 МИНУТ КАЖДЫЙ, С ТЕМ ЧТОБЫ УДЛИНИТЬ ПЕРВЫЙ УРОК В СВЯЗИ С ДОСАДНЫМ ПРОИСШЕСТВИЕМ. ЧТОБЫ ПРЕДУПРЕДИТЬ ПОДОБНЫЕ ИНЦИДЕНТЫ В БУДУЩЕМ, УЧИТЕЛЯМ НАДЛЕЖИТ УДВОИТЬ БДИТЕЛЬНОСТЬ И НЕ ОСТАВЛЯТЬ КЛАССНЫЕ КОМНАТЫ БЕЗ ПРИСМОТРА В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ.

Дж. Дж. Макх.

* * *

Не обращать внимания на звонки.

Сэди Финч,
школьный
секретарь.

* * *

ТЕЛЕФОНОГРАММА

ДЛЯ: Мисс Баррет, 304.

В ответ на Ваш звонок из больницы сообщили, что положение без изменений.

* * *

Уважаемая мисс Баррет, если Вы свободны, посидите за меня в медицинском кабинете. Мне надо где-нибудь полежать.

Фрэнсис Игэн,
медсестра.

* * *

ОТ: Мэри Льюис, дирекция.

КОМУ: С. Баррет, комната 304.

Дорогая Сильвия, Пол только что появился на горизонте.

Угадайте, кто пробивал каждое утро его табельную карточку?
Сэди Финч!

Мэри.

* * *

Уважаемая мисс Баррет, это было ужасным ударом для всех нас, и особенно для тех, кто, как и Вы, знал девушку. Если Вам сейчас трудно проводить уроки, я готов Вас заменить.

Искренне Ваш,
Сэмюел Бестер.

* * *

Сильвия! Стоило мне открыть дверь, как я попал в это осиное гнездо. И оказался злодеем из мелодрамы. Неужели кто-нибудь считает, что следует поощрять несовершеннолетних невращеничек? Мое преступление, собственно, сводится к тому, что я не был в своем классе на первом уроке — хотя у меня по расписанию урока не было. Как я мог предвидеть, что она войдет сюда и сделает это? Говорят, что все могло быть еще хуже, если бы она не зацепилась за выступ окна. Благодарю бога за эти скудные милости. Она оставила мне записку, полную многоточий и нежностей. Это после ранее посланного любовного письма, с которым я обошелся единственно мыслимым способом.

Ну как не выпить с горя! Пойдем обедать вместе?

Пол.

* * *

ОТ: Дж. Дж. Макхаби, н. адм. о. с.
КОМУ: Всем учителям.

УРОКАМ СЛЕДОВАТЬ ПО РАСПИСАНИЮ, НЕВЗИРАЯ НА ДОСАДНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ, УЧИТЕЛЯМ ПРЕСЕКАТЬ НЕЗДОРОВОЕ ЛЮБОПЫТСТВО СО СТОРОНЫ УЧЕНИКОВ.

Дж. Дж. Макх.

* * *

Уважаемая мисс Баррет!
Можно собрать в нашем классе деньги на цветы для Алисы?

Если она выживет. Дело в том, что она всегда сидела впереди меня.

Кэрл Бланка.

39. Дебет и кредит

17 ноября

Дорогая Эллен!

Столько произошло с тех пор, как я писала тебе в последний раз. Не знаю, с чего и начать. Маленькая Алиса Блэйк выбросилась из окна. Но вместо того, чтобы, как у Теннисона, проплыть мимо любимого бледной и прекрасной, она лежит в больнице в гипсе и на вытяжении. Девочке грозит операция бедра, сказал мне врач. Может быть, она останется хромой на всю жизнь. Ни школьных подруг, ни учителей она к себе не пускает.

А нас захлестнул поток директив.

Макхаби приказал держать престиж школы на высоте, а учеников — на своих местах.

Бестер напомнил преподавателям, что окна следует открывать только сверху. Я обещала — но что делать с разбитым окном, оно ведь разбито внизу?

Появился циркуляр Кларка, адресованный классным наставникам, предметникам, советникам, заведующим учебной частью, администрации, канцелярским работникам, тренерам и хранителю здания: все мы, напомнил он, должны сознавать свою ответственность за демократию.

Пол спрашивает: а как бы я отнеслась к любовному письму от ученика. Не знаю, может быть, поговорила бы с ним, может быть, выслушала его. Не знаю.

Как грустно, что никто из нас не слышит друг друга.

Важное тонет в мелочах, катастрофы — в нелепостях. В школе поднялся было шумок из-за секретарши, которая, как выяснилось, пробивает табельную карточку Пола. В общем-то это вполне благородно — она на практике доказала свою любовь. После неожиданного взрыва чувств мисс Финч по-прежнему бесстрастно стучит на своем мимеографе.

Это была неделя прорвавшихся страстей. Генриетта Пасторфилд, наша просвещенная старая дева, «своя в доску», добрая подружка всех учеников, застала своего любимца Боба с Линдой Розен в пустой читальне. С ней началась истерика, и ее от-

правили домой. «Девчонка совсем безграмотна,— выкрикивала она, рыдая,— он — победитель литературного конкурса, а у нее в каждом слове ошибки...»

Она до сих пор не вернулась, и ее замещает молодая учительница, до последнего времени работавшая в профессиональном училище. Хотя у нее диплом преподавателя языка и литературы, ее в свое время определили на отделение обувщиков, где она преподавала историю обуви, начиная с «Золушки» и «Кота в сапогах», кончая Голсуорси и современной рекламой. «Лучших уроков по истории обуви у них не было,— улыбаясь, похвасталась она.— Все было хорошо, пока однажды в класс, попякивая наручниками, не пришел полицейский: "Сударыня, я должен забрать этого парня"». Конечно, наша школа кажется ей раем.

Пока Генриетта приходит в себя после столкновения с действительностью, а Алиса лежит в больнице, жизнь идет своим чередом. Мы сейчас готовимся к полугодовым экзаменам и к празднованию Дня Благодарения.

Но попытка Алисы покончить самоубийством не прошла бесследно для школы. Учителя теперь своевременно отбивают табельные карточки, а Пол назначил дежурного, который стережет класс в его отсутствие.

Ты спрашиваешь о Уиллоудэйле и о Фероне. Отвечу по порядку. Из Уиллоудэйла я получила чрезвычайно приятное письмо от декана. Он обращается ко мне как к знатной даме и видному специалисту (это ко мне-то!) и приглашает в декабре для переговоров.

А Фероне? Он все испытывает меня своими фокусами. То притворится глухим и просит меня повторить. То с шумом уронит книги, долго возится, поднимая их, и снова роняет. Приходит поздно и стоит, осклабясь, в дверях. Отвечает мне с фальшивой покорностью: «Как прикажете, вы — начальство». Покачивается на каблуках, руки в карманах, во рту — неизменная зубочистка.

— Я не приготовил урока.

— Почему?

— Не приготовил.

— Почему?

— Просто так.

— Как же ты сдашь экзамен?

— Мне положено успевать в соответствии со своими способностями. Мне положено превзойти себя. Но мне что-то неохота.

Почему я так беспокоюсь о нем? Потому что чувствую, он

стоит этого, и потому что однажды он написал мне: «Если бы я мог вам верить!»

Не могу сказать, чтобы он часто бывал в классе, он по-прежнему пропадает у Грэйсона. Не знаю, что там происходит. После скандала из-за неправильного использования хозяйственных фондов я смотрю на подвал настороженно. Конечно, была и директива: «УЧЕНИКАМ НЕ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЛЕСТНИЦЕЙ, ВЕДУЩЕЙ В ПОДВАЛ». Хотя все лестницы, кроме одной, ведут в подвал.

Но стоит мне расстроиться из-за чего-нибудь, как тут же — неожиданная радость: то у девчушки лицо вспыхивает от удовольствия, когда она входит в класс; то паренек начинает разбираться в книге; то целый класс недоволен, что прозвенел звонок, возвестивший конец урока...

Я даже составила список, куда заношу свой «дебет и кредит». Чтобы не забывать о радостях, когда становится слишком грустно.

ДЕБЕТ

Фероне (не найден общий язык)

Эдди Уильямс (—»—)

Гарри Каган (—»—)

Макхаби (!!!!)

Неприятные ощущения из-за невозможности вовремя сбежать в уборную.

Писанины все больше и больше. Ноябрьская школьная конференция: снова (из-за недостатка времени) не решены проблемы, ставившиеся и на сентябрьской, и на октябрьской: перегруженность учителя, перенасыщенность классов, отсев, учительские забастовки, зарплата, вопросы подготовки педагогов.

Обеденный перерыв — в 10.17 утра.

Не хватает книг, мела, времени и терпения...

И т. д. и т. д. и т. д.

КРЕДИТ

Хосе Родригес уже не подписывается «Я».

Вивиан Пейн худеет и нравится себе все больше.

Лу Мартин в разгаре клоунады вдруг поднимает руку, чтобы ответить на вопрос. Четверо моих учеников впервые в жизни записались в публичную библиотеку.

После 35 лет непрерывной работы я смогу уйти на пенсию; в 70 лет это обязательно.

Да, мама все посылает мне «красивые» вырезки из газет.

И в то же время деликатно осведомляется, не появился ли в моей жизни молодой человек. Я отвечаю, что появился — и не один. Больше ста.

Как я рада, что Сюзи понравился мой подарок ко дню рождения. До чего же приятно покупать для двухлетней девочки! И пожалуйста, не обижай меня: хоть я и учительница, но бедна не до такой степени.

Расскажи мне, как будешь праздновать День Благодарения. Я предполагала пойти поужинать с Полом. Но как ломать дужку с человеком, способным исправлять ошибки в любовном письме?

С приветом,

Сил.

P. S. Знаешь ли ты, что треть нью-йоркских учителей — это почасовики, временно исполняющие обязанности?

С.

40. Из ящика пожеланий

Я предлагаю покончить с злоупотреблениями и коррупцией и устроить школу, где нам не придется стоять на собраниях и во время завтрака. Неплохо бы организовать сидячую забастовку, но нет места, где сесть. Ха-ха, это шутка.

Лу Мартин.

-
1. Мне нравится, как вы «добиваетесь цели» (Юлий Цезарь).
 2. Открытая школа — фарс!
 3. Вам незачем было секретничать — мы все знали.

А. Почему она хотела сама убийства?

1. Непонимание чувств между учениками и учителями.
2. Непонимание чувств между детьми и родителями.

Подросток.

Вы меня никогда не вызываете, а если вызываете, то редко.
Прогульщик.

Большинство ребят ненавидит учителя не потому, что учитель хороший или плохой, а просто потому, что он — учитель.

Вы другая, вы не обращаетесь с нами, как учительница. А если подойти с человеческой стороны, то не похожи на старую ведьму, а прекраснее с каждым днем. Это убивает меня. Никогда я такого в школе не чувствовал. Ваша походка меня приводит в восторг. Я думаю, вы поймете меня правильно.

В наше страшное время, когда в любой день весь мир может взять и взорваться, я наслаждаюсь поэзией. Я пошел в школьную библиотеку взять еще что-нибудь Фроста, но она закрыта.
Чарльз Роббинс.

Если бы только вы могли стать мужчиной вместо бабы, я бы сказал, что единственные пристойные учителя в нашей школе — это вы и мистер Грэйсон, а он даже еще и не учитель.

Рэсти.

Мне не нравится, как вы читаете. Слишком эмоционально и слишком возвышенно.

Ваш рваг.

Вы вызвали у меня мужество читать книги.

Читатель.

Когда он сказал Бруту, что не жребий наш, а мы сами виноваты в своем порабощеньи, то он не был негром.

Эдуард Уильямс.

Не меняйтесь. Есть что-то очень приятное в вашей манере

одеваться и в вашей фигуре. С вами я мог бы провести весь день только занимаясь языком и литературой.

Застенчивый Никто.

По-моему, вы ничего не стоите.

Отрава.

Я никогда в своей жизни не считал стихи полезными для своей пользы но когда вы их читаете вслух все слова становятся живыми. Если бы все читали как вы не осталось бы никого кто ненавидит стихи. Вы можете порекомендовать другое стихотворение?

Хосе Родригес.

У меня учитель математики по языку и литературе и учительница машинописи по ЭКО, вы — классная наставница, а учителя французского каждый раз меняются. Я готов стараться, если бы мне пошли навстречу хотя бы на $\frac{1}{2}$.

Верный ученик.

Вы задаете слишком много уроков на дом, но мне все равно, потому что я их и так не готовлю. На этот раз я пишу в самый последний раз.

Ястреб.

Мне нравится, что вы умная. В хорошем смысле. Мне хотелось бы остаться у вас, но я должен покинуть вас и идти работать и поэтому искренне прощаюсь с вами.

Убывающий.

Если бы другие учителя были бы молодые и привлекательные, как вы, им было бы незачем бегать и подсматривать за влюбленными парочками, портить им жизнь. А из-за этих подсмотрщиков трудно обучиться просвещению.

Линда Розен.

Будем по понедельникам заниматься только устным, по вторникам и четвергам — тоже. Когда выступаешь перед толпой, перестаешь стесняться.

Марк Антоний.

Предлагаю, чтобы было больше тихих классов, потому что я люблю спать во время уроков.

Отшельник.

В понедельник, какого черта! Кто мы по-вашему — ораторы?

Разочарованный.

Нехватка туалетных комнат — катастрофа для человечества. Большая уборная в центре школы была бы большой поддержкой для всех заинтересованных.

Второклассник.

Не будьте такой доброй — этим пользуются. Например, когда я не приготовил домашнее задание, вы мне позволили сделать это на следующий день. Я сразу почувствовал себя пупом земли и написал все наскоро перед самым уходом. С кем-нибудь могло получиться еще хуже для вас. Но не принимайте близко к сердцу.

Мистер Икс.

Я быстро теряю в весе, глядя, какая вы тоненькая в вашем красном костюме и в других нарядах. Вы красивее моей сестры.

Вы пример для меня. (Вы заметили, что я теперь забираю волосы назад, раз вы сказали, что вам так нравится.)

Вивиан Пейн.

Мое убежденное мнение, что вы очень квалифицированная. Каким бы нудным ни был урок, у вас он всегда интересный. Желаю вам продолжать ваше приятное и просветительное преподавание.

Гарри А. Каган,
избранник учеников.

Я даже не из вашего класса, но все равно привет.

Доктор Бен Кэйси.

Когда вы меня вызываете, не вызывайте меня тогда, когда я не знаю. Я тогда выгляжу дураком перед всем классом. Других вы всегда вызываете, когда они могут ответить.

Эдуард Уильямс.

Я только выгляжу взрослым. На самом деле — наоборот.
Мура-Вей.

Я должен честно и искренне сказать, что мне не понравилась книга Ю. Цезарь (У. Шекс.). В ней есть отдельные хорошие места, но как-то она меня не привлекает. Я предлагаю Ю. Цезарю больше юмора, а так очень грустно.

Ученик, разочарованный в Шекспире.

Мисс П-лд влюблена в Б-ба, а мисс Б-т — в Дж.; мисс Ф-ч в мистера Б-ра и Алиса Б. тоже.

Угадайте кто?

Вы на самом деле довели меня до самой глубины Юлия Цезаря.

Стоящий.

Мы за вас на 95%. Не расстраивайтесь.

Почему это д-р Бестер любезный и совсем не такой в классе, как у себя в кабинете. Он хороший учитель, а этого не скажешь, глядя на него.

Лентяйка Мэри.

Не следует разрешать непристойные поступки в читальне.

Без подписи.

Я еще никогда в жизни не встречала такого чуткого человека, как вы, и такой хорошей учительницы. И это включает другие предметы. Это не просто слова. Они идут от сердца.

Кэрол Бланка.

Учителя губят Америку.

Ноль.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

41. Любите ли вы индейку

Суббота, 21 ноября

Дорогая Элен!

Вчера был денек, который запомнится. Была проиграна вся

гамма, я получила, говоря педагогическим языком, «полный спектр переживаний». Утром я оказалась в самом центре бунта в ученической столовой — бунта, который сама, можно сказать, спровоцировала, а вечером танцевала в спортивном зале с теми же ребятами, что бунтовали несколькими часами раньше.

Это началось в классе, где я веду язык и литературу. Несколько учеников пришли на урок прямо после обеда, и я услышала их жалобы на ученическую столовую. Сейчас у нас по программе деловая переписка. А почему бы не предложить темой очередного письма «Жалобу в Совет по образованию на плохую работу ученической столовой»? Мы обсудили такое письмо, и я почувствовала, что открыла отдушину для давно сдерживаемого раздражения: «Попробуй проглоти обед за двадцать минут, когда тебя уже ждут», «Повернуться негде...», «Друг друга не слышно», «Дрянная еда», «Будто мы не люди, а скотина!».

Потом я пошла выпить кофе через ученическую столовую. Дежурного на месте не было. Все помещение забито ребятами, половина стоит, душно, шумно, грязно — горой лежат побывавшие в употреблении подносы, бутылки от кока-колы, картонные стаканчики, бумажные пакеты, конфетные обертки. Под плакатом «Не разговаривать», прислонившись к стене, стоял Джо Фероне.

— Спустились в трущобы? — осведомился он.

— Да, стульев у вас здесь маловато, — зачем-то сказала я.

— А в учительском буфете их полным-полно, — сказал Джо. (И правда, в это время там обычно бывает всего несколько человек.) — Считается, что мы не хуже вас. Можно нам пригнать несколько стульев оттуда?

— Пожалуйста, — ответила я. — Только потом обязательно отнесите их на место. Попроси кого-нибудь помочь тебе...

Не успела я договорить, как бешеная ватага ринулась в учительский буфет, мальчишки толкались, кричали, тянули стулья по все стороны, размахивали ими над головой, вырывали друг у друга, вопили...

Вдруг раздался свист — появился сам Адмирал.

— Тихо! Я требую полной тишины! — Он был в бешенстве. — Прекратить все разговоры! Кто посмеет открыть рот, будет иметь дело со мной. Чтобы я больше не слышал ни звука.

Они подчиняются. Прекращаются все разговоры. Ни звука. И потом медленно, методично, в напряженном молчании они как по команде начинают бить тарелки, бутылки, бросать книги, подносы, бутерброды. Представь себе эту бунтующую банду, тонот ног, звон стекла и беспомощный свист Макхаби!

Зрелище было необычным и пугающим. Кто позвал полицейских, откуда они взялись, не знаю — но стоило им появиться,

как вместо разъяренной банды передо мной оказались ребята, медленно отступившие на свои места в том же угрюмом молчании.

— Боюсь, не моя ли это вина, мистер Макхаби,— начала я.

— А чья же еще, черт возьми?! Я предупреждал вас. Я знал, к чему ведут ящики пожеланий и разговоры по душам. Вы мне не верили? Теперь, может быть, поверите.

Потом полетели циркуляры, распоряжения, указания: «предусматриваемые наказания», «твердые меры», «фамилия и имя каждого ученика, находившегося в учительской столовой», «уродливое проявление», «в целях предотвращения подобных инцидентов в будущем» вместе с неизменным «до моего сведения дошло».

А насмешливые глаза Фероне, казалось, все время следили за мной...

Я попыталась выяснить, почему нельзя улучшить работу столовой: претензии ребят были совершенно справедливы. И почему нельзя им питаться вне школы? И вновь я обратилась к своему верному источнику — самим ребятам. Вот несколько их ответов:

Один семестр нам разрешили ходить в закусную напротив и в магазинчик на углу. Но мы слишком нарушали общественный порядок и мешали спокойно есть другим посетителям. Поэтому разрешение отменили.

Если произойдет несчастный случай в школьные часы — это противозаконно. Например, угодил под машину по дороге в закусную. В прошлом году школе попало за то, что учитель послал ученика за аспирином и его переехала машина. Теперь мы все из-за этого страдаем.

Поесть вне школы стоит дорого. И все же пусть нам разрешат. Мы ведь тоже люди.

Ну и что, если мы разобьем солонку или прольем что-нибудь в толкотне или будем громко разговаривать в ресторане? Разве мы становимся несовершеннолетними преступниками или сексуальными маньяками?

Оправдания и оправдания, причины и причины — вот всё, что нам выдают, а я этого не принимаю.

Пытались добавить 10 минут для еды и сделать настоящую получасовую большую перемену для каждого класса. Но эти минуты надо было вычестить из уроков и учителя сказали, что не могут терять учебное время, особенно в классный час.

Кто-то придумал позволить нам есть в классе еду, что мы принесли из дома. Но сказали, что еще покупать себе молоко или мороженое — нельзя. И нельзя, чтобы в классе завелась грязь, как в столовой. И понадобился бы специальный учитель для наведения порядка.

Какая польза от того, что достали больше стульев для столовой, когда не хватает столов.

Начинаю понимать трудности, с которыми приходится сталкиваться Макхаби. В порядке дисциплинарной меры он хотел было отменить назначенные на тот же вечер танцы в честь Дня Благодарения, но билеты уже были проданы, школьный оркестр подготовлен, пунш сварен. Макхаби убедили, что наказывать всех за проступки немногих не только недемократично, но и может привести к новой «нежелательной вспышке» со стороны учащихся.

После уроков я нашла на своем столе размякшую шоколадную индейку с поздравительной открыткой:

Желаем счастья, лучшего в мире,
От комнаты номер 304.

А вечером на танцах (я была одной из дежурных наставниц) я едва узнала в причесанных, начищенных, принаряженных и до чего же вежливых ребятах тех, кто громил столовую.

Спортивный зал был украшен гирляндами и воздушными шариками, ленты из бумажного крепа обвивали баскетбольные корзинки и прожекторные установки. Параллельные брусья, деревянные кони и маты были сдвинуты к стене. В углу разместился школьный оркестр, музыканты — в малиновых блейзерах с золотыми буквами «КК», барабан задрапирован в

малиновый атлас с золотыми буквами. В другом углу был накрыт стол — чаша с пуншем, бумажные стаканчики, печенье.

Другие дежурные наставницы — Беа, веселая и сияющая, Мэри, раздраженная дополнительными обязанностями, — разливали пунш. Генриетты, которая, как мне говорили, не пропускала ни одного вечера танцев, не было. Не было и Пола.

Но главным открытием стали для меня мои мальчишки и девчонки. Особенно мальчишки, потому что девушки и так приходят в класс подкрашенными, причесанными. Но мальчишек я впервые видела в костюмах, пиджаках, при галстуках, в начищенных ботинках, с торжественно-напряженными лицами. У всех на лацканах приколоты бумажные оранжевые тыквочки, на них написано имя.

— Добрый вечер, мисс Баррет! — солидно говорил каждый.

Причем самым вежливым и самым застенчивым оказался наш вечный шут Лу Мартин. Подтянутый и напряженный от избытка учтивости, он подошел ко мне.

— Позвольте пригласить вас на танец, пожалуйста?

Он повел меня почтительным шагом, держа осторожно под локоть, словно мыльный пузырь. И развлекал меня светской беседой:

— Любите ли вы индейку? Весьма мило украсили наш спортзал, не правда ли? Вам нравится работать в нашей школе? Вы танцуете очень отлично.

Фероне не было, Эдди Уильямса и Вивиан Пейн тоже. Зато Гарри Кагана было больше чем надо: танцы устраивала Всеобщая организация учеников, а он — ее президент.

Когда же ребята танцевали друг с другом, они такое выделяли — и крутились, и скакали, и выгибались. Лу Мартин с Кэрол Бланка выдавали почти акробатические номера, а Линда и Боб исполнили сольный танец.

Как все они были мне милы в тот вечер, особенно Хосе Родригес, он не танцевал, но заплатил свои 75 центов за билет, надел лучший костюм и стоял в ожидании, когда можно будет поговорить со мной. Уже перед уходом он наконец собрался с духом, подошел ко мне и сказал:

— Мне хочется, чтобы вы знали, как я полюбил язык и литературу. Я думаю, что это самые замечательные предметы. Мне просто хочется, чтобы вы это знали.

Бывают минуты, когда я ни на что не променяла бы свою работу!

Я страшно устала, предстоящая неделя будет еще труднее — надо проверить за четыре дня каникул полугодовые контрольные.

Желаю счастья, лучшего в мире от Сильвии, комн. 304.

С любовью,

Сил.

Р. С. Знаешь ли ты, что школьников в Нью-Йорке больше, чем солдат во всей армии США?

С.

42. Я не жульничаю, я левша

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби, н. адм. о. с.

КОМУ: Всем учителям.

ПО ПОВОДУ: Полугодовых экзаменов.

ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ, ЧТО СЕМЕСТРОВЫЕ ОТМЕТКИ БУДУТ ЗАЧИТЫВАТЬСЯ КАК 2/3 ГОДОВОЙ ОТМЕТКИ, ДОВЕСТИ ДО СОЗНАНИЯ УЧЕНИКОВ ВАЖНОСТЬ ПОЛУЧЕНИЯ КАК МОЖНО БОЛЕЕ ВЫСОКИХ ОЦЕНОК, БДИТЕЛЬНЫМ КОНТРОЛЕМ ВО ВРЕМЯ ЭКЗАМЕНОВ ПРЕДУПРЕДИТЬ ИСКУШЕНИЕ СЖУЛЬНИЧАТЬ.

ИНСТРУКЦИЯ ПО КОНТРОЛЮ ВО ВРЕМЯ ЭКЗАМЕНОВ

1. ВО ВРЕМЯ ЭКЗАМЕНОВ ПАРТЫ В КЛАССЕ ПОСТАВИТЬ АККУРАТНО ДРУГ ЗА ДРУГОМ. ПАРТА, НАХОДЯЩАЯСЯ В СДВИНУТОМ ПОЛОЖЕНИИ, ПРЕДОСТАВЛЯЕТ УЧЕНИКУ ВОЗМОЖНОСТЬ ВИДЕТЬ ТЕТРАДЬ УЧЕНИКА, СИДЯЩЕГО ВПЕРЕДИ НЕГО.

2. КНИГИ, ТЕТРАДИ, БЛОКНОТЫ И ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ УЧЕНИКИ ДОЛЖНЫ СЛОЖИТЬ НА ПОЛ У ПЕРЕДНЕЙ СТЕНЫ КЛАССА.

3. ЛИСТЫ С ЭКЗАМЕНАЦИОННЫМИ ВОПРОСАМИ КЛАСТЬ ПОСРЕДИ ПАРТЫ ПОД ПРЯМЫМ УГЛОМ К ЛИСТАМ С ЭКЗАМЕНАЦИОННЫМИ ОТВЕТАМИ, ВПЛОТЬ ДО ЗВОНКА, ВО ВРЕМЯ КОТОРОГО ВСЕ ЛИСТКИ ОДНОВРЕМЕННО СДАЮТСЯ.

4. НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ РАЗРЕШАТЬ УЧЕНИКАМ ВСТАВАТЬ С МЕСТ. ЕСЛИ УЧЕНИКУ ПОНАДОБИТСЯ БУМАГА ИЛИ У НЕГО ВОЗНИКНЕТ ВОПРОС, К НЕМУ ДОЛЖЕН ПОДОЙТИ ДЕЖУРНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

5. ДЕЖУРНЫЕ УЧИТЕЛЯ НЕ ДОЛЖНЫ ОТВЕЧАТЬ НИ НА КАКИЕ ВОПРОСЫ.

6. ЕСЛИ УЧЕНИК ВЫРАЗИТ ЖЕЛАНИЕ ПОЙТИ В УБОРНУЮ, ДЕЖУРНЫЙ УЧИТЕЛЬ ДОЛЖЕН ДОВЕСТИ ЕГО ДО ДВЕРЕЙ КЛАССА И ВЫЗВАТЬ КОРИДОРНОГО ДЕЖУРНОГО, КОТОРЫЙ ПРОВОДИТ УЧЕНИКА В УБОРНУЮ И ПРОБУДЕТ ТАМ, ПОКА УЧЕНИК НЕ СДЕЛАЕТ ВСЕ СВОИ ДЕЛА. ДЕЖУРНЫМ УЧИТЕЛЯМ МУЖСКОГО ПОЛА СОПРОВОЖДАТЬ МАЛЬЧИКОВ, А УЧИТЕЛЯМ ЖЕНСКОГО ПОЛА — ДЕВОЧЕК. ИМ ЖЕ ПРОВОДИТЬ УЧЕНИКА ОБРАТНО К ДВЕРЯМ КЛАССА И СДАТЬ ЕГО С РУК НА РУКИ КЛАССНОМУ ДЕЖУРНОМУ.

7. ДЕЖУРНЫМ УЧИТЕЛЯМ ОСОБО ВНИМАТЕЛЬНО НАБЛЮДАТЬ ЗА НИЖЕСЛЕДУЮЩИМ В ПОВЕДЕНИИ УЧЕНИКОВ: МОРГАНИЕ ГЛАЗ, ДВИЖЕНИЕ ГУБ, НАГИБАНИЕ ДЛЯ ЗАВЯЗЫВАНИЯ ШНУРКА ИЛИ ПОДНЯТИЯ УПАВШЕГО ПРЕДМЕТА, СДВИГАНИЕ ЛЕВОЙ РУКИ С ЭКЗАМЕНАЦИОННОГО ЛИСТА, ЧРЕЗМЕРНО ГРОМКОЕ СМОРКАНИЕ, ЗЕВОТА ИЛИ ЧИХАНИЕ, ЗАЛЕЗАНИЕ РУКОЙ В КАРМАН, СВЕРТЫВАНИЕ БУМАГИ В ШАРИК, ВЫТЯГИВАНИЕ НОГ ИЗ-ПОД ПАРТЫ, РАССМАТРИВАНИЕ НОГТЕЙ ИЛИ ЛАДОНЕЙ.

ДОВЕСТИ ДО СОЗНАНИЯ УЧЕНИКОВ ВАЖНОСТЬ СОБЛЮДЕНИЯ ВЫСОКИХ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ: ЖУЛЬНИЧАЯ, ОНИ ЛИШЬ ОБЖУЛИВАЮТ САМИХ СЕБЯ. ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ ЖУЛЬНИЧЕСТВА ДЕЖУРНОМУ ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ВЫГОВОР ЗА ОСЛАБЛЕНИЕ БДИТЕЛЬНОСТИ.

* * *

ВНУТРИШКОЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

Только что получила адмиральский циркуляр о полугодовых экзаменах. Я попросила ребят написать, что они думают об отметках и экзаменах. Интересно, что они скажут. Что же касается жульничества, то даже у тех, кто не намеревался списывать, ястребиный взор дежурного вызывает желание во что бы то ни стало перехитрить его. А почему не испытать систему чести? Мне кажется, окажи мы доверие ученикам — и они постараются его оправдать.

Я назначена дежурной в три класса. Еще слава богу, что мне не поручили дежурства по коридору.

А что мне делать, если ученик не закрывает левой рукой лист бумаги, да и бумага лежит не под тем углом?

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил!

В таких случаях остается только повесить его или понестись.

Система чести здесь никогда не пройдет, уж слишком большую ценность представляет всемогущая отметка. Ведь она решает, попадет ли ученик в колледж, и вызывает родительское рвение и нервозность у старшеклассников. Это касается успевающих учеников. Неуспевающие жульничают из спортивного интереса, ради бравады, хвастовства или из солидарности с остальным классом. Не пытаться жульничать — значит признаться в своей ограниченности.

Сейчас мода не на индивидуальное жульничанье, а на групповое, из чувства товарищества, а один оправдывался так: «Я не жульничаю, я левша».

Ребята все сваливают на учителя: «И что вам жалко прибавить мне десять очков?», «Зачем вы меня провалили? Я ничего не сделал!». Ответ в таких случаях: «Вот именно».

Интересно, что вы почерпнете из их высказываний об отметках? Смелый шаг: «идущие на смерть тебя приветствуют».

Беа.

43. Что касается отметок

Что касается отметок, то они могут улучшаться или ухудшаться. Отметки бывают справедливые и несправедливые — в зависимости от того, как ученик отвечает на вопросы учителя и задает ли учитель вопросы, на которые ученик может ответить.

Гарри А. Каган,
избранник учеников

Проходной балл должен быть 50, а не 65. Мне самому наплевать, но жалко родителей.

Чарльз Роббинс.

1. ЗА: отметки хороши для учителя — он знает, кто знает и кто не знает.

2. ПРОТИВ: отметки плохи для ученика, когда он не знает.
Подросток.

Из-за отметок нельзя не жульничать.

Постоянно жульничающий.

Учителя слишком скупы на отметки и несправедливо их раздают. Вопросы придуманы такие, чтобы меня запутать, а контрольные слишком трудные.

Эдуард Уильямс.

Уничтожьте их. Для личной жизни отметки совершенно не нужны.

Линда Розен.

Отметки важны потому, что для поступления в колледж или на работу требуется средняя, а средняя по предмету составляется из отметок, а средняя за год — из средних по всем предметам, а средняя за все полугодия как раз и нужна.

Репетитор.

Е. В. списывала у Ф. А. французский, а Л. М. у Л. Р. И другие.

Угадайте кто?

Иногда я приготавливаю письменный урок, а учитель даже не ставит отметку, или отвечаю в классе, а это не в счет. Получается, что учишь зря.

Прилежный ученик.

Почему нельзя раскидать экзамены на разные дни, чтобы

не заставлять нас учить несколько предметов в один вечер. Кому это надо?

Неудачник.

Я считаю, что если болтаешь на уроке или дурачишься, это не должно входить в среднюю отметку. Учитель может разозлиться — в конце концов он тоже человек. Ха-ха! — и поставить нам ноль по поведению. Один ноль по поведению может сбить всю среднюю. Но в конце концов все переходят. Рано или поздно.

Лу Мартин.

Я написал одно и то же сочинение для двух разных учителей в прошлом семестре, один поставил мне 91, а другой — 72. Пойди разберись.

Я считаю, что надо учитывать ответы в классе, а не контрольные. Отвечая, вы говорите то, что думаете, а не то, что вас заставляют сказать.

Кэрол Бланка.

Отметки толкают нас на жульничанье, хотя я лично этого не делаю.

Честный чудак.

Ты или переходишь, или остаешься на второй год. Другого пути нет.

Ноль.

Лучшие отметки попадают ловкачам и зубрилам. Отметки зависят от запоминания, а не от знаний. Набивая себе голову, поднажмешь перед контрольной, получишь хорошую отметку,

а назавтра все забудешь. Какое это образование? Я предлагаю просто «хорошо» или «плохо» на УКУ в конце семестра. Или ничего.

Фрэнк Аллен.

У меня плохие отметки потому, что учителя всегда вызывают меня, когда я не знаю, и никогда — когда я выучил урок.

Разочарованный.

Экзамены — больше цифры на бумаге, чем знания ученика.

Мистер Икс.

Учителя проводят контрольные на зло и в отместку. Или просто для тишины в классе (это я уже в последний раз пишу вам ответ).

Ястреб

Отметки должны быть основаны на классной работе, а не на контрольных, когда сдают нервы. Когда я отвечаю в классе (по языку) и учитель слушает меня, у меня больше храбрости сказать то, что надо.

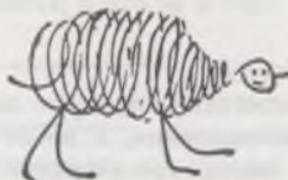
Хосе Родригес.

Мы используем для отметки только десять процентов или даже меньше из того, что учим. Какая потеря времени!

Убывающий.

Если я учителю пожертвую свою букву «М», получится «Мучитель».

Ура-Вей.

КОМУ: Всем учителям.

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби, н. адм. о. с.

ПРОШУ СОСТАВИТЬ И ВРУЧИТЬ МНЕ КРИВУЮ УСПЕВАЕМОСТИ ПО ИТОГАМ СЕМЕСТРА ПО КАЖДОМУ ИЗ ВАШИХ КЛАССОВ. ЕСЛИ КРИВАЯ ОКАЖЕТСЯ НИЖЕ ДОПУСТИМОГО УРОВНЯ, БУДЕТ ПОСТАВЛЕН ВОПРОС О КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ. ПЕДАГОГИ, ДОБИВШИЕСЯ ВЫСОКОЙ УСПЕВАЕМОСТИ, БУДУТ ОТМЕЧЕНЫ.

Дж. Дж. Макх.

44. В уборную без провожатого

Среда, 25 ноября

Дорогая Эллен!

Кажется, меня могут уволить из школы за то, что я не смогла найти провожатого в уборную для Джо Фероне.

Если тебе это кажется нелепым, то так оно и есть. Но начну сначала. Это случилось сегодня утром во время полугодовых экзаменов, которые проводятся в ноябре с такой же помпой, как и выпускные. Парты расставлены крест-накрест, ребята шумят: «Это нечестно, мы этого не проходили», «Можно списывать?», «Как ответить на второй вопрос?» Неразбериха с деньгами, которые собирают для Дня Благодарения, неразбериха с экзаменационными билетами, направленными не в тот класс; неразбериха с дежурством и всегдашняя неразбериха со звонками. Наконец тишина: слышится только скрип перьев и шарканье ног.

И вдруг — проблема. Фероне надо выйти из класса. Я провожаю его до двери, но в коридоре нет дежурного, а ученику не положено выходить без провожатого. Что делать? Не пускать его нельзя. С минуту мы стоим в дверях, меряя друг друга взглядами. Положение щекотливое. Впрочем, это и возможность завоевать его доверие. Шепотом, чтобы не отвлекать остальных, разрешаю ему идти без провожатого. Я уверена, что он не станет пользоваться уборной для подсматривания ответов или курения. Он уходит, а я возвращаюсь на свой пост за последней партой — чтобы ученики не могли видеть, за кем я слежу: ценная идея Адмирала. А через несколько минут сам Адмирал появляется в дверях, зеленый от гнева. Рядом с ним Фероне. Шпаги скрещены, враги стоят по обе стороны Фероне. Бой начинается, но вполголоса — нас ведь слушают:

Макх.: Что это значит?

Я: Что именно?

Макх.: Вы выпустили его из класса *без провожатого?*

Я: Ему надо было выйти.

Макх.: *Без провожатого?*

Я: Коридорного дежурного не было на месте.

Макх.: Следовало подождать его.

Я: Ждать было нельзя.

Макх.: Вы понимаете, что его экзаменационный листок может быть признан недействительным?

Я: Почему?

Макх.: Он мог подсмотреть ответы.

Я: Не думаю. Он сказал, что не будет.

Макх.: Это он *сказал?*

Я: Да.

Макх.: И вы поверили ему?

Я: Я ему верю.

Макх.: Идите на свое место, молодой человек. Мисс Баррет, сейчас не время и не место объяснять вам всю серьезность вашего поведения. У вас были точные инструкции, вы их нарушили. Мы еще вернемся к этому вопросу. А пока извольте положить его работу отдельно, когда он ее сдаст. Исход его экзамена непосредственно отразится на вас. Вам это понятно?

Я: Думаю, что да.

Макх.: Вторая девушка в третьем ряду, смотрите в свою тетрадь!

Адмирал уходит.

Мы с Фероне глядим друг на друга. Его лицо непроницаемо. Неужели он завалит экзамен, чтобы наказать меня? Он ведь очень способный и учится посредственно только потому, что большего ему не надо.

Так вдруг от него стала зависеть моя судьба. В случае с уборной проявилось все то, что восставало во мне против Макхаби, все то, во что я верю, восстало против мелочности, заорганизованности, гнилости школьной системы, против того, что унижает достоинство моей профессии, а следовательно, и моих учеников. Мое стремление учить хорошо восстало против бюрократизма, рутины, пустобрехства.

Кажется, я теряю чувство юмора. Здесь это нетрудно. Ведь я все еще новичок в школьной системе и не могу принимать как должное все ее нелепости. Не попался бы Макхаби на пути, я горы могла бы своротить.

А пока что за четыре дня каникул мне предстоит проверить 201 контрольную. Каждая — из пяти частей. В каждой — по два сочинения.

Я буду держать тебя в курсе всех перипетий «Дела об уборной Баррет-Фероне-Макхаби». А пока напиши мне, что там за стенами моей школы?

С любовью,
Сил.

P. S. Знаешь ли ты, что, по подсчетам Национального совета учителей языка и литературы, на проверку одного сочинения уходит от шести до десяти минут и что каждый городской учитель имеет от 150 до 200 учеников в полугодие?

С.

45. Как мне стало известно

КАНЦЕЛЯРИЯ ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ ИМ. КАЛВИНА
КУЛИДЖА

Копии: Мистеру Макхаби,
Доктору Бестеру.

Уважаемая мисс Баррет!

Как мне стало известно, в связи с ослаблением бдительности с Вашей стороны во время дежурства на семестровых экзаменах один из ваших учеников находится под подозрением в жульничанье. Это может оказать деморализующее и разлагающее воздействие на остальную часть нашего ученического контингента, в котором всегда и во все времена поддерживался высокий моральный и этический уровень.

Максуэлл Э. Кларк,
директор.

* * *

Уважаемая мисс Баррет!

Прошу Вас занести мне экзаменационный листок Джозефа Фероне, как только Вы его проверите. Насколько мне известно, он был неуспевающим по языку и литературе последние два семестра.

Сэмюел Бестер,
заведующий учебной частью
по языку и литературе.

внутришкольная переписка

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

Только что проверила работу Фероне — он набрал 89 баллов. Как Вы полагаете, мне грозит трибунал?

Сил.

46. Из ящичка пожеланий

Я знал учителей, ошалевших от слишком многого преподавания, но не вы. Как это получилось? Вас надо поставить на пьедестар.

Застенчивый Никто.

Мое предложение — свергнуть Макхаби, а вам руководить школой вместе с мистером Грэйсоном. Вот когда начнется райская жизнь.

Мистер Икс.

(В середине семестра я лодырничал оттого, что не понимал вопросов.)

Так им и надо (разбитая посуда). Здорово мы перевернули вверх дном столовую, и мы это повторим, если с нами будут обращаться как с арестантами. Это мое последнее предостережение.

Ястреб.

Сначала я себе сказал, что я никогда не вынесу еще один язык и литературу с учительницей женского пола. И вот, видите я здесь и это благодаря вам.

Рэсти.

Слишком строго ставят отметки. Меня бы устроило и 80 очков.

50-ник.

Предлагаю:

1. Больше учителей со смелостью.
А. Отстаивать нас.
1. Как вы отстаивали Джо Фероне.
2. Воевать с Макхаби.
3. Характер замечательный и не трусливый.
4. И прекрасные голубые глаза.

Подросток.

Я уже обжаловал семестровую отметку. Какой смысл в интеграции, если отметки все такие же плохие?

Эдуард Уильямс.

Я никогда не встречала учительницу с настоящим интересом. А вы такая. Не бросайте нас. Я бы хотела быть с вами до самого окончания школы.

Кэрол Бланка.

К чертям.

Я хочу перейти от книг о войне, таких, как Шикспир, к «танцам» в зале, но мне не удалось «потанцевать» с вами. Может быть повезет «в следующий раз».

Ч. Х. Роббинс.

Вы слишком много очков вычли у меня за орф. и за гр. и за пункт. Когда вы были в моем возрасте вам бы не хотелось, чтобы с вами так обошлись.

Ноль.

Мне нравится ваша открытая манера разговаривать с нами и мне нравится как вы преподаете и как вы одеваетесь. Мне нравится ваша деликатность и вся ваша личность. Рассказывайте нам больше о своей жизни, как в тот раз — о вашем колледже. Это по-человечески сближает нас с вами и нам хочется быть похожими на вас. (Я уже перешла на 15-й размер.) Дома я чувствую себя несчастной, а на ваших уроках — никогда. Вот почему у меня возникло желание стать учительницей языка и литературы. Вы можете мне сказать, как вы подготовились к этой карьере?

Ваш друг
Вивиан Пейн.

Я еще никогда не встречала такого чувства юмора, как в вас. Вы делаете уроки смехотворными.

Третий ряд.

Мне не нравится, как вы одеваетесь, слишком ярко для учительницы. Красок сбавьте, а отметки прибавьте.

Ваш враг.

Я люблю ваши уроки языка потому, что вы нас так учите английскому, чтобы мы могли его использовать в жизни и стать кем-то. Вы так устроили свой язык и литературу, что они стали интересными и совсем не похожи на эти предметы, хотя это и они. С вами начинаю любить то, что раньше не любил. Как, например, читать. Вы учите нас хорошо и равномерно. Не слишком быстро и не слишком медленно. Можно, чтобы и в следующем семестре опять были вы?

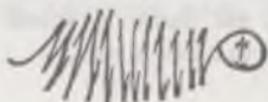
Хосе Родригес.

Я знаю, кто жульничал на экзаменах и легко отделался, и еще кое-что.

Угадайте кто?

Что бы я ни делал, моя мама продолжает ворчать.

Мура-Вей.

Я не в вашем классе, но тем не менее как насчет свидания? Я очень стоящее знакомство. У меня средний рост, черные жгучие глаза, круглое лицо и местами я немножко толстоват. Вы, вероятно, меня уже заметили.

Прохожий.

Хотя контрольная по языку и литературе была крайне интересной, мне было трудно ее выполнить с присущим мне умением. Поэтому я хочу поблагодарить вас за предоставление мне возможности повисить мою отметку дополнительным изложением, чтение которого, я надеюсь, доставит вам удовольствие.

Гарри А. Каган,
избранник учеников.

Я не говорю, что вы слишком много задаете на дом, но не скажу, что мало. Но для вас я готов приготовить даже вдвое больше.

Фрэнк Аллен.

Я собирался уйти из школы, а теперь раздумал. Я очень удивился, когда вы сказали, что я могу исправить свою блестящую (ха-ха!) отметку, если напишу дополнительное изложение, что я и сделаю.

Лу Мартин.

У меня это первый класс, где я был рад, что провалил ответ из-за того, что смотрел на вас.

Никаких поблажек за то, что я вымыл доску!

Недовольный.

Выходите за меня замуж.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

47. Что я читаю

Уважаемая мисс Баррет!

С настоящим прилагаю изложение, написанное для дополнительного зачета. Я надеюсь, что вы повысите мою отметку, поскольку для меня важно, чтобы она была повышена. В прошлом я обычно всегда имел отличные отметки по языку и литературе.

Гарри А. Каган,
избранник учеников.

Что я читаю

Круг моего чтения очень разнообразен и гораздо шире, чем у заурядного ученика. Я с радостью предаюсь разным видам большой литературы, как художественной, так и не художественной, а также всякой другой. И произведения м-ра Хемингуэя создали у меня очень благоприятное впечатление о м-ре Хемингуэе как о писателе. Я бы рекомендовал их каждому. Другой автор, который мне не понравился, это м-р Фолкнер. Он не доставил мне никакой радости. Еще книга, не доставившая мне особенного удовольствия,— это «Война и мир» м-ра Толстого. Она слишком длинная, чтобы ее можно было прочесть, и в ней слишком много героев с похожими фамилиями. Я еще прочитал немало художественных романов, которые я не перечислил. Я рассматриваю чтение как одно из своих самых полезных увлечений.

Мисс Баррет, Вы сказали, что можно положить в ваш ящик дополнительное изложение для повышения отметки. В связи с экзаменами, и к тому же я слишком много болтался, мне это повышение отметки необходимо. Я требую его от вас. Ха-ха, это шутка. Но каждый лоскутик в счет.

Лу Мартин.

Три важнейших мифа

1. Жили были парень и девушка, но их родители всегда ссорились, и, конечно, они могли встречаться только тайно. Однажды прибежал окровавленный лев. Испугавшись, она убежала и оставила свой шарф. Лев поиграл немножко с шарфом и ушел. Парень вернулся и, увидя окровавленный шарф,

подумал, что она убита. Он тут же зарезал себя ножом и лишил себя жизни. Девушка увидела, что ее приятель умер, и решила тоже убить себя. Обе семьи, увидя своих дорогих детей мертвыми, поняли, какие они глупые, и стали друзьями, получив этот ужасный урок. Тот же конфликт появляется у Шекспира.

2. Пигмалион был скульптурой из мифа. Он был тип мужчины, который особенно не любит женщин, но рассказ это изменил. Однажды он сделал статую из своей будущей жены и прибавил туда все, что ему хотелось, и когда она была окончена, он хотел жениться на ней, но поскольку она не была живая, он этого не смог. Что делать? Молиться, конечно. Что он и сделал богине любви, и она оживила ее. Вот откуда появилась «Моя прекрасная леди» и другие.

3. Адонис был красивый юноша из Малой Азии, а Венера была богиней любви. Она проводила с ним время на охоте, рыбной ловле и других видах спорта. Однажды, когда Адонис охотился, дикий кабан убил его, и все боги так пожалели Венеру, что разрешили ему воскресать из мертвых и быть частично ее мужем. Месяцы, когда он ее навещает, мы называем весной.

Лу Мартин.

48. Что я пропустила?

ВНУТРИШКОЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил!

Приветствую Вас с возвращением. Без Вас вчера грустили Пол (он без конца переписывал посвященные Вам стихи), Джо Фероне (беспокойно метался по коридорам), Макхаби (вызванный Вашей заместительницей, которая не могла справиться с Вашим классом), ученики и, конечно, я. Вы здоровы? Распространились слухи, что Вы: тайно обвенчались, рухнули под грузом рапортичек, пошли в кино на дневной сеанс. Что же из этого верно?

Беа.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

Я предпочла бы третье. А была я вот где — в Уиллоудэйле

по поводу работы во втором семестре. Там все выглядит очень соблазнительным.

Без меня наконец починили мою дверь, она не только открывается, но и закрывается. Зато сломаны две парты. Достойная компенсация!

Куда вписывается УХ — справа или слева от синей черты УКУ?

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил!

Плюньте на Уиллоудэйл. Разве Вы не знаете, что Вы нужны здесь? Мое подполье доложило мне, что Ваши ученики встретили Вас продолжительными аплодисментами.

Что касается УХ, то она вписывается справа от синей черты. (Как Вы могли забыть решение осенней учительской конференции?) Я нашла в своем журнале ученика, на которого не могу ни составить УХ, ни даже просто выставить ему отметку: я никогда в глаза его не видела. С самого начала учебного года он все уроки языка и литературы проводит в кабинете Макхаби в наказание за какие-то проступки, а какие именно — никто не помнит.

Беа.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

А меня так занимают УХи учеников, которые ходят на занятия. Как хотелось бы мне высказаться честно. Например, так: «Льстец, зазнайка, подлиза. Повсюду сует свой нос, далеко пойдет». Или: «Зачем зря тратить время на французские глаголы? Выдавайте ее замуж, да поскорее». И еще: «Не будем лгать ему о равных возможностях».

Но, как и все мы, я пишу: «Потенциальный руководитель», «Старается в меру способностей», «Должен больше стараться».

И еще насчет Уиллоудэйла — там нет Макхаби. Вы получили его последний циркуляр «О мерах против эпидемии перерасхода клея»? Нет там и Сэди Финч, чье недреманное око так и следит за тем, чтобы не было взаимопробивания табельных карточек.

Мне бы хотелось работать там.

Сил.

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил!

Такие же макхаби и финчи есть и в колледжах. Хрен редьки не слаще. Соотношение способных и неспособных учеников примерно везде одинаково, а когда ученики приезжают в школу на собственных машинах, то и они, и их родители склонны пренебрежительно относиться к учителям хотя бы потому, что у тех нет ни денег, ни положения в обществе.

И подумайте, если Вы уйдете, с кем я буду вести переписку, которая так скрашивает дежурство по вестибюлю? Вы наш талисман, наш добрый гений, наш неутомимый борец, выразитель наших мыслей. А Ваш веселый и искренний смех скрашивает многое другое.

Я пишу это не для того, чтобы исправить себе отметку.
Оставайтесь!

Беа.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Спасибо Вам на добром слове: это то, в чем я нуждаюсь.

Может случиться, что не я это буду решать. После стольких провалов Кларк может в конце полугодия оценить мою работу как неудовлетворительную.

Что я пропустила вчера?

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил!

Пусть Вас не беспокоит оценка Вашего полугодия. Под «Главной оценкой общей годности учителя» — при всей пышности формулировки — подразумевается лишь, «в своем ли уме учитель?». А Вы — при всех своих особенностях, — во всяком случае, в своем уме.

Вы не пропустили ничего, кроме декабрьской учительской конференции, где опять все неотложные вопросы были отложены из-за недостатка времени. И на которой:

созданы два новых комитета;

решено на торжественных собраниях заменить гимны народными песнями;

Адмирал Осел выступил против беспорядков, непристойного поведения, опозданий, курения и рождественского представления.

Я знаю, потому что я вела протокол.

Пол весь этот час сочинял Вам стихи.

Я знаю, потому что он сидел рядом со мной.

Вы его простили?

Беа.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

Что мне ему прощать — он за собой вины не чувствует.

Он, как говорится в УХ, «старается в меру способностей». И бросает в мой ящик для писем рифмованные приманки.

Вопрос горькой болью в висках стучит:

А трезвость сердце твое смягчит?

Учитель физкультуры только что прислал мне учетную карточку Алисы Блэйк. По-видимому, лишь сегодня кто-то побеспокоился вычеркнуть ее из списков спортивного зала. По-видимому, не вычеркнуто ее имя и из классного журнала.

Я позвонила ее матери. Алису перевели в другую больницу, она терпит страшные боли и по-прежнему отказывается видеть кого-либо из школы.

Что за ажиотаж вокруг «Учителя на один день». О чем речь?

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил!

Это ученики меняются местом с учителями. Предпраздничный обычай. Один день старшеклассники руководят школой. Президент «ВО» становится директором, способные старшеклассники ведут уроки, а учителя превращаются в учеников. Хорошо, если бы кое-кто из учителей не терял чувства меры. В общем, это то, что тут называют «светлой стороной просвещения».

Конечно, в Уиллоудэйле Вам ничего подобного не преподнесут.

Что с Вами? Вы как будто чем-то подавлены?

Беа.

* * *

ИЗ 304-й В 508-ю.

Дорогая Беа!

Я не подавлена, я убита.

Как-то раз я давала урок по Браунингу: «Сверх сил своих стремиться ввысь, на то и небеса». Сейчас я сама в этом не уверена. Чем выше я стремлюсь, тем больше ушибаюсь, когда падаю.

Как Вам удастся выстоять?

Сил.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил!

Эту записку принесет Вам прелестная девочка. Взгляните на нее внимательно. Вы часто встречали такую приветливую улыбку, такую гордую осанку? Ее только что приняли в Почетное общество. А в прошлом году она была готова бросить школу.

Пройдите по коридорам. Послушайте у дверей классов. В одном разговор об истоках греческой трагедии, в другом грамматические упражнения, в третьем хор голосов, спрягающих французские глаголы. Рядом отчет комитета о расчистке трущоб. Еще в одном тишина: решается математическая задача.

Сколько бы ни было бессмысленно растрченного времени, тупости, невежества, злоупотреблений, сколько бы ни было огорчений, все можно вынести, потому что нет ничего более прекрасного, чем школа. В каждом классе, на каждом этаже здесь происходит нечто очень важное — молодежь вступает в мир знаний.

Вот почему мне удастся выстоять. И Вам тоже.

Давайте встретимся в три часа. Если у Вас нет времени, то хотя бы дойдем вместе до метро.

Беа.

49. Уиллоудэйл

Пятница, 11 декабря

Дорогая Элен!

Меня очень развеселило твое описание свекра, свекрови и пережаренной индейки. А мне так нужно было развеселиться.

Твое приглашение провести вместе рождественские каникулы очень соблазнительно, но я не смогу его принять. Не смогу и поехать к маме. В ее письмах сменился лейтмотив: теперь она присылает мне газетные вырезки с объявлением о свадьбах. Не смогу приехать не потому, что билет на самолет стоит слишком дорого — я сэкономила целое состояние на обедах, так как не могу взбудрить свой аппетит к 10.17. Причина в другом — сразу же после каникул мне предстоит составлять многочисленные отчеты, УХи, выводить окончательные отметки. И все это для того, чтобы «облегчить отчетность», хотя до конца полугодия и остается целый месяц.

Другие учителя, более квалифицированные и более опытные, как-то ухитряются использовать это время для себя, некоторые даже отправляются путешествовать. Но я в полной растерянности — как вывести каждому из моих 201 учеников отметку по стобальной системе по такому предмету, как язык и литература? На чем основываться? На средней оценке по контрольным? На отношении к учению? На посещаемости? Уме? Памяти? Воспитанию? На таком чтении, к какому их приучили родители?

О Генриетте и происшествии в читальне: она вернулась и с утроенной энергией взялась за классиков, изобретая методы доведения их, как говорят, до ученического уровня. У нее появилась новая идея — укладывать содержание важнейших поэм в газетные заголовки. Я бы не поверила этому, если бы не увидела своими глазами, как ребята писали: **ПОЛУНОЧНЫЙ ВСАДНИК ПРЕДУПРЕЖДАЕТ О ПРОТИВНИКЕ. МОРЯК ВИНОВЕН В УБИЙСТВЕ ПТИЦЫ. ВСЕ УЗНАЕТСЯ ИЗ ЛЮБОВНЫХ ПИСЕМ ЖЕНЫ. СООБЩЕНИЕ О ГОВОРЯЩЕМ ВОРОНЕ.**

Теперь о случае с Фероне и с провожатым в уборную: здесь все обошлось без последствий. Фероне не провалился и не списывал. Больше того, он получил 89. В день экзамена его работу прочесали частым гребнем мы с Бестером, а после праздников то же самое сделал Макхаби. Никаких следов списывания. Но никто не извинился — ни передо мной, ни перед ним.

Зато в конце концов Фероне согласился поговорить со мной после занятий. Встреча состоится на будущей неделе. Не знаю, почему это так важно для меня. Ведь я не особенно преуспела и с другими. Не могу я разубедить Эдди Уильямса в том, что мир белых ему враждебен, как бы я ни старалась. Он в этом уверен, он знал это всегда. Не могу я пробиться и сквозь броню Гарри Кагана, разобраться, что за человек прячется за юным политиканом. Может, его там и нет? Мало что могу я сделать и для Лу Мартина — слишком уж отчаянно тоскует он по вниманию, отсюда и клоунада.

Побед у меня немного: Хосе Родригес, который понял, что он что-то значит; Вивиан Пейн, которая осознала, что не лишена обаяния; и несколько других, которые научились ставить правильно точки и запятые.

Думаю, что они все, так же как и я, хотят, чтобы их понимали и любили.

«Привет, училка, вы вернулись?»— здороваются со мною один из моих мальчишек.

«Я не «училка», а учительница. И у меня есть имя. Тебе бы понравилось, если б я обратилась к тебе: «Привет, зубрилка!»?»

«Еще как!»

«Почему?»

«Значит, вы наша».

Я хочу быть «их», но им нужны конкретные доказательства этого. Как у Грэйсона. Совсем случайно (ребята поклялись ему хранить тайну) я обнаружила его секрет. Оказывается, в своем подвале он открыл что-то вроде домашней кухни, кассы взаимопомощи, аптеки, ночлежки и агентства по найму. Пока все мы были заняты своими параграфами и характеристиками, он кормил ребят сэндвичами, ссужал их деньгами, находил для них приработки и сам давал подработать. Даже незаконно оставлял ночевать в подвале временно бездомных. В общем, делал все, чтобы оторвать их от улицы, от ее дурного влияния.

Фероне и другие получали от него не педагогическую болтовню, не концепции и рекомендации, не просьбы и угрозы — в общем, не слова, а дела, простые, жизненно важные: еду, деньги, работу.

Должна признаться, я почувствовала неловкость — ну что осязаемое могу дать им я?

Может быть, в Уиллоудэйле все будет иначе. Подумать только, что колледж Уиллоудэйл и средняя школа Калвина Кулиджа — и то, и другое — учебные заведения. А какой разительный контраст! Я спокойно пила чай с деканом факультета языка и литературы. Видела несколько учителей, сидевших там и тут: одни пили чай, другие читали, курили. В большие створчатые окна приветливо заглядывали ветви деревьев (один из моих учеников написал о школе его мечты, где в окна тоже будут видны деревья). Старые кожаные кресла, многочисленные стеллажи с книгами вдоль стен, непринужденная атмосфера, благовоспитанный смех...

Какие бы ни были там напряженные отношения или интриги — а они, безусловно, есть,— мне, как женщине и специалисту по Чосеру, их не дали почувствовать. Я почувствовала только то, что меня там рады видеть. Если я подойду, то буду преподавать

в трех классах — по три урока три раза в неделю, остальные два дня — индивидуальные консультации. Классы маленькие. Я, конечно, буду завалена сочинениями, извиняясь, сообщил мне декан, но у меня будет помощник для проверки тетрадей. Мое дело будет только учить. Я смогу даже вести семинар по Чосеру. И, конечно, все будет сделано для того, чтобы предоставить мне больше времени на подготовку диссертации, после защиты которой «быстро поднимаешься по научной лестнице».

Так сидела я, Сильвия Баррет из 304-й комнаты, и со мной разговаривали на моем родном языке, подчеркивали высокое назначение моей профессии, давали возможность почувствовать себя, как говорит Хосе Родригес, человеком.

Знаю, знаю, что склонна все идеализировать. Пол постоянно напоминает мне об этом. Но правда ведь: человек, стремящийся обучать, должен работать в Уиллоудэйле, а не в школе Калвина Кулиджа?

Беа с этим не согласна. Порой мне кажется, что она права.

Когда, пропустив один день, я вернулась в свои классы, мне показалось, что ребята искренне рады снова видеть меня. Но подзреваю, что они столь же довольны и тем, что доставили замечавшей меня учительнице несколько неприятных минут. Мне рассказали, что она вела урок крикливо и раздраженно — оказывается, накануне ей пригрозил ножом какой-то парень из другой школы.

«Мы устроили ей веселую жизнь», — с удовольствием сообщил мне Лу.

А Пол сочинил в мою честь стихотворение — пародию на «Элегию» Грея, которое начинается так:

Звенит звонок. Начало дня.
Но ты не спрашивай меня,
По ком звонит он, бестолков.
Смотри, толпа учеников,
Галдя, по лестницам летит,
Несется в толкотне, в борьбе...
Я знаю: колокол звонит,
Увы, по мне и по тебе.

Он по-прежнему воздействует на меня ямбами. И по-прежнему пытается напечатать свои экзотические рукописи. Им заинтересовался теперь новый издатель, и Пол готов лететь к нему по первому зову. А пока от нечего делать он пишет текст школьного представления, которое ежегодно устраивается за неделю до рождества и во время которого учителя и ученики меняются местами.

Жду не дождусь, когда увижу Мэри Льюис в детских носочках.

Жду не дождусь весточки из Уиллоудэйла.

Жду не дождусь ухода из школьной системы.

Или нет?

Я измучилась. Утешь меня своими письмами о новогодних елках и домашнем очаге.

С любовью,

Сил.

P. S. Знаешь ли ты, что, по данным статистики, в школах ежедневно происходит одно нападение ученика на учителя?

C.

50. Светлые стороны просвещения

КОМУ: Всем учителям.

НАСТУПАЮЩИЙ ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА БУДЕТ ОТМЕЧЕН ЗАВТРА НАШИМ ЕЖЕГОДНЫМ ШКОЛЬНЫМ ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ, КОТОРОЕ ЯВИТСЯ КУЛЬМИНАЦИЕЙ НАШЕГО ТРАДИЦИОННОГО ДНЯ «УЧИТЕЛЬ НА ОДИН ДЕНЬ». Я УБЕЖДЕН И ВЕРЮ, ЧТО ВСЕ С РАДОСТЬЮ ВОСПРИМУТ ЭТУ СВЕТЛУЮ СТОРОНУ ПРОСВЕЩЕНИЯ.

ПОЛЬЗУЮСЬ СЛУЧАЕМ, ЧТОБЫ ИСКРЕННЕ И СЕРДЕЧНО ПОЖЕЛАТЬ ВСЕМ И КАЖДОМУ ВЕСЕЛОГО РОЖДЕСТВА И СЧАСТЛИВОГО НОВОГО ГОДА.

Максуэлл Э. Кларк,
директор.

* * *

КОМУ: педагогическому коллективу школы имени Калвина Кулиджа.

УВАЖАЕМЫЙ УЧИТЕЛЬ!

ЕСЛИ ВЫ ЖЕЛАЕТЕ ПОДРАБОТАТЬ ВО ВРЕМЯ РОЖДЕСТВЕНСКИХ КАНИКУЛ, В АГЕНТСТВЕ ИМЕЮТСЯ ЗАПРОСЫ НА РЕПЕТИТОРОВ, ПРОДАВЦОВ, А ТАКЖЕ НА ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ БЫ НАДПИСЫВАЛИ АДРЕСА НА КОНВЕРТАХ С РОЖДЕСТВЕНСКИМИ ПОЗДРАВЛЕНИЯМИ. ПОЖАЛУЙСТА, ПРОЧИТАЙТЕ ВНИМАТЕЛЬНО ФОРМУ ЗАЯВЛЕНИЯ, КОТОРАЯ ПРИЛАГАЕТСЯ; РАБОТА УХОДИТ БЫСТРО!

Линде Розен — через почтовый ящик мисс Баррет. Прошу передать!!!

Линда!!! У тебя усохли финансы или пальцы одеревенели или почтовой бумаги больше не существует??? Почему ты не ответила на мой RSVP¹???? Ты знаешь что звонить тебе нельзя — твоя мама подслушивает по второму апп.!!! Je me porte tres bien et j'espere que vous etes le meme. Vous comprenez ma language??? Voulez vous venir a ma noel party avec Bob? Mes parents ne seront pas dans la maison!!! Nous voulons avoir un grand temps comme le dernier fois, parce que I got le «stuff», vous me comprenez, pour devenir haut!!! N'est pas???² Дай мне знать!!! Не тяни с ответом. На этом заканчиваю.

Roz.

* * *

ЦИРКУЛЯР № 99-В.

ТЕМА: «УЧИТЕЛЬ НА ОДИН ДЕНЬ»

ХРАНИТЬ ВСЕ ЦИРКУЛЯРЫ В ДЕЛЕ В СООТВЕТСТВИИ С ПОРЯДКОВЫМ НОМЕРОМ.

18 ДЕКАБРЯ, ТО ЕСТЬ ЗАВТРА, ПРОВОДИТСЯ ДЕНЬ — «УЧИТЕЛЬ НА ОДИН ДЕНЬ». НЕОБХОДИМ СЕРЬЕЗНЕЙШИЙ ПОДХОД К ЦЕЛЯМ И ЗАДАЧАМ ЕГО ПРОГРАММЫ. ВСЕ ВОЗНИКАЮЩИЕ ВОПРОСЫ РАЗРЕШАТЬ С МИСТЕРОМ МАКХАБИ.

* * *

Дорогая мисс Баррет!

Поскольку в следующем семестре меня ожидают перевыборы «ВО», я кладу свою карточку в Ваш ящик для писем. Прошу вписать в нее все мои общественные заслуги. Чтобы освежить Вашу память, они следующие:

Председатель «ВО»

Капитан патруля по столовой

Член отряда по охране лифта

¹ Repondez s'il vous plaît — ответьте, пожалуйста (франц.).

² Я очень здорова и надеюсь, что вы тоже. Вы понимаете мой язык??? Хотите вы прийти на мой рождественский вечер с Бобом? Мои родители не будут в доме. У нас будет шикарное время, как в прошлый раз потому, что я достала «зелье», вы меня понимаете, для поднятия настроения!!! Не так ли??? Роз (искаж. франц.).

Контролер «ВО»

Вице-президент общественного клуба

Секретарь хорового клуба

Постоянно пишущий в «Фанфары».

Мисс Игэн сказала, что она меня отметит за подготовку бинтов и тампонов для медицинского кабинета каждое утро, но я не уверен, что она это сделает, поскольку много других обязанностей не позволяют мне выполнять эту работу.

Будущий избранник учеников

Гарри А. Каган.

* * *

КОМУ: Всем учителям.

УЧИТЕЛЬСКИЙ КОМИТЕТ УСТРАИВАЕТ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ОБЕД В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЗАНЯТИЙ ПЕРЕД РОЖДЕСТВЕНСКИМИ КАНИКУЛАМИ ПОСЛЕ РОСПУСКА УЧЕНИКОВ В ПОЛДЕНЬ. СТОИМОСТЬ 2,25 ДОЛЛАРА С ЧЕЛОВЕКА — САМАЯ ДОСТУПНАЯ ЦЕНА, КОТОРОЙ НАМ УДАЛОСЬ ДОБИТЬСЯ.

ПРОСИМ УКАЗАТЬ ВАШЕ ЖЕЛАНИЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ОБЕДЕ, ПОДЧЕРКНУВ «ПРИМУ» ИЛИ «НЕ ПРИМУ» В СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ГРАФЕ, И ПОСТАВИТЬ КРЕСТИК СЛЕВА ОТ МЯСНОГО ИЛИ РЫБНОГО БЛЮДА (ПО ВЫБОРУ).

Я приму участие

Я не приму участия

В ТОРЖЕСТВЕННОМ ОБЕДЕ

АППЕТИТНЫЙ ФРУКТОВЫЙ САЛАТ С КЛУБНИКОЙ.

ГРИБНОЙ СУП С ГРЕНКАМИ.

КУРИНЫЙ ПАШТЕТ В БЕЛОМ СОУСЕ С ЗЕЛЕНЫМ ГОРОШКОМ (ИЛИ РЫБНОЕ ФИЛЕ ЖАРЕНОЕ С КАРТОФЕЛЕМ И СТРУЧКОВОЙ ФАСОЛЬЮ).

ВАНИЛЬНОЕ ИЛИ ШОКОЛАДНОЕ МОРОЖЕНОЕ.

ПЕЧЕНЬЕ.

КОФЕ — ЧАЙ — МОЛОКО.

* * *

ВНУТРИШКОЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил!

Ваш ящик набит письмами, как обычно, но постараюсь

втиснуть и свою записку. Я обещала Вашим ученикам выманить Вас из 304-й во время классного часа — ребята по заведенному обычаю хотят собрать деньги Вам на рождественский подарок. Так что загляните ко мне под каким-нибудь предлогом.

Завтра будет безумный день. Недурно бы нам подкрепиться сегодня после занятий двойной порцией порошкового молока, но я знаю, у Вас назначена встреча с Фероне. Попытаемся повидаться во время праздников. Я буду фактически одна, кроме тех двух-трех вечеров, когда поведу ребят, никогда не бывавших в театре, посмотреть один из внебродвейских спектаклей.

Надо полагать, что завтрашний школьный вечер тоже пройдет бурно.

Беа.

* * *

МИСС БАРРЕТ!

Алиса Блэйк ИЗ ВАШЕГО КЛАССА ДОЛЖНА БИБЛИОТЕКЕ СУММУ в 49 центов ЗА НЕВОЗВРАЩЕННЫЕ КНИГУ ИЛИ КНИГИ, ОЗАГЛАВЛЕННЫЕ «Королевские идиллии» АВТОРА Лорда Альфреда Теннисона. ЕСЛИ ДАННАЯ СУММА НЕ БУДЕТ ВЫПЛАЧЕНА ИЛИ КНИГА ИЛИ КНИГИ НЕ БУДУТ ВОЗВРАЩЕНЫ В ТЕЧЕНИЕ СЕМИ ДНЕЙ, ОН ИЛИ ОНА БУДЕТ ВКЛЮЧЕН В БИБЛИОТЕЧНЫЙ ЧЕРНЫЙ СПИСОК.

* * *

Уважаемая мисс Баррет!

Для точной уверенности, что я перейду, вот вам в счет зачета еще одно дополнительное изложение. У меня как-то засел в голове миф про одну Психею. Она торчала на полке как залежалый товар в то время, как все ее сестры давно вышли замуж, но старый оракул посоветовал посадить ее на гору на видное место и тогда сразу найдется жених. И правда, Купидон согласился взять ее в жены, но чтобы она на него не смотрела. Но сестра посоветовала ей — посмотри, если он чудовище, убей его, а нет — не надо. Она посмотрела, а он проснулся и улетел. Не покончив с собой, она нанялась в горничные к Венере и, сделав кое-какие дела, стала бессмертной и родила двух детей.

Все остальные учителя вынуждены меня перевести. Ха-ха!

Потому что я перерос всех в классе. Надеюсь, что и вы меня переведете после всех этих дополнительных изложений.

Очень уважающий,
Лу Мартин.

Дорогая мисс Баррет!

Я собираю деньги у ребят нашего класса на рождественский подарок в больницу Алисе Блэйк. Я все время вспоминаю, что она сидела впереди меня. Мы хотим купить ей плюшевую пантеру или кенгуру и написать на ней все наши имена, чтобы знала — мы ее не забыли.

С искренним уважением,
Кэрол Бланка.

51. Полюбите и вы нас

Четверг, 17 декабря

Дорогая Эллен!

Уже четвертый час ночи. Спать я не могу, мне нужно с тобой поговорить. Хочу рассказать тебе о том, что произошло сегодня, ничего не утаивая.

Было уже поздно, когда он вошел, мне кажется, я долго ждала. Помню, что я раскладывала и перекладывала бумаги на своем столе, подкрашивала губы, включала свет. Помню шум машин на улице и то, как он вдруг появился в дверях.

Он тихо закрыл за собой дверь и прислонился к ней в ожидании. Помню, что я подумала: как приятно, что он подготовился к нашей встрече — аккуратно причесан, без вечной своей зубочистки.

Я поднялась. Улыбнулась. Сказала, что рада видеть его. Я хотела повидаться с ним все полугодие. Он ответил, что знает об этом. И что мое желание исполнилось, вот он пришел.

Не обращая внимания на его наглый тон, я встала из-за стола и с классным журналом в руках села за парту, предложив ему сесть рядом, чтобы поговорить на равных. Я точно наметила о чем: он должен остаться в школе; надо попытаться поступить в колледж; исправить плохие отметки. О посещаемости, об отношениях с людьми. Я собиралась обратить внимание на несоответствие между его успехами и способностями. Я заранее подготовилась ответить на все его вопросы.

Он развязно подошел ко мне, но не сел. Он возвышался надо мною в расстегнутой кожаной куртке, слегка покачиваясь на каблуках, и глядел на меня сверху вниз, избегая моего взгляда.

Я сидела, держа у груди, как щит, свой классный журнал. Он знал, чего я добиваюсь, сказал Фероне. Он помнит каждый мой добрый поступок, начиная с первого дня, когда я защитила его перед Макхаби. И про бумажник, сказал он, и про найденный у него нож, и про экзамены, и про бесконечные мои просьбы остаться после занятий.

Наверное, шум на улице прекратился, а потом стал громче и назойливее. Я чувствовала, как колотится мое сердце прямо о твердую винно-красную обложку классного журнала. Он должен понять, зачем я его приглашала, сказала я, у меня только одно стремление — помочь ему...

Он не слушал меня. Он продолжал смотреть на меня сверху вниз, как будто мы поменялись годами и я сидела за партой, точно ученица, неуверенно отвечая вызубренный урок. Мои слова не доходили до него, я прямо-таки слышала, как отскакивали они одно за другим, точно камушки от оконного стекла.

Знаешь, как плавают под водой, и тяжело, и грациозно? Я уже встала. Каким-то образом я поднялась. Помню, как осторожно положила я классный журнал на парту, так, чтобы он не упал. Теперь я стояла перед ним безоружная, с пустыми руками. Я ощутила, как смыкаются вокруг нас всеми покинутое здание, опустевшая комната, парты, покинутые, безмолвные, словно надгробья; увидела обрывки бумаги, разбросанные по полу; книги, переполненные словами, стоящие на сломанной полке; бумаги на моем столе, взбухшие от слов... Медленно начала я отступать; медленно двигался он ко мне, безжалостный, как тень.

Немного погодя я оказалась у стены; больше отступать было некуда. Мой голос звучал, как испорченная пластинка, пока не наступило молчание. Шум на улице снова прекратился. Он был совсем рядом. Я взглянула на него и вдруг словно увидела его впервые, будто прежде знала его только по фотографиям, а теперь вот столкнулась лицом к лицу. Именно так.

Где-то загудела машина. Кажется, он двинулся ко мне. А может быть, нет. Я взглянула на него, и у меня не осталось слов, чтобы остановить нахлынувшие чувства.

Ничего не видя, я протянула руку и коснулась его лица. Никакие слова не могут выразить нежность, которую я испытывала. Мне хотелось приласкать его, как дитя, много натер-

певшееся в жизни. Как Персефона, я хотела сказать ему: милый, милый, «не так уж страшно здесь в аду». Я хотела ему это сказать, я хотела, чтобы он это знал. Но слов не было, были только мои руки на его лице.

Не знаю, сколько мы простояли так неподвижно, окутанные молчанием. В какой-то момент он прижался к моим рукам, потом, казалось, задрожал от моего прикосновения. Казалось, он вот-вот вырвется, но он не вырывался. Со сжатыми кулаками он был похож на боксера, готового к прыжку.

Его глаза разглядывали меня, не видя. Он испытывал меня. Что он просил у меня? Чего от меня хотел?

Он пришел с определенными намерениями. Он думал (заставлял себя думать), что наши намерения совпадают. Для него это был единственный путь к человеческой близости. А также к тому, чтобы унижить меня, наказать.

Я ничего не знала о его жизни за стенами школы. Я не могла ни представить ее себе, ни вообразить. И все же я знала его. Его лицо рассказало мне все. Молчаливый бой со всеми, столкновение чувств; презрение и желание; беспомощность и ярость. Жажда прикинуть и оттолкнуть, преклонить колени и бросить вызов.

Он ждал, что я подам знак.

Как донести до него мое понимание любви и ненависти, мою веру в любовь, совсем не такую, какую знал он? Жизнь выучила его задолго до меня.

Его глаза стали жесткими. Губы задрожали.

«Идите вы к черту!» Он повернулся на каблуках и выскочил из комнаты. Дверь закрылась за ним, а на улице снова загудела машина. Зачем-то я посмотрела на часы.

Он плакал?

Если да, то он никогда не простит мне этого.

Плакала я. Села за стол, положила голову на руки и расплакалась.

Почему? Время ответов на вопросы придет позже, будут и верные выводы, и неизбежные ошибки.

Потому что спустя несколько часов я уже думаю, что то, что я чувствовала к Фероне, и то, что чувствую сейчас, и что пишу, и что ты прочтешь в моем письме,— все это совсем не одно и то же.

«В чем истина?» — спросил насмешливо Пилат и ушел, не дожидаясь ответа. Но насмешливая Сильвия останется и отшутится от правды. Я пряталась за своим чувством юмора, оно помогало мне поддерживать дистанцию между мной и моими учениками. Это при всей моей увлеченности делом. Дистанция

была для меня как куплеты для Пола или «ха-ха» для Лу — она ограждала меня от подлинных чувств.

Возможно, что уже в следующем письме или в следующем абзаце я снова сумею увидеть во всем «смешные стороны»; все мы всё быстро забываем. Но был момент, или час, или сколько надо, чтоб выросла любовь, когда мы приблизились друг к другу, Фероне и я, человек — к человеку.

Любовь — высшее человеческое чувство. Оно требует взаимности. Я хотела, чтобы все мои ученики любили меня, все — от А (Аллен) до Я (Янг) по классному журналу. «Полюбите и вы нас», — просили они. Но у меня не было к ним подлинных чувств. «Полюбите меня, полюбите меня!» — призывали Алиса и Вивиан и все остальные. Может быть, теперь я сумею.

И этот урок преподавал мне Фероне. Мы обменялись ролями. Не я ему, а он был мне нужен, чтобы заставить меня почувствовать и понять.

Что даст мне это понимание? Как-то в столе находок я увидела дневник девочки, на обложке которого было выведено карандашом: «Не трогать! Не смотреть! Личное! Частное! Штраф!» Штраф за прикосновение к чему-то сокровенному слишком велик. Груз любви ко всем Фероне, ждущим меня в классе, невыносим. Куда как лучше подниматься на кафедру в Уиллоудэйле, просматривая свои аккуратные конспекты.

Я устала.

Я собиралась рассказать тебе в точности, что же произошло. Но вот я пишу и в своем рассказе что-то отбираю, что-то опускаю, что-то усиливаю. Какой внутренний редактор водит моей рукой? Почему меня больше привлекала черная овца (пользуясь терминологией Фероне), чем все белые ягнята моего стада? С какой стати я, в своем красном костюме, называю его ребенком? Задавая эти вопросы, могу ли я ответить на них со всей искренностью? У сердца своя правда, у ума — сомнения.

Ты читала мои письма с первого моего дня в школе. Ты знаешь, какой была я зеленой, нетерпимой и нетерпеливой, наивной и самоуверенной. И как ужасно я ошибалась.

Уже почти утро, будильник заведен на 6.30. А я все пишу и пишу...

Попробую уснуть. Завтра у нас учителя превратятся в учеников, а ученики в учителей, сумасшедший будет денек. Только этого мне не хватало.

Со всей любовью,
Сил.

Р. С. Знаешь ли ты, что я по крайней мере половину времени третила впусую?

С.

52. «Учитель на один день»

ВНУТРИШКОЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

ОТ: Г. Пасторфилд.

КОМУ: С. Баррет.

Дорогая Сильвия!

Не правда ли, очень весело?

Изображает ли у Вас кто-нибудь из учеников учителя? Я передала свой класс ребятам и делаю вид, что не знаю, как пишется «собака». Приходите к нам. Приведите своих ребят. У нас «вверх дном» на полном ходу.

Генриетта.

* * *

ИЗ 508-й В 304-ю.

Дорогая Сил!

Как Вы себя чувствуете? Сегодня утром Вы ужасно выглядели. Не пугайтесь суматохи в коридорах. Дикий хохот, клоунские колпаки, крики: «Предъявите пропуск, вы опоздали» — все это от полноты чувств.

Но есть в этом и злой умысел. Это день возмездия. Я слышала, что Лумис получил ноль по математике. Один из его учеников потратил уйму времени, добывая для него головоломную задачу у аспиранта математического факультета в Беркли.

Как прошла вчерашняя беседа с Фероне?

До встречи на представлении.

Беа.

* * *

Уважаемая мисс Баррет!

Джозеф Фероне из Вашего класса сегодня отсутствует, а Вы забыли заполнить на него форму № 1 (причины отсутствия).

Сэди Финч,
школьный секретарь.

Дорогая Сильвия!

Не найдется ли у Вас таблетки аспирина? Если есть, пришлите в медицинский кабинет. Я дежурю за медсестру, пока она легла отдохнуть.

Мэри.

* * *

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби, н. адм. о. с.

КОМУ: Всем учителям.

ВО ВРЕМЯ СЕГОДНЯШНЕГО НЕНОРМАЛЬНОГО РАСПИСАНИЯ УЧИТЕЛЯМ ДОВЕСТИ БЕСПОРЯДОК ДО МИНИМУМА. ДОСРОЧНОЕ ОКОНЧАНИЕ УРОКОВ БУДЕТ ОТМЕЧЕНО ТРЕМЯ ЗВОНКАМИ, ПОВТОРЕННЫМИ ЧЕТЫРЕ РАЗА. ВСКОРЕ ПОСЛЕ ЭТОГО НАЧНЕТСЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ. УЧИТЕЛЯМ НЕ ПОКИДАТЬ ШКОЛУ РАНЬШЕ ОБЫЧНОГО ВРЕМЕНИ.

Дж. Дж. Макх.

* * *

Сильвия!

Нельзя ли воспользоваться Вашим проигрывателем? Школьный вышел из строя.

И еще — занавес застревает. Не найдется ли у Вас пары верзил, которые бы стояли за сценой и тянули занавес? Надеюсь, представление Вам понравится. Здесь настоящий сумасшедший дом. Музыка, свет, декорации, костюмы — все неизвестно где. Мангейм забыл свой текст. Юм-Юм отсутствует, и какие-то балбесы — не наши — снуют по углам.

Многообещающее начало...

Пол.

* * *

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби, н. адм. о. с.

КОМУ: Всем учителям.

В СВЯЗИ С НЕОБЫЧАЙНЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ НИКТО НЕ ПАТРУЛИРУЕТ КОРИДОРЫ И ВХОДЫ, ЧТО МОЖЕТ ВЫЗВАТЬ ПРИХОД НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ. УЧИТЕЛЯМ, ИМЕЮЩИМ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ, ЯВИТЬСЯ В КАНЦЕЛЯРИЮ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ПАТРУЛЬНЫХ НАЗНАЧЕНИЙ.

Дж. Дж. Макх.

* * *

Сильвия!

Экстренно! Нельзя ли достать у кого-нибудь из Ваших учеников японский веер и немного лака для волос. Если нет веера, сойдет и ракетка для пинг-понга.

Второпях,

Пол.

(Не зайдете ли за кулисы — срочно требуется гример.)

* * *

ВСЕМ УЧИТЕЛЯМ:

Прошу не обращать внимания на предыдущие указания по поводу сегодняшнего распорядка звонков. Четыре звонка будут повторены дважды, что означает ранний уход учеников.

Три звонка, повторенные четыре раза, означают пожарную тревогу; желательно, чтобы не возникло путаницы.

Сэди Финч,

школьный секретарь.

* * *

Сильвия!

Не можете ли выделить еще двух парней (тоже рослых), которые придержали бы задник. Он расклеился. Еще нужен длинный шелковый пояс.

Мы будем готовы только через несколько минут. Не забудьте закричать «Автора! Автора!».

Пол.

(Сойдет любой широкий шарф.)

* * *

ВСЕМ УЧИТЕЛЯМ:

Прошу не обращать внимания на звонки. Представление задерживается. Держите своих учеников в классах до нового сообщения.

Сэди Финч,

школьный секретарь.

ВСЕМ УЧИТЕЛЯМ:

Прошу не обращать внимания на предыдущее указание по поводу звонков, потому что большинство учеников уже в зале.

Сэди Финч,
школьный секретарь.

* * *

ОТ: Джеймса Дж. Макхаби, н. адм. о. с.

КОМУ: Всем учителям

В СВЯЗИ С БЕСПОРЯДКОМ В КЛАССАХ СЕГОДНЯШНИЙ РАННИЙ УХОД СОСТОЯЛСЯ РАНЬШЕ, ЧЕМ ПРЕДПОЛАГАЛОСЬ. ВСЕМ УЧИТЕЛЯМ НЕМЕДЛЕННО ПРОСЛЕДОВАТЬ В ЗАЛ.

Дж. Дж. Макх.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

53. Вверх по лестнице, ведущей вниз

22 декабря

Дорогая Эллен!

Пишу тебе из больницы. Лежу со сломанной ногой. Ничего серьезного, но очень неприятно, потому что мне придется пролежать самое напряженное время в полугодии — каникулы.

Меня покалечило при исполнении служебных обязанностей. Скажу больше — сбило с ног сорвавшейся с петель дверью, к которой крепили декорации.

На меня не напали, не ранили ножом; я ничего не отстаивала, ни за что не сражалась. Я просто прошла за кулисы, чтобы помочь Полу с декорациями к школьному представлению.

Вообще, весь тот день был ужасен, как в фильме ужасов. Гарри Каган в роли Кларка пыжится на кафедре; учителя в джинсах и майках сосут леденцы и жуют резинку в преувеличенном старании выглядеть лихо. Помнишь, как там его звали, нашего профессора из Лайонс-Холла, который любил присаживаться на подоконник в рубашке с короткими рука-

вами, в подтяжках, небрежно жуя бутерброд,— этакий свой парень, один из нас. Здесь было такое же фальшивое товарищество — только уж больно все разошлись. Учителя со скалками и воздушными шариками, учительницы в японских кимоно с карандашами, воткнутыми в обильно политые лаком прически, поющие и танцующие в какой-то пародии на пародию; Барринджер — «Микадо», зал набит битком, ребята топчут ногами, свистят, и сквозь весь этот хаос пробивается отчаянный свист Макхаби.

Дело в том, что хулиганская компания с соседних улиц, по-видимому ребята, исключенные из школ, прослышав о нашем вечере, прорвались в зал, притащив с собой бак с мусором, и начали разбрасывать его. Вероятно, они метили на сцену, но попали в наших ребят. Естественно, те тут же стали кидать мусор обратно. Так все и завертелось. Зал без окон, переполненный своими и чужими ребятами, удручающе душно. В конце концов непрошенных гостей изгнали, мусор растоптали, представление продолжалось.

Наверно, песенки были остроумными, из-за поднявшегося шума ничего не было слышно. Я уже была за кулисами — как раз тогда дверь и упала мне на ногу. Красная дверь с нарисованной на ней золотой пагодой. Не знаю, где она раньше была, возможно в банке, тяжелая, как из железа. Чертовски было больно.

Доктор считает, что мне повезло. Я могла бы и раздробить ступню, а у меня «простое повреждение пятой плюсны». Несколько недель нога будет в гипсе, но я поправлюсь к началу нового семестра в Уиллоудэйле.

Нога моя подвешена, и сама я как бы повисла в воздухе — из-за канцелярской волокиты и презренной бюрократии я официально еще не уволена из нашей школы и официально не зачислена в Уиллоудэйл. Единственное, в чем я уверена,— это в том, что я в больнице, лежу целый день в постели, а где-то раздаются звонки, сменяют друг друга классы и ждут ученики. Дети в школах по всему городу, по всей стране присягают в верности флагу на собраниях, в залах, в классах, во дворах — сотни тысяч ребят, прижав к сердцу правую руку, запевают «...о нация, единая и неделимая...». А где-то ученики пишут контрольные, сжимают ручки, грызут карандаши, в автобусе или в метро продолжают спор, начатый в классе. И кто-то из них сидит, уединившись в библиотеке, уткнувшись в книгу.

Безделье нагоняет на меня тоску по школе. Я забываю о раздражении, опустошенности, переутомлении, неблагодарности. Об усталости к трем часам дня и усталости по пятницам.

О раннем подъеме к первому уроку, о том, как одеваюсь зимой при электрическом свете, чтобы успеть пробить табельную карточку до сигнального звонка, успеть стереть ругательство с доски, успеть разыскать оконный крюк и т. д. и т. п.

А «непонимание чувств»! (Как часто ловлю я себя на том, что цитирую учеников.) А пустые разговоры, педагогизирование и бумажные мили слов...

Одна минута без слов с Фероне, одна минута глубокого взаимопонимания, и я уже соскочила с катушек.

А Фероне — где он и что с ним станется?

Я все вспоминаю его слова: «Почему вы считаете себя какой-то особенной? Только потому, что вы учительница?» А на самом деле он хотел сказать: «Вы — человек особенный, вы — учительница. Вот и научите меня, помогите мне. Я заблудился и устал взбираться вверх по лестнице, ведущей вниз».

Я тоже.

Чего я хотела? Задать «наводящий вопрос», как того требует «Примерный план урока». Вопрос, который бы заставил учеников задуматься о человеческих побуждениях, — и получить в ответ то, что мне может и не понравиться.

Так чего же я хотела? Я хотела, чтоб хоть один ученик чувствовал себя иначе в школе. Хотела стать учителем, которого не забудут. Может быть.

Я хотела найти с учениками общий язык, добиться взаимопонимания. И чтоб меня любили? Да.

Я хотела облагородить их души, хотела пробудить их ум, научить любить книги и открыть им дорогу в большой мир. Уподобиться богине? Вроде того.

Я хотела вступить в неравный бой со всем, что мешает просвещению. Освещать путь? Ну да!

И вот я собираюсь все бросить.

Что же я, тоже «отсев»?

Думаю о новых учениках, которые придут и уйдут, оставив только фамилии в классном журнале. Такие же ребята, только с другими именами, делающие такие же ошибки. Думаю о том, как мало мы можем сделать для них, даже любя, впрочем, любя — и того меньше. А я собираюсь в Уиллоудэйл. (Ох уж мне эти окна, откуда видны деревья!) Думаю, что совсем я не особенная, в конце концов.

У меня будет время, пока я лежу здесь с моей пятой плюсной, еще о многом подумать.

Только что принесли кипу писем.

Пиши мне по адресу больницы. (Я не сообщила ни маме, ни родным о несчастном случае.) Расскажи, подрос ли мой

заводной заяц для Сюзи к рождественской елке, удался ли твой яичный коктейль?

Веселого тебе праздника.

С любовью,

Сил.

P. S. Какие тебе привести статистические данные? Знаешь ли ты, что средний возраст женщин, получающих травмы в школе, 48,2 года? Кажется, я сюда не подхожу.

С.

54. Счастливо вам болеть!

Счастливо вам болеть и выздороветь поскорее! Вашу заместительницу мы так извели, что она больше не появится — даю голову на отсечение. Пока она устраивает истерику в канцелярии, мы обходим всех по алфавиту с подписным листом, хотя многих нет, чтобы известить вас, что ваш метод преподавания был отличным и приличным. Желаю новогоднего счастья навсегда.

Фрэнк Аллен.

Элизабет Эллис сказала, что мы должны подписаться своими фамилиями, чтобы показать, что мы не боимся своих убеждений. Если нет сил, то и небеса не помогут — очень правильная мысль, и я ею пользуюсь в жизни. Это показывает, что ваши уроки влезли в голову, а не только по ней барабанили. Надеюсь, что вы скоро выздоровеете и будете опять завлекать нас книгами.

Эндрью Альварес.

(Подписывался — Аноним)

Кто-то распространил ужасный слух, что вы не вернетесь. Нам ужасно плохо без вас. И мы не радуемся, хотя рождество. Пожалуйста, пожалуйста вернитесь, я все сделаю, даже прочту «Юлий Цезарь».

Джанет Амдур.

Дарить на рождество можно не обязательно вещь. Мы хотим вам подарить наше письмо о том, как вы помогли нам в этом полугодии, что мы и решили сделать. Как вы подарили мне любовь к школе, которой мне раньше не хватало.

Ужасно, что вы ушиблись, но говорят, вы скоро будете здоровы. Если бы Алиса сидела впереди меня, она бы тоже подписалась, так что я подпишусь за нее. Счастливого рождества!

Кэрол Бланка и Алиса Блэйк.

Если вы это прочтете, а я надеюсь, что так будет, вы узнаете, что я вас обожаю, а если мои поступки иногда показывали обратное, то извините меня. Вы может быть удивитесь, потому что я вела себя незаметно и никогда не писала в «ящик пожеланий», но знайте мое мнение, что вы самый замечательный человек из всех известных мне учителей. Я вынуждена покинуть вас и искать работу в следующем полугодии, но может быть мне удастся иногда взглянуть на вас, я живу не очень далеко, узнав, где живете вы.

Кэтрин Вользов.

Вы и Розеанна (моя выдуманная сестра-близнец) — мои лучшие друзья и на вас обеих приятно смотреть. Пусть не случится ничего неприятного с вами в больнице. У других учителей на занятиях языка у меня были мучительные головные боли. А у вас я могла бы просидеть двадцать уроков в день подряд. Да, могла бы.

Ваша поклонница
Фрэнсин Гарднер.

Хотя я вроде и скривила рожу, когда вы сказали, что прочтете стихи, но потом пожалела. В случае, если я вас лично не увижу, я надеюсь, что они спасут вашу ногу. Я знала кое-кого, тоже сломавшего ногу и он до сих пор на костылях. Я подписывалась «Угадайте кто?» — вы угадали?

Рэйчел Гордон.

Я не могу поверить, что вы не вернетесь. Школа без вас будет не школа. У вас предмет получился не такой путаный и не такой непонятный, что увеличило мои знания. Я и вся моя семья молимся за вашу поправку для языка и литературы.

Генри Дэниелс.

(Застенчивый Никто — теперь вы знаете)

Мисс Баррет, которая помогла мне в моем образовании так же, как в моей личной и деловой жизни, лучшие новогодние пожелания.

Гарри Каган.

(Будущий избранник учеников)

== Роналд Липп.

Теперь об этом можно рассказать, кто я.

Вы, как жемчужины в океане. Я расскажу своим детям о вас и о том, как я у вас учился. Мой девиз: никогда не забывать. Сейчас у нас день тянется бесконечно, а у вас урок летел как крылья. Даже от вашей одежды было светлее. До конца своей жизни я буду стараться набирать силы, чтобы высоко лететь.

Ронни.

Есть и похуже вас.

Ваш рдуг.

Раньше был ваш рваг — С. Марино.

Счастливых праздников! И рождественских пиров! И счастливого Нового года! И долголетних уроков языка и литературы! Вы первая учительница, что-то вбившая в мою дубовую голову, ха-ха! «Удар тот был жестоким самым» — когда вы покинули нас. Это слова вашего кавалера Шикспера (Юл. Цезарь), в слу-

чае если вы не знаете. Так что выздоравливайте сейчас же. И возвращайтесь здоровая и счастливая, чтобы научить нас еще чему-нибудь. Благодаря вам я меньше бездельничаю, хотя и продолжаю. Иногда.

Лу Мартин.

Если только бог вас вылечит, я больше никогда не буду неподготовленным (домашние задания). Я притворялся, когда писал всю эту всячину в ящик для пож. С первого дня, когда я упал со стула (помните?), это было — к вашим ногам, но я этого не мог показать.

Ястреб.
(На самом деле я Ленни Неймарк)

Вы мне помогли тем, что вели себя просто.

Мура-Вей
Джилл Норрис.

Я по-прежнему ненавижу баб, но не вас. Это можно сказать от всего класса, включая 16 отсутствующих. Можете вернуться. Не знаю, вернусь ли я.

Рэсти О'Брайен.

Я отказываюсь подписывать всю эту чепуху.

Отрава.

Новый год в Калвин Кулидже может быть счастливым только если вы вернетесь снова учить нас. Я никогда не встречала такой, как вы, всю свою жизнь. Я ждала каждого завтра, чтобы скорее увидеть в чем вы будете одеты и что будете делать. Вы мне помогли уже дойти до 14-го размера. У моей сестры 11-й размер, но у нее худые ноги. Я буду любить вас, пока не умру.

Вивиан Пейн.

Уже вся страница занята. Что я хочу сказать я много жаловался. Но я не знал какое счастье когда были вы, пока нам не дали эту идиотку вместо вас. Она не знает толка, а преподает его.

Разочарованный
Мигель Риос.

Я бы переплыл Ла Манш, как «Геро и Леандр», лишь бы вы нас учили. И это не миф, а правда. Счастливого рождества и счастья. (Я теперь могу писать без страха, что отметки соберутся против меня, и стараюсь не думать об атомной бомбе. Надеюсь, что от этого вам легче в больнице.)

Чарльз Роббинс.

Вы меня толкнули взять библиотечную карточку и получать больше от своих чтений. Вы ко мне отнеслись как родная моя мама, а я очень любил свою маму, когда она еще была жива. Мне кажется, я вас люблю почти столько же. Вы самая лучшая учительница в школе.

Хосе Родригес.

Не считайте меня нескромной, но я отношусь к вам, как к другу. Вы сделали даже Шекс. понятным. И даже я стала скромнее одеваться. Я наклеиваю ресницы только на свидания. Может быть, это не мое дело, но вы молодая, и я надеюсь, что вы не останетесь учительницей всю жизнь. Я желаю вам скорее выйти замуж и ухаживать за мужем и детьми, а преподавание отнимает у вас жизнь. Если вы останетесь дома и будете

воспитывать семью, вы будете очень счастливы и будете видеть
вашего мужа очень часто.

Линда Розен.

I. Как вы мне помогли:

A. Оценка жизни.

1. Избранная дорога.

а. (выбор)

2. Юлий Цезарь.

а. (был ли прав Брут?)

3. Орфография (исправлено на 99%).

4. Браунинг (человек, который уже добрался до неба).

5. Буквы алфавита, вместе взятые, составляют всю
литературу.

B. Я часто думаю об этих проблемах.

II. Счастливого Рождества!

Подросток,
то есть Рики Рош.

Некоторые чувства нельзя выразить словами. Я это знаю,
хотя и собираюсь стать писательницей. Но я думаю, что вы
поймете, что я имею в виду, когда говорю только СПАСИБО.

Элизабет Эллис.

Больница хороший урок, но для негров и больницы плохие!
Сегодня мне пометили опоздание, хотя почти рождество.
Разве это честно? Что бы я ни делал, я последний, даже на
этом подписном листке я почти предпоследний.

Эдуард Уильямс.

Вы моя самая запоминательная учительница. Вы преподаете
предмет так быстро, что он может войти в мозги и
остаться там. И вы человек с хорошим чувством юмора и с
учительской любовью.

Джерри Хайемс
(бывший прогульщик).

Извените за ошипки. Если бы я прележно учился я бы написал вам хорошее письмо, как другие. Если вы разбирете мою песанину, вы узнаете, что ваш класс был самым щестливым временем моей жисни.

Настоящее имя Марвин Черток.

Желаю вам полного выздоровления и Нового года! Вы дали мне более глубокое понимание таких людей, как Пигмалион, и других.

Сэм Янг.

(Раньше подписывался Мистер Икс)

55. Отлично за прилежание

24 декабря

Дорогая Эллен!

Вот и рождественский вечер, а я лежу здесь с загипсованной подвешенной ногой, и она частично закрывает нечто похожее на траурный венок — цветы, преподнесенные мне Советом учительской взаимопомощи. На постели свалены многочисленные бумаги: из Совета по образованию (где все еще не знают, мужчина я или женщина), из Уиллоудэйла, от моих коллег, от Финч, от Макхаби, рапортички о несчастном случае, отчетная ведомость на конец полугодия — бумаги для заполнения, бумаги для проверки, бумаги на подпись, бумаги для отправки и бумаги для подшивки.

Как будто я и не попадала в больницу...

Сюда пускают двух посетителей в день. Беа бывает очень часто. И Макхаби явился выполнить свой долг и все время смотрел на часы, явно выжидая, когда будет прилично уйти. Приходил Пол с остроумной пародией на Эзру Паунда. Он начал новый роман — о физике-атомщике, которого заманили на какой-то полуостров, кажется Камчатку. Это в России или, может быть, в Азии. Были и представители от всех моих классов.

А мои подопечные прислали подписной лист, полный открытий для меня. «Ястреб» оказался хуленьким и запуганным мальчиком, от которого я никак не ожидала комплиментов, мой «рваг» превратился в моего «рруга»: я не прошла незамеченной через 304-ю.

Ребята из 5-го английского класса прислали мне подарок. Представляю, сколько усилий и добрых чувств потребовалось им, чтобы собрать на него деньги. Их крайняя безвкусица тронула меня почти до слез — блестящая никелированная пепельница или конфетница, украшенная стеклянными гроздьями.

А мой «ОО» класс (мои особо отстающие, неуспевающие, мои малоспособные) сочинили мне оду, которую я еще не получила, потому что она переписывается тушью на глянцевой бумаге.

От Фероне ни слова.

Спасибо за твое доброе письмо. Как хотелось бы, чтобы ты была права, но я слишком хорошо знаю свои недостатки. Оказывается, я была влюблена в отвлеченное обучение и в отвлеченных учеников. Я не умела никого слушать — ни родителей, которые пытались что-то объяснить мне в День открытой школы, ни самих ребят, пока не столкнулась с одним из них лицом к лицу.

Беа нашла к ним ключ. Она руководствуется своими чувствами — вот почему для нее все просто. И Грэйсон — для него тоже все просто. Но я, Сильвия Баррет, какой я заслуживаю оценки? Отлично? Отлично за прилежание?

«Сверх сил своих стремиться ввысь», — учила я ребят. Но это значит не идти на компромиссы и не отчаиваться даже при неизбежных провалах, помня о величии цели. И не сдаваться, как бы ни влекли тебя кожаные кресла Уиллоудэйла. «*Sauve qui peut*», — сказал как-то Пол.

Слышу, что у двери посетители...

Продолжение следует...

Только что ушла Беа. Она принесла новости о последних законоположениях: в будущем рождественские представления запрещаются. Все входы в школу, кроме главного, будут заперты. Бдительность дежурных удваивается. Вносилось предложение, но не прошло: обыскивать всех посетителей школы. Зал должен использоваться только для совещаний. Декорации выбросили на свалку.

Я расспрашивала о своих учениках. Эдди Уильямс определенно уходит, как и некоторые другие. Хосе Родригес остается. Вивиан Пэйн тоже. Она хочет стать учительницей, а для этого требуется аттестат. Беа ничего не знает ни о Рэсти, ни о Фероне.

Я тоже ничего не знаю о Фероне. Кем он окажется — моим позорным провалом или моим единственным взлетом? Вряд ли я это узнаю, если он отсеется.

«Что происходит в школе?» — спросила я.

«Там идет жизнь», — ответила Беа.

Бессовестная агитация! Она все еще пытается уговорить меня остаться.

Это несправедливо. Я и сама раздваиваюсь, когда перечитываю их послания, когда смотрю на эту безобразную конфетницу из никеля и стекла, когда вспоминаю их мордахи...

Я знаю, что легкоранима.

Но я должна реально смотреть на вещи. Смогла ли бы я вынести то, что меня ожидает в Калвин Кулидже? Научилась бы ничего не принимать близко к сердцу, равнодушно пробивать табель, входя в школу, и с облегчением — выходя? Смогла бы я со временем ожесточиться, как Лумис, или стать такой же ворчливой, как Мэри?

В Уиллоудэйле у меня будет возможность быть самой собой.

Если я решу остаться в школе Кулиджа, Кларк может — не без оснований — указать в своем полугодовом отчете, что я не в своем уме.

А пока в Уиллоудэйле ждут резолюции Совета на мое прошение об увольнении и письма от доктора Кларка — простая формальность. Я жду: «Уважаемый сэр или мадам, ваше ходатайство удовлетворено». Ни сожаления, ни благодарности, только «ходатайство удовлетворено». Как я понимаю, Совет обычно придерживается такой формы ответа.

И, конечно, жду писем от тебя. Я пробуду в больнице еще неделю, или две, а потом возьму свою загипсованную плюсну домой — и так до конца полугодия.

Выпей за меня на твоей вечеринке и — цитирую в последний раз своего ученика — желаю новогоднего счастья навсегда.

С любовью,

Сил.

P. S. Знаешь ли ты, что из нью-йоркских школ уходит в среднем тысяча учителей в год?

С.

56. Баллада

НАШ КЛАСС ТРУДИЛСЯ СЧАСТЛИВО,
КОГДА ЕГО ВЕЛИ ВЫ.
МЫ ВСЕ ЗАПОМИНАЛИ
И НЕ БЫЛИ ЛЕНИВЫ.

ДИКТАНТЫ, ИЗЛОЖЕНИЯ —
ЛЕТЕЛ БЫСТРО УРОК.
НЕ РАДОСТЬ, СОЖАЛЕНИЕ
НАМ ПРИНОСИЛ ЗВОНК.

НО ВОТ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ
ВАС УЛОЖИЛ В БОЛЬНИЦУ,
ЧТОБ КТО-ТО БЫЛ ВАС ЛУЧШЕ,
НАМ ДАЖЕ И НЕ СНИТСЯ.

ВЕРНИТЕСЬ К НАМ, МИСС БАРРЕТ,
ЖДЕМ ВАС, ЖДЕМ ВАС, ЖДЕМ ВАС.
БЕЗ ВАС ТОСКА. НЕДАРОМ
ВАС ПОЛЮБИЛ ВЕСЬ КЛАСС.

Счастливого Рождества и Нового года —
от ваших поэтов из класса «ОО»
по литературе и языку.

57. Многоуважаемый сэръ или мадам

СОВЕТ ПО ОБРАЗОВАНИЮ ГОРОДА НЬЮ-ЙОРКА

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ СЭР ИЛИ МАДАМ!

В ОТВЕТ НА ВАШЕ ПРОШЕНИЕ ОБ УВОЛЬНЕНИИ ДОВОДИМ ДО ВАШЕГО СВЕДЕНИЯ, ЧТО ОНО БЫЛО ЗАПОЛНЕНО ВАМИ НЕ ПО ФОРМЕ.

ВАМ СЛЕДУЕТ ЗАПРОСИТЬ НАДЛЕЖАЩУЮ ФОРМУ ИЗ ОТДЕЛА ШТАТОВ И НАЗНАЧЕНИЙ.

* * *

5 января

Уважаемая мисс Баррет!

Мы надеемся, что Вы будете работать у нас в Уиллоудэйле с февраля. Как Вам известно, Вашему назначению должно предшествовать Ваше увольнение из школы, оформленное Советом по образованию, и соответствующее письмо за подписью директора Вашей школы. Эти документы до сих пор нами не получены. Просим известить нас о причинах их задержки.

С сердечным приветом,

Роберт С. Корбин,

факультет языка и литературы.

P. S. Весьма вероятно, что будет введен семинар по Чосеру для восьми студентов, желающих совершенствоваться в знаниях языка и литературы.

* * *

Уважаемая мисс Баррет!

Направляю вам в больницу циркуляры 42 и 43 по поводу благополучия учителя. Прошу заполнить рапортчики А и Б о несчастных случаях и бланки, которые посылает Вам мисс Финч в отдельном конверте. Все это немедленно перешлите нам по почте (засвидетельствованное свидетелями несчастного случая).

Нам плохо без вас.

Джеймс Дж. Макхаби,
нач. адм. о. с.

5 января

Дорогая Сил!

Как я рада, что Вы уже понемножку ходите и скоро выпишетесь из больницы. Вы прекрасно выглядели, когда я Вас видела на прошлой неделе. Такой спокойной и отдохнувшей. Неудивительно!

В школе обычный послепраздничный бедлам. За время каникул отвыкаешь от здешней суеты и горячки, и в первое время голова идет кругом, но проходит день-два — и опять втягиваешься. Сейчас мы в самом разгаре рапортчек и входящих. Библиотека закрыта для учеников; опять мы роемся в бумагах и что-то вносим в УКУ.

Не может быть, чтобы Вас здесь не было в следующем семестре. Чем Вас заманить? Обеденным перерывом в полдень? Классом с 35 учениками? Способными старшекласниками? Оседлым расписанием? Красными карандашами в нужном количестве? Запасными тряпками для доски? Наконец, починить вам окно?

А может быть, Вас соблазнит надежда на новое здание, которое Совет обещает вот уже семь лет. Школьный двор с садом, столовые и учебные кабинеты, кондиционеры, электронные звонки, два гимнастических зала и плавательный бассейн...

Уверяю Вас, что преподавать здесь не так уж плохо. И можно добиться с подростками гораздо больше, чем со студентами колледжа. Особенно Вам, прирожденному педагогу, с Вашим умением заставлять учеников думать.

Возвращайтесь!

Новый семестр будет почти во всем похож на предыдущий. Только учеников будет еще больше. Мэри добровольно согласилась на дополнительные обязанности советника по отметкам. Лумис, получивший работу на заводе с гораздо более высоким окладом (и без ребят), вдруг простудился и решил остаться в теплой школьной атмосфере. Пол парит по школе в винных облаках. А Генриетта за праздники побывала в парикмахерской, и волосы ее из седых стали рыжими.

Да я и сама когда-то порывалась уйти. Но я чувствую, как много потеряет школа, если мы Вас лишимся.

Беа.

* * *

Уважаемая мисс Баррет!

Прошу Вас внести окончательные отметки в прилагаемые

семестровые ведомости на каждого из Ваших учеников, с тем чтобы перенести эти данные в УКУ.

Прошу Вас послать мне данные обо всех пропусках (по уважительной причине и без нее) и опозданиях (по уважительной причине и без нее) на каждого из Ваших учеников.

А также библиотечный черный список учеников, которые не вернули книги, и деньги, собранные на подписку на «Фанфары» и для Всеобщей Организации.

Надеюсь, Вы чувствуете себя лучше.

Сэди Финч,
школьный секретарь.

* * *

СОВЕТ ПО ОБРАЗОВАНИЮ ГОРОДА НЬЮ-ЙОРКА

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ СЭР ИЛИ МАДАМ!

ПОСЛЕ 35 ЛЕТ ШТАТНОЙ РАБОТЫ ИЛИ ПОСЛЕ 30 ЛЕТ СЛУЖБЫ ПО ДОСТИЖЕНИИ 55 ЛЕТ И ПРИ НАЛИЧИИ ТРЕБУЕМОЙ НАГРУЗКИ ИЛИ ЕСЛИ УЧИТЕЛЬ НЕ ДОСТИГ 55 ЛЕТ И НЕ ИМЕЛ ТРЕБУЕМОЙ НАГРУЗКИ, ТО ПОСЛЕ 30 ЛЕТ СЛУЖБЫ ОН ИМЕЕТ ПРАВО УЙТИ НА ПЕНСИЮ, НО ПРИ ЭТОМ ПЕНСИЯ ЗНАЧИТЕЛЬНО СОКРАЩАЕТСЯ.

* * *

Уважаемая мисс Баррет!

Ввиду досадной и огорчительной небрежности Ваше письмо с просьбой направить письмо в колледж Уиллоудэйл непредвиденно попало не по адресу. Я буду рад и счастлив, если Вы все же намерены нас покинуть, написать Вам рекомендацию с удовлетворительной оценкой, но я надеюсь и верю, что Вы вернетесь на работу к нам.

С искренним приветом,
Максуэлл Э. Кларк, директор.

* * *

Дорогая Сильвия!

Очень рада, что Вы выздоравливаете. Не осталось ли у Вас лишнего ключа от уборной? Если да, пошлите его мне.

Генриетта.

* * *

СОВЕТ ПО ОБРАЗОВАНИЮ ГОРОДА НЬЮ-ЙОРКА

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ СЭР ИЛИ МАДАМ!

ПО-ВИДИМОМУ, ВАМ НАПРАВИЛИ ПЕНСИОННЫЙ БЛАНК
ВМЕСТО БЛАНКА О ПЕРЕВОДЕ НА ДРУГУЮ РАБОТУ.

ОТДЕЛ ШТАТОВ И НАЗНАЧЕНИЙ.

* * *

Дорогая Сильвия!

Учительский комитет (меня и туда впахнули) хочет знать, уходите ли Вы и если да, то когда, чтобы начать собирать для Вас деньги на прощальный подарок и чай.

Я собиралась навестить вас, но работы так много, что мне приходится ежедневно забирать ее домой, а иначе не справиться вовремя. Я бы с радостью где-нибудь полежала, как Вы.

Мэри.

* * *

СОВЕТ ПО ОБРАЗОВАНИЮ ГОРОДА НЬЮ-ЙОРКА

В ОТВЕТ НА ВАШ ЗАПРОС ПО ПОВОДУ БЛАНКА О ПЕРЕВОДЕ НА ДРУГУЮ РАБОТУ СООБЩАЕМ, ЧТО ВАМ БЫЛ НАПРАВЛЕН БЛАНК СТАРОГО ОБРАЗЦА ВМЕСТО БЛАНКА НОВОГО ОБРАЗЦА.

ОТДЕЛ ШТАТОВ И НАЗНАЧЕНИЙ.

* * *

Уважаемая мисс Баррет!

К трем часам все пункты прилагаемого циркуляра № 134 должны быть заполнены. Просмотрите также приложение к циркуляру.

Я очень огорчена тем, что Вам прислали из Совета по образованию не те формы. Вы должны обратиться за нужной Вам формой в отдел штатов и назначений.

Сэди Финч,
школьный секретарь.

* * *

Уважаемая мисс Баррет!

Я вспоминаю урок о «Неизбранной дороге» и плодотворную

беседу с учениками о выборе. Надеюсь, что Ваш выбор окажется правильным. Но любое решение, как Вы сами говорили на том уроке, оставляет чувство сожаления.

Желаю быстрейшего выздоровления.

Сэмюел Бестер.

* * *

Дорогая мисс Баррет!

Сколько я ни повышаю свои отметки, моя средняя все еще 61 балл. Ну что же! Будем надеяться, что еще одно дополнительное изложение поднимет меня до 65 баллов. У меня больше нет книг для чтения, но я постараюсь прочесть еще, если я перейду.

ОДИССЕЙ

Одиссей покинул Трои, убив миллиона два народу, и возвращался домой со своими людьми. Но великаны на острове остановили их и разорвали Одиссея на куски. После этого они пошли к Циклопам, которые их постепенно съели, но Одиссей сунул что-то в его глаз и ослепил Циклопа, что привело к тому, что Циклоп не видел. После этого они пошли к Цирцее, которая превратила людей в свиней, но Одиссей превратил их обратно. В конце концов они отправились на остров Солнца и съели всю солнечную скотину. Но Зевс убил всех, кроме Одиссея, поскольку он был главным героем. Теперь все люди погибли. Одиссей высадился в Огидо и находился там 7 лет. Наконец он возвращается домой. Даже если я не перейду, я надеюсь, что вы вернетесь. Потому что вы знаете, что не можете обойтись без нас. Ха-ха! (Я много смеюсь, но большей частью не серьезно.)

Лу Мартин.

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

58. Привет, зубрилка!

Это 304-я?

Эй, она вернулась!

Вас выпустили из больницы?

Ура! Мы заполучили Баррет!

Как ваша нога?

Давайте похлопаем ей.

Спасибо за ваши аплодисменты, но, пожалуйста, хватит. Хватит, спасибо. Я тоже рада опять встретиться с вами. А теперь, пожалуйста, заполните эти карточки, пока я проверю, кто в классе.

Какое сегодня число?

Первое февраля, ты, болван!

Негде сесты!

Эй, смотрите, сколько новеньких!

Я не опоздал, звонок дали раньше.

Вы и по литературе у нас?

Лу Мартин здесь? Ах, вот ты где.

Кто, я? Это не я. Честное слово, ей-богу...

Перестань паясничать, Лу. Знай, что ты был прав, совершенно прав.

У вас был грипп?

У кого есть лишняя ручка?

А резинку не хочешь?

Мне не нужна карточка, я уйду из школы.

Останься после занятий, и мы поговорим.

Дайте мне пропуск. Мне нужно выйти, я могу показать справку от врача.

Эй, окно разбито.

Заткнитесь, вы, дайте ей слово сказать!

Асеведо Фиоре?

Здесь.

Адамсон Руфь?

Здесь.

Пожалуйста, тише. Я ничего не слышу, когда вы... Поставь парту на место. Амдур Джанет?

Здесь.

Доброе утро. Ты почему опоздал?

Я не опоздал, я переводился к вам на язык и литературу. Я очень рада. Встань где-нибудь. Аксельрод Леон?.. Подождите с вашими циркулярами, пока я не проверю, кто в классе. Аксельрод Леон? Его нет?

Еще бы. А когда он бывает?

Ваше счастье, что его нет.

Подождите, он еще вам покажет!

Эй, подвинься!

Смотрите, у меня парта дырявая!

Мне сюда?

Привет, училка!

Привет, зубрилка!.. Белгадо Рамон?

ЭССЕ

Идеи не приходят из воздуха,
они приходят из души.

Essays

2336

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page]

© by Bel Kaufman.
Эссе «И снова вверх по лестнице, ведущей вниз» опубликовано на языке оригинала до 27 мая 1973 г.

*И снова вверх по лестнице, ведущей вниз*¹

Жизнь наступает литературе на пятки. Со страниц своей собственной книги я сошла на землю, выглядевшую до странности знакомой, но превратившуюся теперь во вражеский стан: я возвратилась в мир нью-йоркских средних школ.

Поначалу я представляла себе свою задачу достаточно легкой. Себя я видела воплощенной Сильвией Баррет (правда, немного постаревшей) — героиней «Вверх по лестнице, ведущей вниз», которая, преодолев громадные трудности и проявив чувство юмора и душевный такт, сумела-таки найти путь к сердцам своих учеников. Вот уже в течение шести лет я являюсь в глазах широкой публики Сильвией Баррет. Учительницы отождествляют себя с нею, дети пишут ей письма, и я даже получила письмо, адресованное просто «Сильвии Баррет, учительнице».

Итак, она, точнее я, стала давать уроки в двух специализированных школах, где меня лично знали и радушно приняли: мое пальто висело в кабинете директора, завтракала я за особым столом, среди учителей были мои друзья со студенческой скамьи. Хотя я просила не говорить школьникам, кто я, слух быстро распространился.

— Правда, это вы написали ту книгу?

— А нас вы опишете в книжке?

— Надпишите, пожалуйста, мою алгебру.

Одна девочка привела свою подружку; стоя в дверях, она застенчиво указала ей на меня: «Это она». А кто-то даже положил мне на стол яблоко.

Но все это было не то. Я и сама видела, что это не то. Ведь я имела в виду совсем другое — преподавать в обычной средней школе Нью-Йорка, предпочтительно инкогнито. Может, надеть парик? Темные очки? Мне пришла в голову мысль лучше: я позвонила в Совет по делам образования и устано-

¹ Перевод на русский язык издательство «Радуга», 1982.

вила, что давным-давно выданное мне удостоверение, согласно которому я имею право работать замещающей учительницей, все еще действительно; кроме того, в нем проставлена прежняя моя фамилия, которая большинству людей ничего не говорит.

Я тут же записалась в качестве замещающей учительницы миссис Дж. у секретарей восьми школ, где я преподавала в прошлом, но где меня вряд ли узнали бы. Регистрационный номер, предмет, телефон. Явка по первому вызову.

Теперь я должна вставать по утрам в половине седьмого, чтобы к 7 часам быть готовой отправиться на работу по звонку — вызову из любой школы, которой я понадобится сегодня, чтобы провести урок по таким-то и таким-то предметам. Однажды меня вызвали для проведения урока физкультуры. «Ничего страшного, — заверила меня секретарь. — Дуйте в судейский свисток да отмечайте отсутствующих — и все дела». В течение четырех месяцев я попеременно была учительницей английского, биологии, испанского, французского, естествознания, а в один тяжкий день даже преподавала счетоводство и бухгалтерию.

Мое пальто не висело в директорских кабинетах, завтрак мне больше не подавали за особым столом.

— Так как вы пришли рано, мы попросим вас провести еще один урок...

— Будьте добры, раздайте эти конверты учителям на всех этажах...

Пять уроков, внеклассные занятия, продленка, домашние задания. Я совсем забыла, какой это выматывающий труд — преподавать.

Преподавать? Что преподавать? Где преподавать? Я была счастлива, если в три выбиралась из школы целой и невредимой.

Когда в январе 1965 года вышла в свет моя книга «Вверх по лестнице, ведущей вниз», она произвела на многих впечатление разорвавшейся бомбы. «По сравнению с сегодняшней нашей школой, — сказал мне недавно один учитель, — в вашей книге изображена прямо-таки утопия». Не совсем так, конечно: предубеждения там содержались. Всего лишь предзнаменования — комок жеваной бумаги, брошенный из озорства, но еще не бунтарское потрясение основ; тлеющее недовольство, но еще не буйный мятеж. Тогда все еще можно было смотреть на ребят с юмором. Но теперь в тоне, в чувствах, во взглядах и взаимоотношениях учеников и учителей произошла такая пугающая перемена, что я чуть ли не с благодарностью воспринимала нелепости, сохранившиеся с прежних времен. Вот некоторые мои торопливые записи:

Объявление у часов-табеля гласит: «Часы пробивают дырки не на том месте. Просьба все равно отбивать время».

В почтовом ящике нет ключей. Может, их снова унесла домой учительница, которую я замещаю? Нет. Оказывается, в воскресенье, во время школьных танцев, произошла кража: были похищены ключи из всех почтовых ящиков.

В почтовом ящике, впрочем, полно непохищенных указаний. Например: «Раздайте всем учащимся, в том числе отсутствующим».

Ненормальное расписание звонков с уроков и на уроки является нормой. Как и всегда, указывается какое-то странное время: 8 ч. 03 м.— 8 ч. 46 м. и так далее. Какой это урок? Когда он кончается? Никто не знает.

Если раньше о начале и окончании урока оповещал звонок, то теперь вместо него мрачно ухает электрическая сирена, словно невидимая сова где-то в темных закоулках школы.

Все тот же школьный дух. Все то же серое однообразие. Все те же выщербленные парты.

Но есть и кое-что новое. Полицейские в вестибюле. Доска «Черного бюллетеня». Объявление для родителей, переведенное на испанский. Программа борьбы с наркотиками. Новая тема: «Африканская поэзия». Школьница держит в руке брошюрку: «Что делать, когда вас арестуют». Я прошу дать мне ее прочесть — девушка отвечает, что книжка нужна ей самой.

Классная доска, на которой нарисованы мелом обычные предрождественские гирлянды, но надписи уже совсем другие. Вместо «Мир на земле» — «Полиция на земле». «В этом году Дед Мороз — черный».

Сбоку кто-то нацарапал: «Сохраняйте красоту Америки! Не забывайте чистить зубы!» Внезапной болью пронизывает мысль: «Но ведь они же еще дети!»

Моя персона вызывает у них стереотипную реакцию:

— Она не пришла?

Бывает, они лишь заглянут в дверь:

— Ее нет? — и исчезают.

Учителя встречают меня равнодушной шуткой:

— Кто вы сегодня?

— Мистер Росс, — отвечаю я, — разве вы не видите?

Действительно, кто же я? Как на испорченной любительской фотографии, где отпечатались один на другом несколько снимков, я совмещаю нескольких людей в одном лице: Бел Кауфман, писательница и т. д.; миссис Дж., скромная замещающая учительница; Сильвия Баррет — мое второе «я». Я — учительница, которую в настоящий момент замещаю, и учительница,

которой была много лет назад, и учительница, которой стала теперь. По-моему, во мне даже осталось что-то от ученицы средней школы в Ньюарке, штат Нью-Джерси.

В воскресенье Бел Кауфман выступает с речью перед большой аудиторией педагогов из других городов; в понедельник миссис Дж. стоит перед классом, состоящим из враждебных и презрительных подростков, тщетно упрашивая их уделить ей несколько минут внимания. Конечно, мне легче от сознания, что я в любой момент могу... Я хочу сказать, что мне не так тяжело, как если бы... Ведь на самом-то деле я не обязана...

А каково приходится одиннадцати тысячам настоящих замещающих учителей в одном только Нью-Йорке, которые обязаны идти по вызову и в дождь, и в снег, и в темень зимнего утра! Как приходилось и мне когда-то.

Правда, тогда все было много легче. За последние восемь лет, когда я, оторвавшись от школьной действительности, преподавала в колледже да выступала с речами на съездах учителей, в школах произошли разительные перемены. Дети, которые оспаривали друг у друга право выполнить поручение учителя и огорчались из-за полученной плохой отметки, исчезли. Я на собственном опыте убедилась, что теперь я больше не могу попросить ученика стереть с доски. В первый же раз, когда я обратилась к школьнику с такой просьбой, он с удивлением обернулся к классу:

— Чего это она, шутит?

Как я обнаружила, ученики души не чают в своих пальто. Они ни при каких обстоятельствах не желают с ними расставаться. Исключение составляют лишь те школы, где верхнюю одежду в обязательном порядке запирают в гардеробах до окончания учебного дня. Девочки, прижавшись друг к дружке, сидят в пальто даже в самых жарких классных комнатах — может, для того, чтобы как-то отгородиться, уединиться, а скорее всего, чтобы быть готовыми в любой момент сбежать с занятий.

В прошлом на стенах школьных столовых висели объявления: «Разговоры запрещаются», а в комнате для внеклассных занятий соблюдалось требование «абсолютной тишины».

Шум в этой, сегодняшней, внеклассной комнате стоит такой, что хоть уши затыкай. Ученики орут, швыряются друг у друга через всю комнату книжками комиксов, списывают друг у друга домашние задания. Вдруг весь этот гвалт перекрывает голос из громкоговорителя: «Даю клятву верности...» Ну конечно, освященная временем церемония салюта флагу. Но что это? Встает один-единственный ученик; он поворачивается лицом к грустно поникшему флажку на стене и, приложив руку к серд-

цу, повторяет слова «клятвы верности», поет первую строфу «Звездного знамени» и садится.

— А дальше? — спрашиваю я.

— Дальше не обязательно, — объясняют мне ученики. — Если кто хочет, может, конечно, и дальше, но это было бы вранье. Ведь нету же никакой свободы и справедливости для всех.

Как мне кажется, переменялись также и учителя. Некоторые из моих старых друзей, некогда вкладывавшие всю душу в своих учеников, стали осторожничать. Они избегают столкновений, делают вид, что ничего не видят, ничего не слышат. Даже в тех школах, где не царит дух насилия, я ощущаю какое-то уныние — последствие перенесенных травм: забастовок, схваток, поляризации. «Мы расплачиваемся за все, что упустили раньше», — сказала мне одна старая учительница. Другая учительница с тоской о прошлом вспоминала свое собственное детство, когда школа служила убежищем от грязи и низости внешнего мира. «Теперь же они принесли его в школу».

Для тоски о прошлом есть все основания, ибо минули те дни, когда школьные преступления именовались «нарушениями дисциплины» и сводились к опозданиям, жеванию резинки на уроках, курению сигарет в уборной, «эпидемии воровства мела» и беготне не по тем лестницам.

Сегодня газеты пишут о многочисленных случаях ограбления, когда грабитель грозитя удушить свою жертву, хулиганской порчи имущества, вооруженного грабежа, физической расправы и изнасилования, причем все это творят не закоренелые преступники, а наши же дети, в наших школах.

Да, внешний мир вошел-таки в школу. Включая наркотики.

Мои записи кратки: *«Занятие, посвященное наркотикам. Сотня ребят собралась в музыкальной комнате послушать трех молодых людей, бывших наркоманов. Никакого морализирования, лишь наглядное описание: тюрьма, металлические койки.*

— Вас заставляют раздеваться, показывать нижнее белье.

— И новичков тоже сажают?

«Похоже, кого-то проняло».

Время от времени среди преподавателей постарше мелькнет смутно знакомое лицо. Новых учителей можно принять за учеников: молодые люди в джинсах и кедах; девушки с длинными прямыми волосами. Ребятам это нравится; они хотят, чтобы их учили молодые преподаватели, «приобщившиеся ко всему этому». А черные дети хотят учиться только у черных учителей. «Какая мне радость глядеть на белую физиономию?»

«Завтра будет еще хуже», — заверяют меня ученики. Они

только что подожгли мусорные баки в школьной столовой. И на доске красуется надпись: «Конец света — сегодня, ровно в 5.30».

Интересно, что пишут на классных досках в других школах, в других городах? Разумеется, я не могу обобщать: я делюсь моими личными впечатлениями, почерпнутыми в максимально трудных условиях — на должности поденной замещающей учительницы. Даже сравнение с Сильвией Баррет не вполне справедливо: как-никак она вела своих учеников в течение целого учебного года. Я же веду их в течение сорока двух минут.

Стремясь узнать их получше, я в начале каждого урока в новом классе прошу учеников написать что-нибудь о себе: «Что значит сегодня быть молодым и учиться в средней школе» или «Каким (какой) я себя ощущаю». Их сочинения трогают меня до глубины души.

Дорогая, как Вас там зовут, ведь не найдешь хоть кого, кто бы к нам относился как к равным. Спасибо, что пришли.

Мы молодые, но мне все кажется, что мы старше чуть не всех людей.

Не надо поджигать чужой дом из-за того, что он красивее твоего. И вот еще что я думаю: раз моя мамаша не сделала аборт, когда была беременна, то и я тоже не стану делать и убивать моего ребенка.

Быть молодым не так уж плохо. Хоть есть что делать.

В прежние времена в любой школе, даже самой «трудной», царила атмосфера работы, успешно осуществляемого учебного процесса. Несмотря на скуку, пустую трату времени и неумелость, учеба продолжалась. Каждый знал, где он находится. Учителя были перегружены, но отнюдь не запуганы. Администрация была свойственна напыщенная амбициозность, но никак уж не паранойя. Дети были сорванцами, но совсем не преступниками. Их проблемы носили сугубо юношеский характер: прыщик, вскочивший на лбу; свидание, назначенное на субботний вечер; строгие родители; слишком много домашних заданий. Но сегодня все, что было таким ясным и определенным в пору нашего школьного детства и имело такие же четкие границы, как коричнево-синяя географическая карта над доской (вы знали, что она всегда там, даже когда свернута), — все это ушло в прошлое. Как им, должно быть, страшно жить!

Я всегда хотела быть не собой, а кем-то еще.

Я видела смерть многих близких, жила с отсталым ребенком и научилась справляться с жизнью. Хотела бы познакомиться с Вами поближе.

Чего я буду мучиться, долбить предмет, который мне потом

не нужен?! Я хожу в школу не для того, чтобы свихнуться на какой-нибудь геометрии или испанской цивилизации.

Может, если я попрошу у боженьки помощи в моих делах, он захочет помочь мне.

Мои родители разошлись. Пусть всегда будут мир и любовь.

Иной раз мне случается два дня подряд преподавать в одних и тех же классах. И уже возникает чувство продолжающегося общения: я узнаю их, они — меня. Я сообщаю им, что прочла их сочинения; я говорю об их одиночестве и смятении, о том, как трудно сегодня быть молодым. Класс, который накануне встретил меня в штыки, примолк и внимательно слушает. Что-то я в них разбередила.

— В самую точку,— говорит один ученик.

Не так давно Сильвия Баррет хотела, чтобы они ее полюбили, все до одного. Ей казалось, что она слышит их немую мольбу: «И вы любите нас!»

— Вся беда школы в том,— просвещает меня ученик,— что учителя позволяют нам всячески издеваться над ними. Есть тут одна учительница — мальчишка обругал ее, а она слова ему не сказала!

— Они реагируют только на гнев,— говорит учитель,— потому что тут-то они понимают, что ваше чувство искреннее.

Изводить замещающего — традиционная забава. Меня уверяют, что я попала не в тот класс, перепутала уроки; вызванные отвечать называют не свою фамилию; ученики пересаживаются с места на место, вбегают в классную комнату и выбегают из нее — все это типично детские шалости. Но эта подспудная ярость, что готова вырваться наружу от одного резкого слова, эти внезапные вспышки ненависти и презрения суть сугубо взрослые чувства.

«Пусть они имеют дело со своими. Нам они не нужны. У нас есть своя жизнь»,— пишет чернокожий паренек в моей повести. Сегодняшний ученик в сегодняшней школе пишет: *«Когда придет революция, белых фашистских свиней поставят на одну доску с черными Томами».*

Выступая перед учителями, я говорила: «Проблемы дисциплины не существует вовсе — есть лишь ребенок, которому скучно, которого приучили считать себя неспособным».

Я говорила им: «Мы, родители и учителя, достигли бóльших успехов в воспитании, чем сами это признавали, потому что мы дали нашим детям мужество задавать вопросы, свободу совершать поступки».

Я говорила: «Нет таких детей, с которыми нельзя было бы

установить контакт,— есть лишь учителя, которых ничему нельзя научить».

И еще я говорила: «Каждый раз, когда учитель входит в класс, перед ним открываются возможности стать великим».

Очень легко потерять присутствие духа, удариться в панику. Ловлю себя на попытке выторговать немного внимания в обмен на что-то свое, личное, сыграть на своей слабости. Рассказываю ученикам о том, как мне пришлось учиться английскому в двенадцать лет, сидя в одном классе с шестилетними.

— А сейчас-то вы говорите по-английски?

— Вы кто — еврейка?

Измученная, как боксер в конце раунда, с нетерпением ожидая, когда зазвонит звонок — заушает сова, я спрашиваю себя: «Как случилось, что я стала их врагом? Когда, в какой час, в какой день?»

— Присматривайте за своей сумочкой! — орет одна школьница.— У меня не все дома!

— Эй, дайте-ка мне вашу ручку,— вопит у меня над ухом другая.— Почему вы, черт возьми, не отвечаете мне?

Я взрываюсь и кричу. Класс отвечает гулом голосов — что-то среднее между одобрительными и неодобрительными возгласами. Наконец-то они задели меня за живое. А мне задеть их за живое не удалось.

Можно обуздать насилие, можно пресечь истерию, но как побороть апатию? Я веду программу школьного труда. Эти девочки полны апатии. Я спрашиваю их, что бы они хотели делать; я предлагаю им на выбор и то, и это. Нет, они лучше посидят здесь до конца урока.

— Может, у вас журнальчик найдется?

Разве можете Вы понять мою проблему или проблему моего народа, Вы ведь сама белая, и мы живем в разных обществах.

Трудно жить в нынешнем мире, не знаешь, кому верить и что делать.

Если бы президент курил травку, в мире жилось бы куда лучше.

Мы — отпетые, нам сам черт не брат, хвастают они. И все-таки даже в худшем классе я обычно встречаю хотя бы одну пару глаз, устремленных на меня с глубоким вниманием. Алчущих знаний.

Каждый день я приношу все новые их сочинения. Они жалуются на «крайне нездоровую» пищу в школьных столовых, на «школы-тюрьмы», на своих учителей — «диктаторов, самодержцев, обманщиков и промывателей мозгов». Они беспокоятся по поводу «добрачного секса». Их тревожит перспектива безрабо-

тицы по окончании школы. Они превратно истолковывают демократию: «Мы можем делать все, что захотим». Они жаждут ясности и мира. И у них такое чувство, что им отпущено очень мало времени. Те, кто ощущает себя счастливыми, как бы оправдываются: «Наверно, я какой-нибудь псих или чокнутый, но я люблю школу».

Мы редко сознаем, к чьей душе мы нашли путь, как и почему это удалось.

Трудный класс в трудной школе. Я начинаю урок с проверки посещаемости — администрация настаивает на немедленном представлении списка отсутствующих. Рослый черный парень в желтой вязаной шапочке стоит посреди класса спиной ко мне. Я прошу его сесть. Он — ноль внимания.

— Я не вижу за вами класс,— говорю я.

— Смотрите сбоку.

В этом гомоне трудно выкликать их фамилии. Вот чешская фамилия, которую носит один из немногих белых мальчиков в этом классе.

— Как правильно произносится ваша фамилия? — спрашиваю я его.

Он угрюмо пожимает плечами.

— Все равно никто не может выговорить.

— Попробую я. Так? — и называю его фамилию.

Он с изумлением смотрит на меня.

— Откуда вы знаете?

— Я росла в России. Произношение очень похожее.

Возгласы с мест:

— Вы — русская?

— Э, так вы по-русски говорите? — Это их внезапно заинтересовало.

— Скажите что-нибудь по-русски!

Я говорю. Уважительное внимание; они — со мной.

В конце урока парень в желтой шапочке подходит ко мне с листком бумаги, вырванным из блокнота.

— Напишите что-нибудь по-русски,— командует он.

Я пишу на листке русское слово.

— А как это произносится?

— «Хорошо». Это значит «good».

Довольный, он кивает. Шевеля губами, направляется к двери. Бумажку держит в руке, как талисман. У двери он оборачивается, какое-то мгновение колеблется, подыскивая точные слова для выражения — вот только чего? Извинений? Чувства восхищения? Он выражает максимум того, на что способен:

— Счастливы вам!

А вот школа, оставшаяся точь-в-точь такой же, какой я ее знала,— специализированная средняя школа для одаренных подростков, которые должны сдавать вступительный экзамен. Большинство учеников белые. Порядок, серьезная целеустремленность, интерес к экзаменам, колледжу, политике, искусству.

Терпеть не могу школьных радикалов, которые все время затевают беспорядки. Я не предубежден, я — правый.

Один подросток из «Вверх по лестнице, ведущей вниз» пишет: «Вы можете угадать по моему почерку, белый я или нет?» Сегодня я сказала бы иначе: «Можно ли по моему письму и чтению определить, белый я или нет?» И как это ни прискорбно, придется ответить: «Да». Мы гораздо лучше относимся к нашим «способным» ребятам. Неизменное школьное уравнение имеет такой вид:

Белые — хорошие ученики
Черные — плохие ученики

Что и требовалось доказать

Их соответственные места в этом уравнении определены еще с младенческих лет.

Теперь я в одной из самых худших школ в городе. Даже замещающие не хотят идти туда; секретарь умоляет по телефону:

— Очень прошу! Вы нужны нам!

Многие постоянные учителя отсутствуют — ничего удивительного. Бандитизм в зале, наркотики на лестницах, хулиганство, вымогательство, избиения. В нарушение правил пожарной безопасности учителя ведут уроки при закрытых дверях, чтобы оградить учеников от шатающихся по коридорам орав; на днях такая шайка, ворвавшись в класс, где шли занятия, выволокла одного из учеников и жестоко избила его в зале.

Меня просят дать урок естествознания. Вручают мне два отпечатанных синими буквами плана урока, которые я должна взять за образец: «Научный метод — гипотеза, дедукция».

Иду в класс. Ученики обступают меня, выкрикивая непристойности и размахивая большой фотографией обнаженной женщины с центрального разворота «Плейбоя». Они уверяют меня, что проходят по естествознанию половые сношения.

— Эй, училка, что это такое? — Он показывает на фото.

— А этому ты нас будешь учить?

Мальчишка присаживается на мой стол и, склонясь ко мне, спрашивает под гогот класса:

— Вот когда я буду заниматься этим с девчонкой,— он явно решил вогнать меня в краску,— откуда я узнаю, так я все делаю или не так, если вы меня не научите?

Я сохраняю хладнокровие: мы здесь все взрослые.

— Будешь делать не так, она тебе подскажет,— говорю я.— Убери эти картинки.

С научным методом покончено, но они не оставляют меня в покое все сорок нескончаемых минут, пока меня не освобождает крик совы.

На следующем уроке в другом классе я действую умнее. Сообразив, что главное — это правильно рассчитать время, я выжидаю на лестничной площадке, пока они зайдут в класс. И тут я стремительно вхожу, быстро-быстро произнося по-русски первое, что приходит мне в голову:

— Я не понимаю — не понимаю, почему здесь стоит такой шум и гам, прошу садиться, вышел зайчик погулять.

Они ошеломленно смолкают. Я пользуюсь минутным замешательством.

— Как вы думаете, почему я, входя, говорила по-русски?

— Чтобы привлечь наше внимание.

— Совершенно верно. Ловко я это придумала? Погодите, может быть, я сумею вас заинтересовать. Дайте мне только возможность — ну, скажем, пять минут внимания?

По рукам!

В этой же самой школе я увидела девочку — не старше пятнадцати,— очень черную, очень заметно беременную, которая весело прогуливалась по залу, посасывая леденец. Я спросила у секретарши, приносят ли они своих младенцев в школу.

— Бывает,— ответила она,— вон та девица, никудышное, испорченное до мозга костей существо, принесла однажды в школу своего ребенка, и знаете, как она смотрела на него? Вы бы не поверили, что это все та же девочка!

Верю. Ведь в тот момент у нее, наверно, было такое выражение лица, какого ни один белый учитель никогда не видел в классе.

Мы убиваем себя. Ничего не можем поделать с собой. И так уже поздно — не будем больше терять время. Все мы погибаем.

Нам твердят: «Подождите до трех часов, подождите до июня». А ведь Перемены — они Сейчас!

Власти предрержающие предлагают многочисленные перемены: нужно-де побольше денег, побольше полицейских, побольше специализированных школ, поменьше специализированных школ, побольше школьных автобусов, поменьше школьных автобусов, укрупнение школ, разукрупнение школ.

— А вот вы сами, как бы вы изменили школы? — спрашиваю я учеников.

— Сожгли бы их.

Может, они правы. Может, нам следует начать все с самого начала, на голом месте.

Должны ли все дети посещать школу под страхом уголовного наказания? Сидеть в классной комнате? Зубрить школьную премудрость? По-моему, для нынешнего поколения рассерженных городских детей наши традиционные школы стали анахронизмом.

Да, мы должны начать с самого начала: позаботиться о будущем черного младенца в грязной трущобе, по одеялу которого снуют крысы.

Ну а как же быть пока? Осталось ли что-нибудь, на что можно было бы опереться? «Счастливы вам», — сказал мне один ученик.

Мой знакомый врач, приехавший в Америку из России, на первых порах, не познав всех тонкостей английского языка, приговаривал, когда выслушивал больного: «Вдохновляйте — издыхайте, вдохновляйте — издыхайте». Может, только эта альтернатива нам и осталась? Может, вся наша награда — установить личный душевный контакт с одним-единственным ребенком?

Не знаю, не знаю. Сильвия Баррет думала, что знает. «Любовь столь же сильна, сколь и ненависть», — утверждала она, но я увидела вокруг сплошную ненависть.

Это не просто обычная журнальная статья. Это мое прощание с Сильвией Баррет, которую я породила в лучшие дни.

«Я хотела облагородить их души, — говорила она, — хотела пробудить их ум, научить любить книги и открыть им дорогу в большой мир. Уподобиться богине?..»

Куда уж там... Скорее как в детском стишке про божью коровку:

Божья коровка, скорей лети домой.

Домик твой пылает, деточки сгорят.

Февраль 1972

Письмо покойному учителю¹

Дорогой мистер Сток!

Наверно, Вы не вспомнили бы меня, даже если бы еще были живы. В 512-й классной комнате Саутсайдской средней

¹ Перевод на русский язык издательство «Радуга», 1982.

школы Ньюарка (штат Нью-Джерси), где Вы преподавали нам английский и литературу, я сидела позади всех в третьем ряду. Вы поставили мне самую высокую отметку и минус за неприготовленный урок.

Вы предложили нам написать в классе сочинение о героине одного из романов Томаса Харди (видимо, о Тэсс?), а я забыла прочесть роман, который Вы задали нам читать на дом. Застигнутая врасплох, я принялась с лихорадочной поспешностью строчить что-то свое: описала молодую женщину; комнату, в которой она сидит; косой луч света, падающий сквозь высокое окно; руки женщины, сложенные на коленях; мысли, которые бродят у нее в голове. Я ждала провала, позора и — самое страшное — Вашего разочарования. Вместо этого Вы поставили мне минус за невыполненное домашнее задание и высшую оценку — за творческую самостоятельность. «Это не героиня Харди, — размашисто написали Вы красными чернилами под моим творением, — но свою собственную ты изобразила очень живо».

Пораженная, преисполненная благодарности, я поверила в себя, в свои возможности. Вы поддержали меня.

А я нуждалась в поддержке. Я была робкой, застенчивой девочкой-подростком, чересчур впечатлительной, чересчур иноземной. Английский я выучила совсем недавно и говорила еще скованно, с трудом. Завитки волос длинными колбасками свисали мне на лопатки — это в эпоху короткой стрижки «под фокстрот» и прилизанных завитков на висках! Мне позволяли лишь слегка подкрашивать губы бледной помадой — тогда как в моде был алый рот в форме лука Купидона! Как я мечтала о тонких каблуках и серых, с отливом, шелковых чулках. Как страстно я желала, чтобы у меня были выщипанные брови, галоши с отворотами, макинтош с цветными буквами — инициалами мальчиков, сами мальчики!

С момента, когда я двенадцатилетней девочкой приехала в Америку, и вплоть до того времени, когда, перескакивая через младшие классы, достигла возраста средней школы, я постоянно была самой старшей ученицей в классе, которую спрашивали в последнюю очередь и которой уделяли меньше всего внимания. Я была пустым местом, нулем.

По-моему, Вы сами не ведали, что Вы для меня сделали, мистер Сток. Ведь мы, учителя, чаще всего не знаем, на кого нам удалось повлиять, каким образом и почему. Вы отметили не недостатки мои, а достоинства. Впервые я вдруг поняла, что нечто, созданное моим воображением, может быть реальным для кого-то другого. Удачи педагогики ка-

ким-то образом связаны с этим «впервые», с этим восторгом открытия: «Эврика!», «О, понимаю! Вижу!» — будь то новая планета в небе или буквы алфавита, вдруг складывающиеся в слово.

Другие учителя обращались с нами иначе. Один имел обыкновение молча, с поджатыми губами ставить аккуратную единицу в зловещий черный кондуит. Другой — его класс был следующий по коридору после Вашего — любил с тонким сарказмом и во всеуслышание разбирать все наши прошлые проступки, упирая на то, что последний переходит уже всякие границы.

По правде говоря, я помню лишь очень немногих моих учителей. Учитель латыни заставлял нас сидеть неподвижно, положив руки на парту и глядя прямо перед собой. Это называлось «поддержанием дисциплины». А учитель истории присаживался на подоконник, болтал ногами и пытался подкупить нас фальшивой панибратской манерой.

Вы же исходили из одного простого факта: если урок интересен, мы будем внимательны. Мы были более чем внимательны. Мы жаждали, чтобы урок тянулся подольше, потому что Вы умели в нужный момент поставить неожиданный провоцирующий вопрос: «Почему?», который переворачивал вверх дном весь наш беспорядочный багаж заранее составленных мнений и заставлял нас думать еще долго после того, как прозвенит звонок. Вы не пытались подладиться к нам, понравиться нам, Вы никогда не держались с нами запанибрата. Вы были учителем. Вы внушали к себе абсолютное уважение. И благодаря тому, что Вы с уважением относились к себе и к нам, мы могли уважать себя.

Через решето памяти выборочно просеиваются... Нет, Вам эта фраза явно не понравилась бы. «Слишком литературно,— сказали бы Вы.— Простота сильнее». Поэтому я только расскажу, как однажды Вы остановились у моей парты и тихо спросили: «Не идет дело? Не знаешь, как начать?» Я кивнула — и начала. В другой раз Вы сказали, что у меня характерный почерк. Или Вы назвали его своеобразным? Я уже не помню. Неважно. Важно другое: как много это для меня значило. Перескочив через младшие классы, я, естественно, перескочила и через пальмеровский метод обучения письму с помощью овалов и линий, вследствие чего мой почерк был иным, чем у моих одноклассников. А он, оказывается, характерный — подумать только!

Впрочем, Вы каждого заставляли почувствовать собствен-

ную неповторимость. Как-то раз Вы привели нам шекспировские строки:

Кто знает те слова, что больше значат
Правдивых слов, что ты есть только ты? ¹

Я знала, что Вы имеете в виду меня. И каждый из тридцати четырех учеников в классе знал, что это — о нем.

Когда кто-нибудь из нас возвращался в класс после длительного отсутствия, Вы говорили: «Нам тебя не хватало». Когда кто-нибудь не был готов к уроку, Вы укоризненно качали головой: «Очень жаль, мы надеялись услышать твое мнение». Когда кто-нибудь опаздывал, Вы исходили из того, что опоздание вызвано уважительными причинами, о которых незачем спрашивать. Вы держались с нами на равных, как со взрослыми, и поэтому на Ваших уроках мы и ощущали себя взрослыми. «Избегайте казуистики», — могли сказать Вы, считая само собой разумеющимся, что мы либо знаем это слово, либо заглянем в один из нескольких словарей, которые всегда были разложены здесь и там в Вашем классе. Мы лезли в словарь. Потому что Вы считали нас порядочными людьми, пунктуально посещающими занятия, добросовестно приготавливающими домашние задания, честно, без подглядки пишущими контрольные работы, преданными учебе и ответственно относящимися к своим гражданским обязанностям, — мы и были таковыми. Были! Для Вас. Вы действительно верили в это — вот в чем все дело. Вы были искренни — до того как это слово попало под подозрение; терпимы — до того как это слово превратилось в клише. Подростки чувствуют фальшь. Дети и те, кто умеет любить, всегда отличат истинное от поддельного. Подсунуть Вам что-нибудь второсортное, какую-нибудь низкопробную подделку — это было совершенно немыслимо. Только теперь я понимаю, какие огромные требования Вы предъявляли к нам.

Не могу ясно припомнить Вашу внешность: кажется, Вы были невысокий и полный. Но зато я помню раскаты смеха в классе. Вы никогда бы не унизились до того, чтобы потешать класс за чей-нибудь счет или развлекать нас шутками; однако, живо подмечая все нелепое и смешное, Вы делились этим с нами.

И еще Вы делились с нами своими литературными при-

¹ Уильям Шекспир. Сонет 84. Перевод С. Маршака.

страстиями. «Послушайте-ка вот это!» — говорили Вы, энергичным движением открывая книгу. Вы не стыдились показать, что стихотворение трогает Вас, не боялись употреблять такие слова, как «прекрасно». Принц Хэл, гордо вышагивающий рядом с Фальстафом; Лир, бредущий по вересковой степи; Гэтсби, слушающий музыку, которая звучит над темной водой, — даже сегодня, перечитывая эти пассажи, я слышу Ваш голос и снова вижу исписанную мелом классную доску, вылинявший рекламный плакат с видом Швейцарских Альп, большие часы с круглым циферблатом, доску объявлений с обычными тогдашними объявлениями: КЛУБ ПОЭЗИИ... ДРАМАТИЧЕСКИЙ КРУЖОК... ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР...

То были дни кружковых занятий после уроков (мы называли это «культурным обогащением»), учебного энтузиазма, школьных праздников и ежегодного альбома выпускников с расположенными в алфавитном порядке фотографиями белых (за исключением одной девушки-негритянки), благополучных, аккуратно причесанных подростков и такими подписями под ними: «Чтение развивает человека» или «Планы на будущее — колледж и университет».

В те далекие дни учителя были для нас (а для меня, недавно приехавшей из Европы, тем более) людьми особенными, необыкновенными. Помню, как шокирована я была, заметив однажды утром, что у моей учительницы алгебры спустилась петля на чулке, как у какой-нибудь простой смертной. То были дни, когда «полной тишины» требовали даже на пожарных учениях; когда отпросившемуся с урока в туалет выдавали большой деревянный «пропуск», свисавший на веревке с шеи; когда каждую пятницу школьники маршировали колонной по два на священную церемонию общего сбора, чтобы принести клятву верности флагу, который торжественно, под звуки слегка фальшивящего горна вносился почетным караулом (из числа лучших из лучших): мальчиком в белоснежной рубашке с синим галстуком и двумя девочками по бокам в белых матросках и синих юбках, застывавшими по стойке «смирно».

То были дни не только «полной тишины», но и полного послушания, когда плохая отметка за поведение могла привести в уныние провинившегося, когда жевание резинки в классе считалось серьезным нарушением дисциплины, когда сказать учителю: «Заливаете!» — было неслыханной дерзостью.

То были дни нашей наивной чистоты, и я вспоминаю их с ностальгией, особенно теперь, особенно будучи учительницей.

— А что вы думаете? — спрашиваю я моих учеников с Вашими интонациями.

— Откуда я знаю? — пожимает плечами мальчик. — Я же не учитель!

— Зачем это вам? — спрашивает другой. — Чтобы записать мою фамилию?

— Мы дряни! — вопит девочка, перекрывая голосом шум и гам в классе. — С нами никто ничего поделать не может!

Я предлагаю ученику найти слово в моем настольном словаре. Он своим ушам не верит: «Вы что — шутите?» И тут до меня доходит, что за все школьные годы он так и не научился читать.

Я вызываюсь помочь ученице написать сочинение и прошу ее задержаться после уроков. «Ну нет, я не останусь, — отвечает она. — В квартале, где я живу, того и гляди, убьют или изнасилуют».

Миниатюрная смуглая девочка молча сидит на последней парте. Ее родной язык — испанский, английский дается ей плохо. Вспомнив себя в ее возрасте, я осторожно кладу руку ей на плечо. Она, рассердившись — или, может, испугавшись? — резко сбрасывает мою руку.

Дорогой мистер Сток, я часто думаю, каково бы Вам пришлось в сегодняшней городской средней школе, где учителя превратились в заклятых врагов учеников (в большинстве своем — разгневанных черных и разочарованных пуэрториканцев, с самого дня рождения обрекаемых на участь неудачников), которые ведут против нас повседневную войну. Я пытаюсь представить Вас на уроке в известной мне школе, одной из худших в Нью-Йорке, где перепуганные учителя делают вид, будто ничего не замечают, а беспомощные администраторы обрушивают на них поток инструкций, рекомендующих запирать двери и окна и получше следить за своими кошельками. Где в вестибюле дежурят полицейские, на лестницах курят марихуану, в залах отнимают у слабых деньги, в уборной избивают. Где нередки случаи разбоя, бессмысленного разрушения, поджога и кое-чего похуже. Где уповают больше всего на новейшие и усовершенствованные защитные средства: мощные радиопередатчики, которые учителя должны носить на себе; электромагнитные дверные запоры; сигнальные сирены размером не больше авторучки; посты наблюдения по внутренней системе телевидения.

Но ведь Вы не знаете, что такое телевидение, правда? Или что такое «словить кайф»? У нас, мистер Сток, слова приобрели столько новых значений, которых не найдешь ни в

одном из Ваших учебных словарей. Ребенок, «обалдевший от травки», — это совсем не обязательно участник загородной экскурсии; «чаек» — это не только чай; «безопасность» означает присутствие полицейских; «конфронтация» — это драка; «демонстрация» — бесчинства и беспорядки.

И Вы не узнали бы старую доску объявлений: объявления, написанные по-испански; объявления, сообщающие о занятиях для лиц африканского происхождения, о курсе лечения наркомании; не узнали бы Вы и классную доску, на которой детская рука вывела мелом надпись: «Долой белых свиней — учителей!»

Вы поражены? Эти дети имеют законные основания для недовольства. Сегодня они по крайней мере могут высказываться, сердиться и протестовать, вместо того чтобы неподвижно сидеть за партами, устремив глаза вперед.

«Учителя очень уж фальшивы, им бы только командовать», — письменно формулируют они свои жалобы — конечно, с чудовищными ошибками.

«У нас абсурдная учебная программа! Чего нам учить математику, когда есть компьютеры?»

«Церемонию приветствия флага на общем сборе запретили, потому что у нас нет ни свободы, ни справедливости, а теперь пускай запрещают и сбор, раз не могут с нами справиться!»

«Дисциплинка летит к черту».

Все изменилось, мистер Сток, и мир стал иным. Это мир коррупции в высших сферах, полетов на Луну, нищеты и загрязнения окружающей среды на Земле. Наш учительский авторитет, как никогда раньше, ставится под вопрос, и, как никогда раньше, подвергаются сомнению наши педагогические методы. Мы сталкиваемся с проблемами беспрецедентной трудности, которые не нами были созданы, и потому это большое достижение, если мы, по горло занятые патрулированием коридоров, наблюдением за туалетами, предупреждением беспорядков и писанием отчетов в трех экземплярах, в промежутках всеми правдами-неправдами, идя на хитрости и уповая на удачу, ухитряемся еще и учить.

Чему учить? Чему бы Вы стали учить, мистер Сток, ребенка, который признается Вам: «В моей семье такое творится, что мне придется куда-нибудь смываться»? Какие «планы на будущее» могут быть у школьника, который написал: «О моем будущем лучше не говорить»? Что бы Вы стали задавать на дом девочке, которая вот-вот станет матерью, мальчику, который не может жить без наркотиков? И как бы реагировали нынешние ученики на Вашу негромкую речь, учтивую и доверчивую манеру? Может, стали бы жульничать за Вашей спи-

ной? Или подняли бы на смех? Или пырнули бы ножом на лестнице?

Неужели такие учителя, как Вы, и впрямь вымерли?

Я предложила моим ученикам закончить фразу: «Когда-то у меня был учитель (учительница), который (которая)...», припомнив что-нибудь положительное, что-то такое, что имело для них значение. Вот что они дописали:

«...не была расисткой, просила меня по-хорошему, и я это делала».

«...не выставял меня болваном, если мне не давалась учеба; он смотрел на меня как на человека, а не на отметки».

«...не просто болтал языком, а говорил от души».

«...была черная, как и я, и мы были равней».

«...когда я был маленьким и учился в начальной школе, отдал мне в пургу свой шарф, а он был из чистого кашемира».

«...этот сумасшедший-то считал меня умником, вот я и старался быть умнее».

В этих строках, мистер Сток, заключен мой ответ. Наверно, я всегда знала его, потому что в своем письменном столе я храню дорогую мне рождественскую открытку. На ней изображен слон-циркач в красной жилетке с подписью: «Я НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЮ». А ниже карандашом добавлено: «Я тоже. Когда я вернулся в класс после ареста, Вы не стали спрашивать, за что меня забрали, а сказали: «Входи, пожалуйста» — и дали мне чистую тетрадку. Не забывайте меня, пожалуйста, если можно. Ваш никогда, никогда не забывающий ученик Рэй».

Вам бы нелегко пришлось сегодня, мистер Сток, но, моему, Вас бы это не устало. Вы не стали бы делать вид, будто ничего не замечаете, не стали бы «просто болтать языком». Вы с каждым ребенком обходились бы как с человеческой личностью. И что бы там ни было, Вы все равно ожидали бы, что Ваши ученики станут стараться изо всех сил и раскроют лучшие качества, которые имеются у них, — не у героев Харди или кого бы то ни было еще, а у них самих, какими бы эти лучшие качества ни были.

Учителя, подобные Вам, не умрут, куда есть дети, которые в один прекрасный день смогут сказать: «Когда-то у меня был учитель...» Быть может, как раз сейчас кто-нибудь где-нибудь говорит это об одном из нас. В этом — наше бессмертие.

Дорогой мистер Сток, я предалась воспоминаниям о прошлом, желая показать Вам, как не похожи сегодняшние школы на прежние, но, вижу, получилось-то у меня самое настоящее признание в любви к Вам. Что ж, бывают времена, когда

признаться в любви просто необходимо, пусть даже любовное письмо так никогда и не будет отправлено. Ваша никогда, никогда не забывающая Вас ученица Бел Кауфман.

Читалка

В одном из рассказов Уильяма Сарояна маленький мальчик впервые попадает в публичную библиотеку. Он благоговейно озирается по сторонам и говорит: «Книг-то, книг, и в каждой что-то написано!»

Помню себя двенадцатилетней девочкой. Я только что приехала из России и пропадала в библиотеке по соседству с домом, пытаюсь своим умом докопаться до тонкостей английского языка. Рекомендательных списков у меня не было, а библиографические справочники и каталоги были мне ни к чему, потому что я шла от полки к полке в порядке алфавита, с упорством крота пропахивая один стеллаж за другим. Читала я по методу «проб и ошибок», макулатуру и шедевры: я уподобилась наркоману, которого интересует не столько качество «травки», сколько ее количество.

Порой я натыкалась на совсем особенную книгу: читать ее было не обязательно, в списки рекомендованной литературы она не входила и не была загублена навязчивыми требованиями учителя: «Назови три книги... Ответь на следующие вопросы...» Эту книгу можно было читать просто так, для собственно го удовольствия.

Где еще разрешалось — более того, поощрялось — полистать книгу, задержаться на любой странице, не боясь окрика: «Товар руками не трогать!»? Этот товар для того и существовал, чтобы его брали в руки. Чопорные и безликие темно-красные и темно-зеленые библиотечные переплеты меня не обманывали: у меня был нюх на хорошие книги. Если книжные страницы потрепаны и загнуты, а на формуляре в бумажном кармашке на внутренней стороне переплета много пометок, я знала, что вытянула «счастливый билет».

Записи на формулярах связывали меня с безымянным братством других читателей, чьи руки перелистывали те же страницы, что и я, читателей, порой оставлявших на полях книги карандашные пометки вроде философского «Как это верно!» или лаконичного «Дерьмо!».

Окруженные целыми стенами книг, мы сидели здесь в мол-

чаливом содружестве; тишину нарушали лишь шарканье ног, скрип стульев, случайный громкий шепот и строгое «ш-ш-ш» библиотекаря.

Библиотекарь всегда был на посту, скромный и всезнающий, готовый дать ответ на любой вопрос. Где найти книгу об эскимосах? Что прочесть по истории подводных лодок? Какой роман самый популярный? Его не смущал даже вопрос, который я нечаянно подслушала как-то раз в детском отделе библиотеки: «У вас найдется книжка для восьмилетнего ребенка с большим горлом?»

Обо всем этом я вспоминаю потому, что в наши дни публичные библиотеки становятся все менее и менее доступны для людей, которые в них особенно нуждаются. Продолжительность работы библиотек за последние пять лет уменьшилась вдвое (начиная с 1 июля), бюджеты библиотек еще больше урезаны; по-прежнему существует угроза дальнейшего сокращения штатов и сферы обслуживания читателей: публичные библиотеки Нью-Йорка пострадали от финансовых затруднений города больше, чем другие крупные общественные учреждения.

Право на чтение — неотъемлемое право американского народа¹. Педагоги то и дело проводят в школах широкие обследования, внедряют новейшие технические средства обучения и дорогостоящие хитроумные методы, чтобы справиться с неграмотностью, улучшить у детей навыки чтения,— а тем временем публичные библиотеки одна за другой закрывают свои двери.

Мне кажется, что именно теперь, когда в Нью-Йорке живет так много людей, для которых английский язык не родной, людей, в чьих домах нет книг, людей, которым изо дня в день крикливо навязывают массу легких развлечений,— теперь, как никогда, нам необходимо нечто более надежное, то, что останется с нами, когда фильм кончится, телевизор сломается, а класс будет распущен по домам.

Для многих публичная библиотека — единственное спокойное место в нашем беспокойном мире, единственное убежище, где можно укрыться от насилия и враждебности внешнего мира; единственное пристанище, где можно поработать и подумать в покое и уединении. Для многих нет иной возможности

¹ «Право на чтение» — закон, принятый конгрессом США в 1972 году в связи с проблемой ликвидации неграмотности и малограмотности среди населения США.

встретиться с книгой, которая стоит на полке и ждет, чтобы ее взяли домой бесплатно.

Как сказал один бывший ученик: «В читалке трудно не читать». Преподавая английский язык в средней школе, я обычно просила учеников приносить в класс свои читательские билеты в надежде, что, коль скоро ребята обзаведутся билетами, они будут ими пользоваться. Один мальчишка принес билет своей тети. «Мне он ни к чему, — весело заверил он меня. — Я принес, только чтоб показать вам».

И все-таки некоторые стали пользоваться своими читательскими билетами, пусть даже только потому, что билеты у них были. В наши дни многие люди и библиотеку посещают потому, что она существует. А в ней книг-то, книг, и в каждой что-то написано. Как печально для Нью-Йорка, если на дверях библиотек появится табличка: «Закрито».

Воображение

На днях, оказавшись в районе трущоб, я увидела на улице небольшую толпу ребятшек, которые менялись своими сокровищами: осколок голубого стекла был отдан за горсть бутылочных пробок, деревяшка — за пружину из разоренного матраца. И мне вновь открылась истина, которую я знала давно, но почему-то забыла: настоящие знатоки и ценители всего — дети. То, что им дорого, не имеет цены — только ценность. А ценность определяется теми возможностями, которые таит вещь или предмет, это единственный критерий их оценки. Есть чудо, которое исчезает, когда мы уходим из детства, — это дар превращать любую вещь в то, во что мы захотим.

Какие бесконечные неожиданности скрываются в камешке причудливой формы, ведь он может быть и — о чудо! — становится чем угодно; или в подушке, которую можно бить и тuzить кулаками: она может быть — и часто становится — кем угодно. Как подстегивает воображение так называемых безнадзорных детей из трущоб всякий хлам, который они находят: старая металлическая деталь, лоскуток яркой ткани, ершик для чистки трубки, кривой гвоздь... «дүхи, которых своею мощью вызвал я исполнить фантазию мою»¹.

¹ Уильям Шекспир. Буря. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Как далеко до них многократно проверенным, одобренным психологами и социологами, не вызывающим аллергию и идеально безопасным игрушкам и играм, которые волной хлынули на наших детей. Вы понимаете, о чем я: в альбоме для раскрашивания цветной карандаш не смеет выйти за границы, очерченные так же непреложно, как на карте; пластмассовые блоки точно подходят друг к другу и сцепляются — в жизни так никогда не бывает; учебные игры сообщают детям полезные сведения, тогда как интересны только бесполезные сведения; мы нажимаем кнопку на игрушке, и механический заяц начинает бешено скакать, его голова идиотски дергается, питаемые сменными батарейками глаза горят.

Помню, в детстве я провела однажды лето в Одессе и научилась делать из персиковых косточек свистульки. Сначала нужно было съесть персик, чисто обсосать косточку и высушить ее. Когда косточка высохла, можно приниматься за работу. Ты садишься на каменное крыльцо, плюешь на камень и трешь об него косточку, плюешь и трешь, плюешь и трешь, пока не образуется дырочка. Доводишь отверстие до нужного размера, выковыриваешь из косточки иглой зерно — и свистулька готова! Какой электрический скачущий заяц на батарейках, с адскими глазами сравнится с этой пронзительно верещащей свистулькой — гордостью нашего детства?

Все это относится и к нынешнему школьному образованию. Воображению ученика, его изобретательности отводится в нем слишком мало места. Упор делается на уже препарированные знания, подготовленные непосредственно к употреблению, часто стерильно обработанные и даже спрыснутые дезодорантом. Растворимая информация. Карманная философия. Все разжевано; не требуется ничего, кроме памяти и повторения. Воображение атрофировалось — у всех, кроме маленьких детей: их еще не успели засушить.

Однажды я пришла к моей приятельнице в детский сад посмотреть, как она занимается с детьми. Она усадила ребят на полу в круг и начала читать им сказку. Вдруг один малыш вскочил, подбежал к двери и стал возиться с ручкой. «Что ты делаешь?» — спросила воспитательница. «Надо же мне привязать мою лошадку!» — объяснил мальчик. Ну конечно, лошадку надо было привязать, ведь иначе бы она стала бегать по комнате, пока он сидит и ему читают сказку!

При обучении нам важнее всего конечный результат: оценка, диплом, работа, деньги — в такой последовательности. А ведь обучение это не продукт, а процесс, причем процесс, не кончающийся никогда. И воображение — необходи-

мое условие этого процесса, так же как и способность мечтать и витать в облаках: мечтатели и фантазеры создали колесо, «Пятую симфонию», целлофан, «Фауста». Когда Кристофер Марло описывал красоту Елены Прекрасной, он не стал перечислять размер ее бюста, объем талии, длину ног и прочее, он обессмертил ее в двух строках:

Так значит из-за этого лица погнали в море тысячи галер
И стены Трои были сожжены?

И больше нам ничего не нужно. Остальное создает воображение.

Отвечайте на вопросы ваших детей и воспитывайте у них любовь к познанию

Есть такой анекдот: в автобусе едет отец с маленьким сыном. Мальчик прижался носом к стеклу и без конца спрашивает отца:

- Пап, а что везет этот грузовик?
- Не знаю,— буркает уткнувшийся в газету отец.
- Откуда берется дождь?
- Отстань!
- Что это за знак?
- Не приставай!

Стоящий сзади пассажир говорит отцу:

— У вас очень любознательный мальчик — столько вопросов задает.

— Еще бы,— отзывается отец.— Как же иначе он узнает мир?

Анекдот этот не столько смешной, сколько печальный. Как часто я, мать, говорила своим детям: «Мне сейчас некогда, идите играйте!» Как часто я, учительница, оставляла без ответа вопросы моих учеников, потому что не было времени на них отвечать.

Один мой приятель, большой остряк, сказал мне как-то полушутя, - полувсерьез: «Я всегда отвечаю на все вопросы моего сына. Когда он спрашивает: "Почему?", я говорю: "А почему нет?"»

Ребенок рождается с желанием познавать. И он с первого

же дня должен учиться — учиться всему; только сосать грудь и кричать он уже умеет. Его «Почему?» — это «Сезам, откройся!», которое он произносит миру; тут-то его и надо учить. Он жаждет знаний. И единственное, что должны делать мы, взрослые — родители и учителя, — это не отказывать ему в знаниях.

Ребенок приносит в школу сокровища своей безудержной любознательности, энергии, ничем не скованного воображения, и что он там встречает? Тот самый Джонни, который никак не научится читать, когда-то умолял старших, чтобы они показали ему буквы, потому что ему не терпелось самому прочесть сказку. Ненавидящая поэзию, Джейн в четыре-пять лет знала множество детских стихов и песенок. Бросивший школу старшеклассник ребенком не мог дожидаться, когда же он наконец вырастет и пойдет в школу. Скучный, нелюбопытный, наводящий на всех тоску взрослый был когда-то живым ребенком, который без конца задавал вопросы.

Руссо считал, что ум ребенка — это *tabula rasa*, то есть чистая доска, на которой можно написать все что угодно. На ней и пишут несмыслимой краской — дом, школа, улица, газеты и телевидение, вся наша непредсказуемая жизнь.

Обучение начинается дома — не сознательным, теоретически обоснованным внедрением принципов и идей, а просто благодаря контакту с реальностью, которая окружает ребенка: с книгами и журналами, с музыкальными записями, игрушками — со всем, освоение чего требует труда. Но главное — это нравственный климат, который создают вокруг него взрослые: уважение к образованности, восхищение достижениями мысли, увлеченное приятие нового — увлеченность заразительна, как ветрянка.

Но не все дети впитывают эти качества. Иногда они бунтуют против такого идеального окружения и отвергают знания, другие же, растущие в бедности, у невежественных родителей, стремятся к знаниям и удовлетворяют свою жажду всюду, где только могут.

Мы и представить себе не можем, сколько впечатлений откладывается в душе ребенка: случайно услышанное слово, смерть щенка, уличная драка, закат, общение со сверстниками.

Ребенку очень важно, чтобы его приняли сверстники, которым он безгранично доверяет. Когда я была маленькая, моя шестилетняя подружка под величайшим секретом доверила мне тайну: мальчиков рожают мужчины, а девочек — женщины. Я сочла, что это вполне логично.

Я всегда с восхищением смотрю на читающего ребенка — глотает ли он страницу за страницей, позабыв обо всем на свете, или, медленно шевеля губами, ползет по словам, или водит пухлым пальчиком по этикетке на консервной банке, или по буквам разбирает уличную афишу. Неважно, что он читает, — он нашел ключ к разгадке тайны. От уличной афиши до Китса и Шелли большое расстояние; кому-то удастся его преодолеть.

Когда дети читают, они отбирают для себя только то, что им интересно. Девяти лет я прочла «Войну и мир» — вернее, один только «мир»; все касающееся войны я пропускала, читала лишь про любовь. Поняла я этот роман, только когда перечитала его уже в колледже.

Кстати, здесь, в Америке, куда я, воспитанная на Толстом, Достоевском и Тургеневе, приехала в возрасте двенадцати лет, я открыла, изучая английский язык, огромный и доселе неведомый мне мир литературы — «Близнецы Боббзи в лагере», «Близнецы Боббзи в школе», «Зеленая книга сказок», собранных Эндрю Лангом.

Дети глубоко вживаются в любимые книги. В свое время я была и Анной Карениной, и Наташей Ростовою, и мадам Кюри, и Нана, и Тэсс. Когда Холдену Колфилду из «Над пропастью во ржи» особенно нравилась какая-нибудь книга, ему хотелось позвонить ее автору по телефону. Русские очень хорошо понимают это желание: приехав в Советский Союз, я с интересом узнала о существующей там традиции — детские писатели ездят по городам страны, встречаются со своими юными читателями, отвечают на их вопросы.

Мои собственные юные читатели пишут мне как своему доброму другу: «На 75-й странице Вашей книги Вы описали меня...», «Я знаю, что в книге все придумано, но скажите: Алиса поправится?..», «Мне очень хочется, чтобы Вы были моей учительницей...».

И как же обидно, что детские книги, которые оказывают на детей такое огромное влияние, взрослые часто покупают в спешке, наугад, что под руку попадет. Когда я училась в колледже, я продавала книги в большом универмаге, и мне целый день приходилось слышать такое: «А есть у вас что-нибудь для десятилетнего мальчика, которому удалили миндалины?» или «Я иду к ребенку на день рождения, мне надо какую-нибудь книжку ему в подарок».

Дети учатся, читая, слушая, наблюдая, трогая вещи и предметы, мастера что-то, добывают знания всеми правдами и неправдами, впитывают их буквально всеми своими порами.

Они учатся, выполняя наши наставления и глядя, как поступают другие, и это обучение на примерах самое действенное, потому что дети — реалисты. Если их жизненный опыт доказывает им, что наставления всего лишь пустые слова, если они приходят к выводу, что честностью ничего не добьешься, они перестают слушать наставления — и верить взрослым, которые их поучают. Детей не обманешь: у них такие чуткие радары, что засекают фальшь там, где сами взрослые ее и не осознают.

Когда моей дочери было лет восемь-девять, мы придумали такую игру — решили поменяться ролями: она будет мама, а я — дочь.

— Ну как дела в школе, дочура? — спросила она меня голосом заботливой родительницы.

— Нормально, — ответила я, стараясь по возможности достоверно передать интонацию ребенка. — Писали контрольную.

— Ты же знаешь, дочура, оценки меня не интересуют, — нежно проворковала она. — Важны знания, только поэтому ты и должна учиться. Что же тебе поставили?

Вот это урок! Но я его вполне заслужила. Оказывается, она видела меня насквозь.

Нас, привыкших к рутине нашей жизни, часто поражают вопросы детей. Когда одного моего знакомого ребенка, который вырос в городе, в первый раз привезли на побережье, он долго как зачарованный смотрел на океан и наконец спросил: «А ночью он тоже есть?»

Ребенок больше всего радуется, сам открывая мир, который мы принимаем как нечто само собой разумеющееся. Моя соседка повела своего малыша сына в музей естественной истории, предвкушая, как поразят его выставленные там чудеса: огромный динозавр, кит, поселение индейцев. Мальчик вернулся страшно довольный. «Что тебе больше всего понравилось в музее?» — спросила я его, и он выпалил, сияя от радости: «Там в пол вделаны игральные шарики!»

И вот это-то волнение первооткрывателя — какими бы пустячными нам ни казались открытия — грозят сейчас отнять у ребенка, ибо произошло нечто беспрецедентное в истории школы: вот уже четверть века телевидение, как из рога изобилия, извергает на детей свои безудержно щедрые дары. Выросло новое, телевизионное поколение, вскормленное разжеванной информацией, картинками и сенсациями. Сейчас фантазии гораздо труднее расцвести, воображению воспарить. И не надо задавать никаких вопросов, потому что все уже открыто, расклассифи-

цировано и показывается нам в ярких красках.

Глупо принимать без критики все, что предлагает нам телевидение, но и отвергать его напрочь — бессмысленно. Оно — реальность современной жизни, и к нему надо относиться как к замечательному помощнику, который, однако, должен знать свое место. Замечательный он потому, что открывает возможности, о которых в прошлом нельзя было и мечтать; а место свое он должен знать потому, что ничто не способно заменить ребенку его собственного воображения. Помню, какое разочарование я испытывала в детстве, когда читала с увлечением какую-нибудь книгу и вдруг встречала иллюстрацию. «Да нет же, я представляла себе все совсем не так!» — в смятении думала я. А как огорчил меня фильм по любимой книге — «Это же совершенно другая вещь!».

— Я ненавижу Диккенса, — признался мне недавно на одном званом обеде мой знакомый. И объяснил почему: — Мы его в школе проходили.

Бедный Диккенс, разве он виноват, что «обязательное чтение» нагоняет на ребят такую тоску?

«Школа отбивает у детей охоту учиться!» — на каждом шагу слышим мы. Да, это в буквальном смысле слова так: школа убивает радость познания. Одна маленькая девочка — дочь моей приятельницы — целое воскресенье сочиняла стихотворение и потом старательно переписывала его, чтобы показать в школе.

— Ну, что сказала учительница? — с нетерпением спросила мать, когда девочка пришла домой.

— Сказала, что надо оставлять слева и справа поля.

Один мой ученик написал: «Школа подавляет мою потребность выразить себя!» Какие тут еще комментарии нужны?

Почему это все происходит? Потому что на уроках приходится выполнять слишком трудные или нудные задания, потому что учителя требуют соблюдения никому не нужных мелочей, заставляют учить в наказание: «За это ты выучишь наизусть еще одну строфу... Напишешь три примера... Подчеркнешь три метафоры...» (Всегда «три» или «десять», никаких промежуточных цифр для учителей словно не существует.) Но даже если ребенок читает стихотворение ради удовольствия и потом снова возвращается к нему, потому что оно понравилось, все равно в памяти останется лишь то, что память сама захотела сохранить.

Насильственное обучение, как и принудительное питание, часто вызывает несварение и не идет впрок. То, что учат по принуждению, очень редко прибавляет знаний. Когда приходится зубрить какие-то правила к контрольной, отвечать на три

(десять) вопроса — в угоду учительнице, а не потому, что это вызвано естественной потребностью ребенка узнать,— такие знания улетучиваются, как только надобность в них исчезает; хуже того — они учат ребенка ненавидеть школу.

Спросите ученика, почему он изучает тот или иной предмет.

— Он включен в мою программу,— ответят вам.

Или:

— Чтобы сдать выпускные экзамены...

— Чтобы легче было найти работу...

— От нас этого требуют...

— Так нужно нашей учительнице...

Дети очень проникательны. Если чему школа их и учит, так это понимать, что нужно от них учителям.

«Эта книга помогла мне многое понять в жизни, потому что в ней описаны три примера...»

«Мне очень нравится это стихотворение. В нем содержится много метафор...»

«Мы читаем книги, чтобы стать культурными людьми...»

Однажды, когда я только начинала преподавать, я попросила своих учеников принести в класс свои читательские билеты — решила, что это очень хитрый тактический прием: по крайней мере я буду знать, что ребята записались в библиотеку, а некоторые, может быть, даже начнут читать. На следующий день ребята послушно подняли читательские билеты. Я заметила, что у одного мальчика на билете стоит не его имя. «Да ведь я же не собираюсь читать книжки,— бодро заверил меня он, когда я спросила, почему так получилось.— Вы велели принести билеты, вот я и взял у своей тетки — показать вам».

И все равно каждому из нас встретился хотя бы один учитель, которого мы никогда не забудем, учитель, который открыл нам глаза, изменил нашу жизнь, раздвинул стены класса. Их много — безвестных, никем не прославленных и не возвышенных, кто своим чудесным даром прививает детям любовь к познанию, и эта любовь живет в них до самого конца.

Мы, учителя, редко знаем, на кого мы оказываем влияние, как это происходит и почему. Когда-то давно один из моих учеников решил бросить школу. Мальчик был угрюмый, необщительный, учился неважно, из всех предметов его интересовали лишь физика и химия, и то не слишком. В последний день занятий перед летними каникулами я повела его к себе домой — я жила в нескольких кварталах от школы,— решив подарить книгу, которая, как я надеялась, его заинтересует,— собрание биографий знаменитых ученых. Он неловко мялся в передней,

никак не хотел есть, отказался от кока-колы и убежал, лишь только я дала ему книгу, на которой я написала коротко: «Джо, я верю в тебя». Как же я обрадовалась осенью, когда увидела его в классе!

— Я вижу, ты решил остаться,— сказала я.

— Ага,— смущенно признался он.— Вы мне подарили книгу, я ее никогда не забуду.

— Она тебе понравилась?

— Да нет, я ее не читал,— сказал он.— Просто... просто... вы мне ее подарили. Пригласили к себе домой и подарили свою книгу, да еще такую дорогую, в твердой обложке.

Куда она исчезла — страсть детей к чтению? Ведь когда-то они читали, закрывшись с головой одеялом, при свете карманного фонарика. Неужели книгу вытеснил экран телевизора, светящийся в темной комнате?

Нет, пока еще не вытеснил. Дети все еще читают. Читают без разбору, все подряд, и прекрасные книги, и чепуху, и в конце концов у них вырабатывается критерий оценки литературы, вырабатывается свой собственный литературный вкус. Ведь узнавать — значит расти, значит все время меняться.

Когда книги начали издавать в мягкой обложке, они стали доступны всем. Теперь ребенок может доставить себе удовольствие купить книгу, носить ее в кармане, вынимать, когда захочется, читать и перечитывать и даже писать на полях детски восторженное «Как это верно!».

Однако некоторые упорно считают, что книги в дешевом издании как бы не совсем полноправны. Несколько лет назад я раздавала в одном городке автографы, и какая-то женщина, нерешительно протянув мне мой роман в мягкой обложке, извиняющимся голосом спросила:

— А в мягкой обложке вы подписываете?

— На них я ставлю только инициалы,— твердым голосом ответила я.— Карандашом.

У нее хватило деликатности рассмеяться, но я не уверена, что она меня поняла.

Конечно, дети узнают мир, не только когда читают, в процессе познания принимают участие все органы чувств. Воспитать любовь к живописи, музыке, желание что-то мастерить, умение мыслить и понимать можно, только когда познание доставляет удовольствие. Успех, одобрение, признание усилят желание учиться, а вот упорные неудачи и отсутствие поддержки убьют его навсегда. Кстати, почему так часто случаются неудачи? Приведите три причины.

А может быть, есть и еще одна, четвертая, но о ней не

принято говорить — нравственный климат, в котором мы живем. Высоко ли ценится в Америке ученость? Книжный червь и зубрилка вызывают у всех насмешки, и что может быть нелепее рассеянного чудака профессора? Во главу угла у нас ставится материальное благополучие, деньги; само слово «успех» относят не к достижениям ума и духа, а к финансовому преуспеянию.

Но главное — американцам подавай конкретные результаты, и как можно скорее. А овладение знаниями не продукт, а процесс, который продолжается, пока мы живы. Мы восхищаемся, когда видим, как учатся старые: чья-то бабушка кончила вечернюю школу и получила диплом, восьмидесятилетний старик с увлечением занимается новым хобби. Благодаря этому-то интересу к тому, что находится вне нас, этой живой любознательности мы и сохраняем молодость. «Человек, который считает, что он уже стар и ему поздно учиться, скорее всего, и родился стариком», (На это удивительно точное высказывание Генри Хаскинса я набрела случайно, перелистывая какой-то справочник.)

Мы пренебрегаем потребностью учиться и познавать, которая свойственна молодости. А сколь многому мы можем научиться у детей с их свежим видением мира, который они только что открыли (океан, игральные шарики в полу музея), с их способностью удивляться и восхищаться, с их поразительной логикой, с той чистой радостью, которую дарит им познание.

— Что ты рисуешь? — спросила я как-то мою маленькую внучку.

— Я рисую утро, — ответила она.

— А как можно узнать, что на картинке утро?

— Потому что... потому что солнце включили и кошка — видишь — проснулась и потягивается.

— А если солнце выключить, получится ночь? — спросила я.

— Нет, никакой ночи не получится, — рассудительно объяснила она, — потому что ночью кошку не видно.

Я люблю задавать ей вопросы. Как иначе я узнаю мир?

Искусство рассказчика, вызывающее смех, слезы, раздумье

«Давным-давно...» И ты на крючке с самого детства. Такое вступление действует неотразимо. «Удивительный случай приключился со мной...», «Послушай-ка эту историю...», «Я когда-

нибудь рассказывала вам?..» — И у слушателей — ушки на макушке, стулья пододвигаются поближе, глаза устремляются на рассказчика — с надеждой, с ожиданием. «Заставь меня смеяться!» — словно говорят они; «Заставь меня думать!» (это труднее); «Заставь меня почувствовать!» (самое трудное!). Если все это вам удастся, вы хороший рассказчик и вам незачем читать эти строки, разве только чтобы лишний раз убедиться, вроде моего знакомого мальчика, который любит спрашивать свою маму: «Я голодный?», «Мне холодно?».

Будь то шутка, исторический анекдот, прочитанный рассказ, случай, приключившийся с кем-то, а еще лучше с вами лично, слушатели ждут, готовы принять на веру, жаждут узнать: что же было дальше? Чем все кончилось?

В небольшой компании, где идет беседа об удивительных приключениях и примерах вмешательства высших сил, некто рассказывает о страшном случае, происшедшем с ним: в разгар зимы он вместе с семьей ехал по лесу, а за ними по пятам с воем гнались волки. Сани мчатся по замерзшей реке, волки совсем рядом. Вдруг лед трескается, сани тонут, и волки набрасываются на людей. «И как же, по-вашему, помог нам господь?» — спрашивает рассказчик. «Как?» — с изумлением повторяют слушатели, вытаращив глаза. «Слава всевышнему, вся эта история от начала до конца — чистейшее вранье».

Автор этого рассказа, еврейский писатель-юморист Шолом-Алейхем, разряжает напряжение оригинально: мысль делает скачок; юмористический эффект достигается своего рода перевернутой логикой, внезапным поворотом, неожиданностью.

Во время моего недавнего визита в Москву дежурная по этажу в гостинице вручила мне телеграмму.

«Телеграмма из Америки, — сказала она, — я ношу ее в кармане вот уже три дня».

«Три дня! — воскликнула я. — Почему же вы не отдали ее мне сразу же?»

«Вы так хорошо проводите время, — сказала она, — не хотелось вас расстраивать: вдруг в телеграмме что-нибудь неприятное».

«В таком случае почему же вы отдаете ее сейчас?»

«Ну как же, а вдруг там что-нибудь важное!» — последовал ответ.

Пишу и вижу, как много теряет эта история на бумаге. Голос, интонация, жест, многозначительно поднятые брови,

пауза перед кульминационной фразой — все разнообразие присутствующих устному рассказу оттенков на бумаге исчезает.

Есть один старый анекдот об анекдотах. Несколько человек, которым пришлось долгое время жить вместе, изобрели сокращенный способ рассказывать анекдоты: они их пронумеровали.

«Сорок семь!» — выкрикивал кто-нибудь под одобрительное хихиканье слушателей. «Восемьдесят три!» — провозглашал другой под взрыв хохота.

Один новичок решил принять участие в этой забаве. Он заглянул в список и сказал: «Пятьдесят два!» Но никто даже не улыбнулся. «Что же вы не смеетесь? — озадаченно спросил новичок. — Ведь я сделал то же, что и другие».

«Понимаешь, — последовал ответ, — одни умеют рассказывать анекдоты, а другие — нет, в этом все дело».

Так оно и есть.

Тот, кто умеет рассказывать, словно магнит притягивает к себе не только слушателей, но и обстоятельства. Стоит ему пойти в магазин на углу, и он возвращается оттуда с уморительной историей; достаточно сесть в автобус — и у него на глазах немедленно разыгрывается трогательная сцена. А другой только удивится: «Почему это со мной никогда ничего такого не случается?» Или пожмет плечами и скажет: «Ни одного анекдота не могу запомнить», считая это достоинством, впрочем, весьма сомнительным. Зелен виноград. Дело не в способности запомнить анекдот или сесть в нужный автобус, а в умении смотреть на жизнь сквозь особую призму и передавать увиденное живо, с юмором, а порой и так, чтобы запомнилось.

Рассказ запоминается не только благодаря содержанию или умелой передаче, но и благодаря скрытой в нем глубинной правде: меткому проникновению в суть характера, неожиданному раскрытию состояния человека. Хороший рассказ — нечто иное, чем сумма его составных частей; в нем содержится гораздо больше, чем воспринимает ухо. Может быть, в нем скрыта некая мораль или личная философия вроде той, что исповедует одна моя знакомая. Ей 72 года, но она продолжает купаться зимой неподалеку от Кони-Айленда. «И вы не боитесь?» — как-то спросила я. «А чего мне бояться? — ответила она. — Лучше отправиться на тот свет, с удовольствием занимаясь плаваньем, чем умереть за ненавистным мне мытьем посуды!»

Что такое хороший рассказ? Это история, рассказанная хорошим рассказчиком, способным превратить случай в приклю-

чение, взглянуть на обыкновенное свежо, непосредственно, а порой и непочтительно — глазами ребенка или поэта.

Многие, например, пользуются за границей знаменитым разговорником Берлица, но лишь человек с острым чувством юмора обнаружит в нем «спрессованный» роман. Если развернуть его и быстро прочитать все подряд без пауз, то перед нами пройдет гамма человеческих чувств: «Как вы поживаете? — У меня пропал багаж. — Я ищу свой отель. — Где же он находится? — Я потерял свою жену. — Это слишком дорого. — Полиция, на помощь! — Ваша дочь замечательно поет. — Давайте поженимся?»

Предмет изображения — жизнь, беспорядочная и полная случайностей. словно фотограф, чей объектив, чтобы сказать о главном, выхватывает из пейзажа лишь одно дерево и скалу, рассказчик замыкает хаос в рамку, отбирает несколько выразительных деталей, располагает их так, чтобы заинтересовать слушателя, и быстро устремляется к развязке. Заключительную фразу он обязан знать прежде, чем произнесет первую, и движение к концовке должно быть неотвратимым и размеренным. Все лишние детали, даже самые привлекательные и выразительные, — долой! Все не относящееся к сути дела — долой! Перегруженный рассказ погибнет.

Избегайте многословия. Внимание слушателя рассеивается. Надо, чтобы он все понял сразу. У него ведь не будет возможности выслушать рассказ снова или на досуге перечитать его. В устном рассказе важен ритм и стиль — меткое слово, удачная фраза, яркий штрих, способный оживить описание или раскрыть характер. Рассказ должен производить впечатление: либо в нем действительно есть «соль», либо цель его — вызвать спокойное одобрение.

Грустный комментарий к нашей жизни представляет собой рассказ одной моей знакомой. Однажды на улице ей навстречу бросилась стайка детей, на первый взгляд беспечных и веселых. Она хотела было приветливо улыбнуться им, но они выхватили у нее сумочку и кинулись врассыпную. «Но это же дети, — подумала она, — это, наверно, игра... Они пошутили!» Увы! Это была не шутка.

Неожиданность и несовместимость — обычные элементы юмора — подчеркивают горькую иронию этого происшествия. Комментарии излишни.

Хороший рассказ отвечает обстановке и аудитории. Нужно, чтобы он возникал сам собой, экспромтом или по крайней мере казался таким. Рассказу необходимо изящество — юмор без злобы, чувство без сентиментальности. Он должен вызывать

у слушателей отклик. Пусть рассказ о сафари в джунглях захватывает, зато история о грубом таксисте сближает незнакомых доселе людей. Пикантные детали, неленные ситуации, воспоминания детства, мелкие неудачи, ирония судьбы — все это немедленно заставляет слушателя сопереживать, причем ничуть не меньше, чем борьба каждого из нас против несправедливости, бюрократизма или бездушной механизации нашей жизни.

Одно такое сражение я выиграла после многих месяцев бесплодной переписки с большим универсальным магазином. Игнорируя мои письменные объяснения, фирма продолжала присылать мне счета за покупки, которых я никогда там не делала. Время шло, и требования об оплате становились все более настойчивыми, а тон их все более угрожающим. В конце концов я взяла конверт, написала на нем: «Внимание: живому человеку, а не компьютеру» — и адресовала свое послание любому живому человеку, в чьи руки оно попадет. Через несколько дней раздался телефонный звонок. «Мисс Кауфман, — слышался в трубке смущенный голос, — говорит живой человек».

Всякий раз, когда речь заходит о нашем механизированном обществе, я рассказываю эту историю. Когда повторяешь рассказ одним и тем же слушателям, сила его воздействия ослабевает. Но любимую историю можно рассказывать и в других аудиториях, отшлифовывая ее до совершенства.

Задачи могут быть разные — развлекать, разрядить атмосферу к месту рассказанным анекдотом или забавной историей развеять огорчение (нельзя и смеяться и сердиться одновременно) — юмор, пожалуй, самое ценное в искусстве устного рассказа. Не пошлая острота, не избитый анекдот, а подлинный юмор, то есть чувство соразмерности, умение зорко подметить нелепое, разоблачить напыщенность и прежде всего — способность посмеяться над самим собой.

Однажды утром в чужом городе, где мне нужно было выступить перед студентами, я проснулась слишком поздно; позавтракать в ресторане отеля было уже нельзя; в кафе вестибюля мне удалось добыть лишь чашку кофе. Рядом со мной сидел еще один опоздавший — приезжий англичанин; он уныло прихлебывал кофе; мы обменялись несколькими сочувственными репликами и разошлись в разные стороны. В тот же вечер англичанин появился в переполненном ресторане, где меня принимали университетские знаменитости. Проходя мимо нашего столика, он подмигнул мне и сказал: «Давайте завтра утром встанем чуть раньше. Договорились?»

Поставить себя в двусмысленное положение — значит дать слушателям возможность ощутить их превосходство и отнестись к рассказчику доброжелательно, особенно в тех случаях, когда причиной провала бывает спесь.

Щеголяя своим французским языком, я беседовала однажды в Париже с молодым скульптором у него в студии. «Вы такой талантливый! — воскликнула я на своем изысканнейшем французском. — Не пора ли вам выставиться?» У скульптора хватило такта с улыбкой объяснить мне разницу между французскими выражениями «выставиться» и «экспонировать» («представить свои скульптуры»).

Подобные ляпсусы и недоразумения — богатейший источник рассказов о заграничных путешествиях. Детство — это тоже чужеземная страна: говоря на одном и том же языке, родители и дети нередко совершенно не понимают друг друга.

Когда моей дочери исполнилось три года, я решила, что пора уже отучить ее от ежевечернего ритуала: перед сном девочка непременно накрывалась старым-престарым розовым одеяльцем, складывала его так, чтобы угол непременно касался ее носа, и при этом большой палец засовывала в рот. Надеюсь пристыдить и отучить ее от этой привычки, я взяла одеяльце, сложила его так же, как она, поднесла угол к носу, засунула большой палец в рот и спросила: «Посмотри, ведь смешно, правда?» Девочка серьезно посмотрела на меня и сказала: «Ты все делаешь не так».

Нередко именно тогда, когда мы совершенно уверены, что нашли с детьми общий язык, мы глубоко заблуждаемся.

Когда маленький сын задал мне неизбежный и давно ожидаемый вопрос «Откуда берутся дети?», он не застал меня врасплох. Четко и ясно я объяснила ему суть процесса и даже начертила подробную схему. Сын внимательно выслушал меня; он был восхищен мудростью природы. Особенно поразило этого логически мыслящего ребенка, как точно все предусмотрено природой. Ему не терпелось поделиться своим открытием, и он спросил: «А папа об этом знает?»

С удивлением и признательностью мы смеемся над неожиданным, над нелепостями, смеемся над доведенной до абсурда истиной; порой смеемся, чтобы скрыть слезы. В настоящем юморе всегда есть привкус печали; подлинный юмор — серьезен.

«Смейтесь при любых обстоятельствах, — говорил Шолом-Алейхем. — Смейтесь, даже если шутка не доходит до вас, смейтесь авансом. Шутку можно понять позже, ну а если и вовсе не поймете, хотя бы посмеетесь всласть». Он очень любил смех

и был превосходным мимом и рассказчиком. Когда мы, его внуки, были маленькими, он сочинял смешные истории, чтобы позабавить нас. В завещании Шолом-Алейхема сказано, чтобы в память о нем родные и друзья собирались в годовщину его смерти и читали вслух его юмористические рассказы. Это стало священной традицией в нашей семье. Ежегодно в день смерти Шолом-Алейхема мы читаем вслух его лучшие юмористические рассказы, смеемся, пьем чай и расходимся по домам.

Будь то незнакомая аудитория, обед с другом или гостиная, полная знакомых, слушатели — ваш безмолвный (будем надеяться) партнер, барометр вашего успеха. Ловят ли они каждое ваше слово, или на лицах застыла вежливая скучающая улыбка? Или у них тускнеют глаза от ваших слов, вянут уши? Отклик слушателей зависит во многом от их ожиданий. Если вы начинаете рассказ с извинений: «Честно говоря, я не так уж силен в этом... Боюсь наскучить вам...» — слушатели примут ваши слова за чистую монету. И наоборот, создайте себе репутацию острослова, и не успеете вы рта раскрыть, как люди уже станут смеяться, повинувшись своеобразному условному рефлексу. Но не вздумайте предвосхищать их ожиданий: «Это уморительно! Вы только послушайте!» Разочарование неизбежно. Не следует также предрекать: «С этим человеком не соскучитесь», ибо человек, которого вы представляете таким образом, может подумать, что его пригласили только для того, чтобы он своими рассказами «заплатил» за угощение. При такой рекомендации человек может даже попытаться стать «душой общества» — печальная миссия, которая легко оборачивается шутовством.

Если вы внимательны к слушателям, вы не будете обижать их, не станете хулить их религиозных убеждений, нарушать установленные правила поведения или оскорблять чье-либо достоинство... Вы не позволите себе весьма распространенной бестактности — не попытаетесь единолично завладеть разговором, не станете обращаться лишь к одному из присутствующих, не замечая всех остальных. Свою аудиторию надо знать. В одном из рассказов Чехова — я привожу его в весьма вольном изложении — герой подтрунивает над своими слушателями.

Человек рассказывает молодым экзальтированным дамам о любовном приключении. Очувтившись однажды ночью в незнакомом городе, в незнакомой комнате, он собирается лечь в постель, как вдруг в комнате неожиданно появляется прекрасная молодая женщина. Она страстно обнимает его в темноте и шепчет слова любви... Они проводят восхитительную ночь.

«Кто же была эта незнакомка?» — восклицают молодые дамы, сгорая от нетерпения. «Моя жена, разумеется, — отвечает рассказчик. — Разве я не сказал, что мы путешествовали вместе?» Слушательницы очень разочарованы. И пока рассказчик не убедил их, что это была не жена, а незнакомая дама, интерес к рассказу не возобновился.

К месту рассказанная история зачастую оказывается аргументом, подтверждающим чью-либо точку зрения более убедительно, чем пространная полемика.

Как-то на собрании писателей горячо обсуждался вопрос о цензуре детской литературы. Когда меня попросили изложить свою точку зрения, я встала и рассказала эпизод из своего детства.

«Однажды, — сказала я, — когда мне было лет девять или десять, к нам заглянула мамина подруга и пришла в ужас, обнаружив, что я читаю «Яму» Куприна — роман о проституции с ярким описанием венерической болезни и сыпи, которая выступает на теле больного. «И ты разрешаешь маленькой Белочке читать такие книги!» — воскликнула гостя. На что мама дала, на мой взгляд, вполне разумный ответ: «Если она понимает, о чем идет речь, — ничего страшного, а если не понимает — это ей не повредит». Мама и не подозревала, что в книге Куприна я нашла удивительно точное описание кори; тем она меня и привлекла».

Я не стала обижать свою интеллигентную аудиторию рассуждениями о том, что «дети вооружены собственной невинностью и потому их книги не следует подвергать цензуре», не сделала никакого вступления и ничего не объяснила в конце («Главное для меня была сыпь. Понятно?»), не увязла в расплывчатых, полузабытых деталях: «Я читала одну книгу... Позвольте, как бишь ее? Что-то такое, чего мне читать не полагалось. Название, кажется, начиналось то ли с «Я», то ли с «А». Погодите, сейчас вспомню. В то время мне было девять, нет, скорее десять лет. Нет, девять. Десять мне быть не могло — мы ведь только что переехали в Одессу, где отец... О чем мы говорили? На чем я остановилась?..»

Убить рассказ — дело нехитрое. Так на каждом шагу и получается. У некоторых прямо талант упускать «соль», терять нить повествования, забывать о важных деталях и о кульминации. Это не рассказчики, а мастера растекаться мыслью по древу, иными словами — зануды.

Существуют, конечно, разные степени и уровни занудства. При умеренном занудстве слушатели подавлены, но не обречены; неумеренный же зануда выступает под разными личинами.

Надоедливый зануда хватается слушатели за лацкан пиджака, чтобы тот не сбежал, тычет ему пальцем в живот, подчеркивая «соль», замирает, когда говорят другие, чтобы при первом удобном случае перехватить инициативу. Зануда-соавтор не может удержаться от участия в чужом рассказе, он поправляет рассказчика, вносит свои изменения, добавления, подсовывает «изюминку». Зануду-примадонну — им может быть и мужчина и женщина — надо умолять, чтобы он согласился раскрыть рот. Зануда-сплетник, зануда-педант... Длинный и знакомый перечень... Но зануда из зануд — это зануда-балагур. Он беспрестанно сыплет остротами, шутками, прибаутками, бессмысленными, неуместными, затасканными... Иногда среди них попадает кое-что забавное, но чаще всего они вовсе не смешны, хотя слушателям приходится смеяться — от неловкости и из великодушия, а то и в силу стадного инстинкта...

Не каждому человеку от природы дана живость природы, актерский талант, остроумие, искусство подражания. И если унылый, апатичный человек не станет блестящим рассказчиком, он может по крайней мере научиться не быть занудой.

Искусство рассказа можно совершенствовать. Прежде всего обращать внимание на людей, ибо люди — это главное. Лица в метро, уличная сценка, обрывки подслушанного разговора... Если вы умеете видеть, слышать и наделены хоть чуточкой доброты и малой толикой воображения — вы вполне сможете стать рассказчиком.

Подобно герою пьесы Мольера, который с удивлением обнаружил, что всю жизнь говорит прозой, вы, быть может, и не подозреваете, что, рассказывая какую-нибудь историю, делаете это с большим мастерством. Но одного мастерства недостаточно. На поверку выходит, что хороший рассказ завораживает, а рецепта волшебства пока нет. Но он почти в ваших руках, если вы знаете, как начать и когда кончить.

Завершив рассказ, не вздумайте объяснять или исправлять его. Последняя фраза сказана, а потому не топчитесь у дверей, не возвращайтесь за калошами. Дойдя до конца, остановитесь и поставьте точку.

Что я и делаю.

Материнская любовь

Совсем недавно у меня впервые в жизни появилась внучка. Она живет на улице, где преступность принимает угрожающие размеры, в мире, где загрязненность воздуха, перенаселение

и неустроенность лишают людей веры в будущее. Она только что научилась смеяться.

Когда я держу ее на руках — крохотный кулачок сжимает прядь моих волос, доверчивая теплая мордашка прижимается к моему лицу, — я вспоминаю своих собственных детей, ненадежную, хрупкую радость.

* * *

Когда моему сыну (отцу новорожденной) было четыре года, я впервые повела его в цирк. Мне не терпелось увидеть представление его глазами. Но у входа я совершила ошибку: я купила ему красный воздушный шар.

И во время грандиозного захватывающего зрелища — величественные слоны (подумать только, тридцать слонов!), акробаты, канатоходцы, выступавшие под барабанную дробь, — мой сын был поглощен своим воздушным шаром, не отрывал от него глаз.

— Джонатан, посмотри, какие слоны! Видишь, как скачут на лошадях наездницы. Сейчас из пушки вылетит дядя. Ну смотри же — вон туда!

Но красный воздушный шар, поскрипывающий в его потных маленьких ладонях, занимал и радовал его больше всего.

Теперь, четверть века спустя, я думаю, что он был прав.

* * *

Однажды я спросила своих учеников: «Для чего вы читаете книги?» Они высказали все то, что, по их представлению, ждал от них учитель: чтобы научиться грамотно писать, понять, что хорошо, а что плохо, исправить отметку. Расширить свой кругозор. Мы читаем, потому что читали все, теперь наступила наша очередь, потому и мы должны делать это.

Ни один из них не сказал: для удовольствия. Никто не произнес слова «радость».

В наши дни немногие говорят о радости, которую доставляют дети. Женщины, желающие иметь детей, занимают оборонительную позицию. Доводы у них примерно такие: сохранить семью, обеспечить поддержку в старости, наверстать упущенное или исполнить свой женский долг.

Некоторые не хотят давать детям жизнь в мире, каким он стал в наше время. Я с уважением отношусь к их доводам: экологическим, биологическим, психологическим. Не то время,

говорят они, мир прогнил до основания. Будущее ненадежно. Доводы других носят более личный характер: дети мешают делать карьеру, угрожают браку. Изменяют стиль жизни. Некоторые заявляют: «Я не для того мучилась над древнеанглийским языком, чтоб возиться с пеленками».

Они ошибаются. Стирать пеленки — небольшая радость, иметь детей — огромное счастье. Это не обязанность и не лекарство от всех бед. Решиться на такой шаг означает риск без всякой гарантии на последующую отдачу. Разве существует идеальное время для женитьбы, рождения ребенка, смерти? В наши дни женщина может сама принять решение: зачать, сделать аборт или усыновить ребенка. Но если женщина захочет родить своего собственного, по-моему, она выбирает радость — и не в прошлом, а в ближайшем будущем. Радость такую же непосредственную и осязаемую, как красный воздушный шар. И такую же хрупкую.

* * *

Я говорю здесь от своего собственного имени, как мать. Возвращаюсь к своим дневникам, книгам по уходу за ребенком, альбомам с фотографиями, чтобы вспомнить, что означало быть молодой матерью в том дотелевизионном мире, когда у прошлого еще было будущее. Чтобы заново пережить все связанное с моими детьми, когда они были маленькими. Для подтверждения своих сегодняшних мыслей и чувств.

Задача не из легких. Перед лицом мрачного настоящего и зловещего будущего я даже не решаюсь говорить о радости. Как можно рассуждать о материнской любви, когда в наши дни она, по Фрейдю, превращается в повод для самобичевания или самолюбования. Само слово «мать», за исключением новогодних поздравлений и подарков к праздникам, превратилось в эквивалент ругательства.

Я боюсь также впасть в сентиментальность, вызвать чувство вины или попросту смутить моих детей.

Теа и Джонатан выросли. У них собственная жизнь — интересная, сложная жизнь взрослых людей. Они живут далеко от меня, в других городах, теперь их судьбы находятся в их собственных руках. Говорить о том, что некогда они были маленькими и зависимыми существами, — значит смущать их; напоминание об этом может быть воспринято как предательство.

В лучшем случае отец или мать могут скомпрометировать своим поведением подрастающего или взрослого сына или дочь: «Ну что ты, мама, перестань». Неизбежно приходит время,

когда подросток отстраняется от привычного объятия или нежного поцелуя. Одно только присутствие взрослого нередко вызывает у детей чувство протеста.

Однажды я сидела в парке на скамейке, читала книгу. Ко мне на трехколесном велосипеде подъехала незнакомая девочка. Она внимательно рассмотрела меня, потом строго сказала: «Не сиди здесь». И укатила на своем велосипеде.

Прощают ли дети своих родителей? Должен ли человек постоянно нести на себе груз детства? Я пыталась избежать ошибок, которые совершали мои родители, но не убереглась от своих собственных, да еще каких! Неподходящая школа, неоправданная операция, навязанное расставание, безутешные слезы. Плюшевый мишка, прижатый ночью к теплой пижаме,— от какого одиночества, страха, слез мог спасти он?

Если бы можно было начать все сначала! Вернуться назад, когда все можно было исправить! Повернуть колесо вспять, как это делают при замедленной съемке, и ныряльщик грациозно взлетает из воды обратно на вышку.

Надо было больше слушать больше смеяться.

Для меня не существовало таких проблем, как ненарисованная картина, ненаписанный роман, несостоявшаяся карьера. Напротив, я отказалась от преподавательской работы, которая отрывала меня от моих детей, когда они были маленькими; я просто не подходила к пишущей машинке, настойчиво напоминающей о том, что пора завершить работу над рассказом. Более того, я и думать не хотела о том, что надо работать. Однажды мне пришлось на несколько недель оставить маленького сына у своих родителей, которые жили в другом городе. О боли, которую я пережила, можно только догадываться. Запись в моем дневнике состоит всего из нескольких слов: *«Ездила к Джонатану. Сквозь перекладки своей кровати он гладил мое лицо. Отдал мне все игрушки»*. В то время я считала, что только так и должно быть. Мне и в голову не приходило задавать вопросы, которые возникают у современных женщин на каждом шагу.

И в то же время я не забывала о самом главном.

Запись в дневнике: *«Воскресенье 7 декабря 1941 года. Знаменательный день! Я ощутила внутри себя жизнь. Сегодня во мне шевельнулся ребенок!»* (Мне и в голову не пришло упомянуть Перл-Харбор.)

Запись в дневнике: *«У меня родился сын!»*

Вот здесь, моим собственным почерком, 29 лет назад, выцветшими теперь чернилами я написала о чуде: на свет появилось новое живое существо. Думающий, чувствующий человек!

Запись в дневнике: рост, вес, цвет глаз, цвет волос, склонности. Отмеченные вехи: от первого слова, произнесенного моим сыном, до его речи на выпускном школьном празднике; от первого шага моей дочери — до ее сольного танца на вечере балета.

«Сегодня он улыбнулся. Настоящая улыбка, а не гримаса от боли в животе. Сам снял чулок!»

Сказал: *«Ябоко»*.

Придумал шутку: *«Папа — тяпа»*; безудержно хохотал. Лихорадочно перелистываю страницы дневника: ползает — сидит — стоит — ходит — карабкается вверх — ушел из дома...

Пошел в школу, уехал в лагерь, уехал в колледж; опустевшая комната, наполненная неожиданной оглушительной тишиной. Оставил дом навсегда.

Отпускать свое дитя — нелегко. У птиц это получается гораздо лучше. Птичья мама не кричит вслед вылетающему из гнезда птенцу: *«Осторожно! Не спеши! Смотри не простудись. Не качайся — упадешь! Возвращайся! Скорее возвращайся назад!»*

Перелистываю альбом с фотографиями. На всех снимках — улыбки. Они навсегда сохранились здесь под целлофаном. Вот Теа с лопатой на берегу; а это Джонатан, застывший в неподвижности на качелях... А это я — беременная! До сих пор помню это пальто, эту улицу, это удивительное ощущение полноты жизни. Продолжительные прогулки, когда дышишь полной грудью и думаешь о ребенке...

У воображаемого малыша еще нет лица. Когда мне впервые принесли моего сына, мне могли бы показать кого угодно, хоть котенка — он столько месяцев жил во мне, а лица его я не знала. И только когда мальчика приложили к моей груди (почему никто не говорил мне о том, какую эротическую радость доставляет кормление?), я мгновенно узнала его, и меня захлестнула волна бережной любви.

Запись в дневнике: *«Проспала до 9 утра. Какое блаженство! Пришла няня присмотреть за детьми. Я сбегала в кино — оьянела от свободы!»*

Хорошо бы найти собеседников старше трех лет и одного года!»

Но не все шло весело и гладко. Вспоминаю болезни: первую простуду, удаление миндалин, аллергию.

Помню и усталость, обиды, скуку. (Где ты оставила свою резинку для волос, дорогая? Но я же тысячу раз читала тебе эту сказку.)

Бесконечная череда мисок с кашей, пластырей, бутербродов

с фисташковым маслом, пляжных костюмов и сапожек, ремешков и варежек, пуговиц, кнопок, молний. Когда же они научатся завязывать башмак? Готовиться ко сну? Когда вырастут наконец? Куда я торопилась?

А вот коробка с сокровищами, которые так бережно хранят все матери — до какого дня? Какой ночи? Уродливый поднос из глины с отпечатками пяти коротких пухлых пальчиков. Расплывающееся небо, нарисованное когда-то яркими акварельными красками.

Коиверт с неуверенными нацарапанными карандашом каракулями: *маме от Джонатана*.

Нарисованный цветными мелками домик с глазами-окнами, носом-дверью, похожей на цилиндр трубой, выплевывающей непрменные кольца дыма. Дерево с зелеными завитками. Желтое солнце с лучами-пиками. А от дверей дома до самого края страницы четкая дорога. Куда она ведет?

Аккуратно перевязанная коробочка с надписью: первый зуб малышки. Свечка от торта ко дню рождения. Обрывок змея. Рисунок, сделанный для меня к празднику Дня Валентины, — сердце, щедро размалеванное красной краской. Прядь волос после первой стрижки. Табель с отметками. Двойка за сочинение. А вот — первая фраза моего сына. Удивительно интересно наблюдать за тем, как работает детское сознание, когда ребенок начинает говорить. Я смотрю на облака.

— Смотри, какие дымочки плывут по небу, — замечает Джонатан.

— У Сэнди голос темнее моего, — говорит Теа.

— А сколько ей лет?

— Кажется, начало седьмого.

Кто бы мог придумать, как это сделал Джонатан, такое убийственно обидное прозвище, которое просто прилипло к его сестре после смерти ее любимой черепахи: «Эх ты, черепашья мучительница».

Дети воспринимают окружающий их мир буквально и непосредственно. У них своя неопровержимая логика.

Когда мы с Джонатаном — в то время ему еще не было и трех лет — впервые пошли вместе в гости, он с любопытством оглядел незнакомую гостиную, внимательно рассмотрел все, что в ней находилось, а потом подошел ко мне и спросил:

— Теперь мы будем здесь жить?

— Нет, — сказала я.

— Тогда почему же мы не идем домой?

Этот здравый смысл восхитителен. Он проявляется у большинства детей. В одном из рассказов Чехова маленький маль-

чик рисует картинку. Отец спрашивает мальчика, почему человек на его рисунке выше, чем дом. «Если бы человек был ниже дома,— резонно отвечает мальчик,— ты не мог бы увидеть его глаза».

Запись в дневнике: первая проверка Джонатана в детском саду на сообразительность. Ему было тогда три года. Экзаменатор, молодая усердная женщина, показала ему картинку с изображением человека, сидящего на ветке дерева. Человек отпиливал эту ветку и должен был упасть вместе с ней на землю.

— Что неправильно на этой картинке? — спросила экзаменатор. Джонатан посмотрел на картинку, потом на женщину и не произнес ни слова.— Ты видишь какую-нибудь ошибку на этой картинке? — ободряюще подсказала женщина.

Мой сын как воды в рот набрал. Подумать только, провалиться на таком простом тесте! И, только когда мы возвращались домой, я услышала, как он бормочет:

— Глупая тетя.

— Что ты сказал?

— Глупая тетя. Не знает, что он упадет на землю.

Наконец-то!

— Но почему же ты не сказал ей об этом?

Он пренебрежительно пожал плечами.

* * *

Мои дневники говорят о любви. Самой бескорыстной. Она ничего не требует взамен. Она просто существует сама по себе. Никогда и никому больше я не буду так нужна. Никто не будет так безгранично верить мне. «Мама, почини это!» Пока что мама еще может починить.

— Мама пришла! — Мои колени в теплом объятии. Я беру свое дитя на руки, и малыш прижимается ко мне, обнимает меня за шею, доверчиво признается:

— Как хорошо, что ты со мной!

Любовь, зажатая в кулак страха, причиняла мне боль. Я знала обо всех опасностях — перейти улицу, прожить жизнь.

Я автоматически убирала подальше от детей разные предметы: английские булавки, спички, тяжелую пепельницу.

Проводила бессонные ночи, чтобы знать наверняка: ребенок спит. Прислушивалась: жив, дышит? Годы спустя прислушивалась к повороту ключа в дверях, телефонному звонку, молила, чтобы в почтовом ящике лежало письмо.

Я рабски следовала всем назиданиям специалистов. В те

годы маятник медленно раскачивался из стороны в сторону. Когда родился мой сын, оракулы педиатрии рекомендовали: не брать ребенка на руки, давать ему кричать, кормить каждые четыре часа. Я стояла за дверями детской и мучилась, слыша его крик, требующий еды; мою грудь распирало от прибывшего молока, но я дожидалась, пока стрелка часов покажет, что наступило время кормления.

Через два года для моей двухлетней дочери маятник качнуло в другую сторону. Врачи предписывали: брать ребенка на руки, кормить, как только он проголодается, играть с малышом, ласкать его.

Авторитеты сбивали меня с толку, подавляли мои инстинкты. Чтобы перехитрить врагов-микробов, я при малейшей простуде надевала на лицо маску, стерилизовала посуду; о молоке беспокоиться не приходилось — оно поступало непосредственно от производителя к потребителю; но я обдавала кипятком апельсин, нож, которым надо было его разрезать, чашку, к которой прикасались губы ребенка. И только после того, как мой сын в один прекрасный день в парке подобрал с земли окурок и съел его, я выбросила стерилизатор.

Казалось, моим детям были известны труды авторитетных ученых, включая Фрейда. По крайней мере они действовали в соответствии с основами его теории.

Эдипов комплекс: «Давай выбросим папу в окно, и я буду спать в маминой кровати»,— заявил Джонатан в том самом возрасте, когда ему положено было говорить это.

Детское соперничество: в разгаре ссоры раздаются негодующие крики: «Нечестно!.. И мне тоже!»

Я старалась быть справедливой: отмеряла одинаковое количество горошин, подарков, похвал. Но иногда один из детей неизбежно оказывался в более выгодном положении.

Много было написано о гневе старшего в связи с появлением в семье новорожденного. Джонатан с поразительной прямоотой сформулировал это: «Она мне не нужна».

При этом он был просто напичкан назиданиями. Стоило сестренке пукнуть, как он, понимая, что это неприлично, смущенно восклицал: «Будь здорова, дорогая крошка! Прости меня».

Он пытался также учить сестренку.

— Вот этот барашек,— объяснял он, показывая ей книжку в картинках,— называется собачка.

Он говорил с такой уверенностью, что Теа не возражала ему. Однажды за обеденным столом, задумчиво разглядывая разрезанного на части цыпленка, Джонатан заметил:

— У некоторых цыплят бывает четыре ноги.

К пяти годам он научился хитрить. Кто-то подарил его сестре розовую муфточку. Джонатан ерзал на диване, с жадностью глядя на нее.

— У меня замерзли руки.

— Тогда надень свои варежки, милый,— отпарировала я, с подозрением глядя на сына.

— Мои руки замерзли по чему-нибудь розовенькому.

Теа в свою очередь изводила брата своими рисунками. На одном из них она нарисовала семью, сидящую за столом, на котором много вкусной еды, а Джонатан скрючился под столом и кормит свирепую кошку...

* * *

Наступило время, когда я с ужасом обнаружила, что не могу больше защищать своих детей от окружающего мира. Это случилось, когда обескураженная Теа вернулась домой из детского сада, заливаясь безутешными слезами.

— Сузи больше не хочет водиться со мной.

Я была бессильна.

До той поры я старалась дать ей все, что было в моих силах: уроки рисования, танца, маленькие накрахмаленные балетные пачки, розовые и желтые, как перевернутые тюльпаны, гуттаперчевые игрушки, развивающие сообразительность игры, краски, не вызывающие аллергии, одобренные для детского восприятия головоломки, пластинки, книжки-картинки, говорящие и плачущие куклы.

До этого дня мне всегда удавалось утешить ее.

По ночам я спасала ее от всех страхов, брала на руки — теплая липкая щечка прижималась к моей щеке. И ходила взад и вперед по детской, напевая извечные песенки без мелодии, без слов, которые несли с собой уверенность, что в комнате нет ни бабы-яги, ни тигров.

— Ш-ш-ш, успокойся, родная, все хорошо. Не бойся, мама с тобой.

Мама, самая надежная Защита, была рядом.

Помню ледяной пронизывающий ветер, когда день за днем я стояла на улице с коляской и размахивала руками, чтобы хоть немного согреться... Ночью я на цыпочках подходила к детской кроватке, чтобы укрыть свою дочь, такую незащищенную, раскрасневшуюся во сне, в полураскрытых губах торчит большой палец.

Но разве я могла защитить ее от подруг, которые не захотят

с ней водиться, от друзей, которые будут разочаровывать ее, от возлюбленных, которые могут ее предать?

Я должна была знать это раньше. С самого момента рождения — дети в опасности.

Однажды, когда мой сын был еще совсем маленьким, он впервые услышал пластинку с песенкой о Джеке и Джилли и неожиданно расплакался.

— Не хочу, чтобы Джек разбивал себе голову,— рыдая, повторял он.

— Но это же сказка, песенка,— успокаивала я сына.

И хотя в тот раз мне удалось его утешить, я, как любящая мать, понимала — за стенами нашего дома бушует насилие, а через 15 лет моего сына ждала война. Ни витаминные капли, которые я регулярно давала моему мальчику, ни уколы, ни прививки от оспы и разных детских болезней не спасут его. Мой сын может погибнуть в любую минуту.

* * *

Простая вера помогает людям жить. Каждый наш шаг основан на вере — перейти мост, войти в лифт, сделать денежный вклад, поверить другу или влюбиться. Вера в то, что мир уцелеет, что жизнь обернется к нашим детям своей лучшей стороной.

Жена моего сына, как и многие другие современные женщины, не так встревожена. Она доверяет своим инстинктам. Не задумываясь, она естественно держит себя со своей дочерью, играет и разговаривает с ней. Они неразлучны. Всякий раз, когда моя невестка отправляется за покупками, она пристегивает себе на спину, как маленький рюкзачок, свою дочку на холщовом складном стульчике и небрежно засовывает при этом, точно шариковую ручку, в карман револьвер со слезоточивым газом.

* * *

— Вчера, когда я был у тебя в животе,— в детстве говорил Джонатан.

Для детей прошлое — это «вчера», будущее — «завтра».

Так же как и для всех нас.

Сегодня, играя со своей внучкой, я думаю о собственном конце. Когда у нее появятся дети, меня, наверное, уже не будет. Но, несмотря на неизбежность моего ухода из жизни, в ней что-то останется от меня. Что-то останется. Во имя моих детей я лично заинтересована в грядущей судьбе мира. Одна только

вера и револьвер со слезоточивым газом — слабое утешение. Я хочу лучшего мира для моих детей и внуков.

Может быть, это продиктовано эгоистическими соображениями, стремлением сохранить семью в разобращенном и отчужденном мире. Сбереечь в сердце мгновенье хрупкой радости, когда под звуки отдаленной барабанной дроби набирают мощь грозные события. (Сколько их!)

Вчера, когда мои дети были маленькими и нуждались во мне, какой счастливой и озабоченной, усталой и неуверенной, ликующей и полной жизни я была! Они доставляли мне такую радость. Привязывали к жизни. Как хорошо, что они у меня есть.

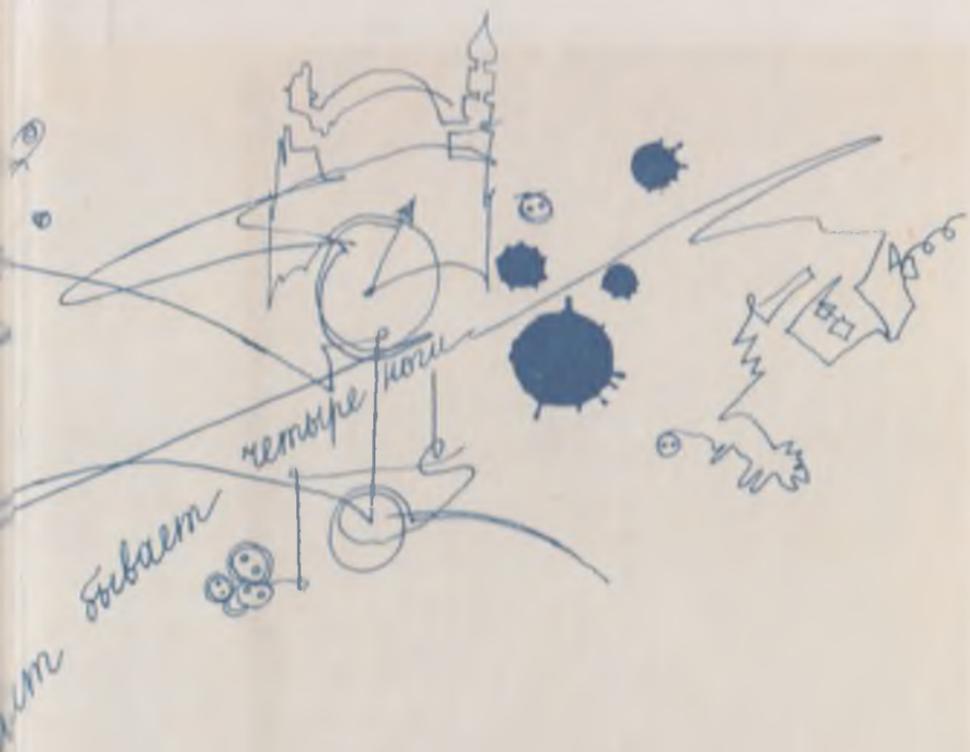
Содержание

От автора. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	5
Вверх по лестнице, ведущей вниз. Роман. <i>Перевод Е. Ивановой и С. Шайкевич</i>	11
Эссе	
* И снова вверх по лестнице, ведущей вниз. <i>Перевод В. Воронина</i>	239
* Письмо покойному учителю. <i>Перевод В. Воронина</i>	250
Читалка. <i>Перевод Ф. Лурье</i>	258
Воображение. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	260
Отвечайте на вопросы ваших детей и воспитывайте у них любовь к познанию. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	262
Искусство рассказчика, вызывающее смех, слезы, раздумье. <i>Перевод Ф. Лурье</i>	269
Материнская любовь. <i>Перевод Ф. Лурье</i>	277

ИБ № 4425. Редактор И. П. Архангельская. Художник Д. А. Крымов. Художественный редактор Н. Н. Шербакова. Технический редактор С. Ф. Сизова. Корректор В. Ф. Пестова. Подписано в печать 6.01.89. Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсет. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 15,75. Уч.-изд. л. 14,44. Тираж 20000 экз. Заказ № 1405. Цена 1 р. 60 к. Изд. № 4210. Издательство "Радуга" В/О Совэкспорткнига Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 119859, М., ГСП-3, Зубовский бульвар, 17. Отпечатано с готовых пленок ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО "Первая образцовая типография" имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, М., Валовая, 28 на Можайском полиграфкомбинате В/О Совэкспорткнига Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

у некоторых у...

Имя американской писательницы Бел Кауфман хорошо известно читателям США и других стран мира. Ее автобиографический роман «Вверх по лестнице, ведущей вниз» получил широкое международное признание.

На протяжении 15 лет Бел Кауфман преподавала английский язык и литературу в средних школах Нью-Йорка. В романе ярко, правдиво, со множеством достоверных подробностей передана атмосфера американской школы для «непривилегированных» детей и подростков.

Роман получил высокую оценку литературной критики и после первого издания в США в 1964 году выдержал десятки изданий. Переведен на 12 языков, в том числе на русский (первая публикация в журнале «Иностранная литература», № 6, 1967 г.). Роман был успешно экранизирован. В 1979 году вышел в свет новый роман Бел Кауфман «Любовь и все остальное».

Бел Кауфман ведет творческие семинары в американских университетах, колледжах, писательских студиях. Выступает перед молодежными и учительскими аудиториями США о постановке образования, воспитания детей и подростков, а также о творчестве писателя Шолом-Алейхема, внучкой которого она является. В своих многочисленных статьях, очерках и эссе Бел Кауфман пишет о том же: о жизни детей, учительском труде, постановке образования в США, литературном труде.